

К.Ю. СТРАВИНСКАЯ

12 NORTH WETHERLY DRIVE

HOLLYWOOD, 69, CALIFORNIA

22 марта 1966

Писать, датировать свои сочинения - отнюдь не обязанность композитора, а лишь желание. Д. ШОПЕН (А. ДАЛГА)

Косички радужа, как тебя благода-
ряю за гутное Советские издания: КИЖИ, Но-
вобургский монастырь, ПИИЦИ-СЕРГЕВСКАЯ
ЛАВРА !!! Я оз. старинные и новые книги из-
дания изумительного русского зоркости
СПАСИБО СПАСИБО СПАСИБО

И. Ф. СТРАВИНСКОМ

О

У нас пока все...
...из концернов...
...мотом снова... СЕЙТАС СОТНИТЕАБСТВО.

И ЕГО БЛИЗКИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МУЗЫКА“
Ленинградское отделение · 1978

К.Ю. СТРАВИНСКАЯ

О И.Ф.
СТРАВИНСКОМ
И ЕГО
БЛИЗКИХ

Общая редакция и вступительная статья
В. В. СМИРНОВА

Рецензент Б. М. ЯРУСТОВСКИЙ,
доктор искусствоведения

Художественное оформление
А. И. ПРИЙМАКА

С $\frac{90102-713}{026(01)-78}$ 601-78

© Издательство «Музыка», 1978 г.

Несколько штрихов к портрету И. Ф. Стравинского

В последние годы советская музыковедческая литература об И. Ф. Стравинском заметно пополнилась. За монографией Б. М. Ярустовского «Игорь Стравинский», выдержавшей два издания, последовали публикации: Игорь Стравинский. «Диалоги» (Л., 1971), сборник «И. Ф. Стравинский. Статьи и материалы» (М., 1973), книга М. С. Друскина «Игорь Стравинский» (Л., 1974), готовятся к печати «Избранные письма И. Ф. Стравинского» — и все это, не считая многочисленных отдельных статей. Интерес к творчеству и личности И. Ф. Стравинского, чье искусство являло собой на протяжении более шестидесяти лет средоточие многих эстетических и стилевых проблем русской и зарубежной музыки XX века, ни в коей мере не ослабевает, но продолжает нарастать; причем этот интерес распространяется на книги самого разного типа: исследования, мемуары, эссе, публикации. За И. Ф. Стравинским закрепилась репутация «человека с тысячью лиц», музыкального Протея. Этой репутацией пользуется не только Стравинский-композитор, не раз смущавший музыкальный мир внезапными сменами творческих манер, но и Стравинский-человек, тщательно оберегавший свое внутреннее «я» и часто прибегавший к некоей защитной маске, которую он охотно демонстрировал. Именно она располагала к созданию всевозможных легенд и домыслов, разного рода сенсаций вокруг фигуры композитора, чем не раз пользовались и еще поныне пользуются некоторые зарубежные «интерпретаторы» его творчества. Для нас же важно другое: не быть введенными в заблуждение этой маской, а распознать под ней истинное лицо художника, приблизиться к постижению его внутренней сущности — творца и человека. Такой цели подчинены усилия многих исследователей. Той же цели — в своем скромном и очень «личном» аспекте — служит небольшая книга Ксении Юрьевны Стравинской, родной племянницы композитора.

В основу книги положены дневники встреч со Стравинским в последнее десятилетие его жизни, а также переписка с ним (и его близкими). Их дополняет подборка писем сестры К. Ю. Стравинской — Татьяны Юрьевны Стравинской. Автор книги —

не музыкант и не профессиональный литератор. К. Ю. Стравинская — архитектор, человек живого и пытливого ума, разносторонне образованный. Она много лет жила в доме, где с 1881 года обосновалась семья Стравинских и где провел свои «русские годы» И. Ф. Стравинский. Ксения Юрьевна унаследовала от отца — Юрия Федоровича (брата композитора) часть семейного архива Федора Игнатьевича Стравинского — прославленного баса б. Мариинского театра, обладавшего широким кругом знакомств в художественном мире Петербурга и собравшего богатейшую библиотеку. К. Ю. Стравинская оказывала и оказывает всякого рода помощь и содействие лицам, занимающимся творчеством И. Ф. Стравинского. Фактически она посвятила себя служению его памяти. Книга строго документальна. К. Ю. Стравинская пишет только о том, что лично видела и пережила. Этим ее книга выгодно отличается от публикаций, смешивающих жанр воспоминаний с жанром эссе, приправленных беллетристическим вымыслом, изобилующих сомнительными гипотезами. Автор предпосылает каждой части раздел, вводящий читателя в повествование, текст писем и дневников перемежает пояснениями. Эти пояснения содержат весьма важные сведения, частью почерпнутые из семейного архива, частью являющиеся результатом изысканий самой Ксении Юрьевны Стравинской.

Первый раздел книги составляют письма Т. Ю. Стравинской, писавшиеся из Парижа и Ниццы в 1925—1926 годы. Прежде чем остановиться на нем, напомним читателю некоторые факты творческой биографии композитора, которые помогут оценить письма Татьяны Юрьевны.

И. Ф. Стравинский покинул Россию в 1914 году. Он оставил *царскую* Россию. Его отъезд носил характер художественной эмиграции, ибо триаде его балетов («Жар-птица» — 1910, «Петрушка» — 1911, «Весна священная» — 1913), прославивших русскую музыку и русский балет в Париже, не находилось места на сцене императорских театров. Действовали те же «тормозы русского искусства», о которых писал еще Стасов, — косность, бюрократизм, засилие вкусов власть предержащих. Известно, как приветствовал Стравинский свержение самодержавия, послал матери телеграмму: «Все мои мысли с тобой в эти незабы-

ваемые дни счастья, которые переживает наша дорогая Россия»¹.

Во время первой мировой войны Стравинский жил в нейтральной Швейцарии, а затем избрал Париж (в период между мировыми войнами) в качестве основного местопребывания.

Позади остался «русский» период—самый блистательный в композиторской биографии Стравинского. Правда, русские темы продолжали его занимать вплоть до «Свадебки» (1923). Эпизодически они возникали и много позже. В 20-е годы совершился крутой поворот в эволюции Стравинского — начался неоклассический этап его творчества, который продлился около тридцати лет, до 1951 года — года окончания оперы «The Rake's Progress». Начало этого этапа отмечено сочинением «Пульчинеллы» (1920), Октета (1923), Сонаты (1923—1924), Концерта для фортепиано и духовых (1923—1924). В это время ширится мировая известность композитора. Стравинский начинает много выступать и как исполнитель своих сочинений — дирижер и пианист. В 1925 году состоялось его первое турне в Америку. В том же году он приступает к работе над оперой-ораторией «Царь Эдип» (по Софоклу). В настоящее время уже отошла в прошлое пора удивления перед неожиданностью зигзага композиторского пути Стравинского — от буйного импрессионизма русского периода к неоклассицизму. Исследователи находят закономерности его эволюции, в частности, идущие от «миriskусничества». Неоклассические ориентации, сказавшиеся в этот период, выразились в стремлении Стравинского «создавать новую музыку по подобию музыкальной классики XVIII века»². Таким образом, композитор подчеркивал связи не с непосредственно предшествовавшей ему романтической эпохой («вчерашней»), а с эпохой «позавчерашней», обратясь к моделям искусства барокко и раннего классицизма. Его неоклассицизм носил универсальный характер. Стравинский с равной уверенностью творил по подобию Перголези, Баха, Вивальди, Корелли, Люлли, Рамо, Глюка, Моцарта, Вебера, Чайковского. Отдавая должное его вельтмейстерскому стилю, нельзя не отметить печати невосполнимых утрат,

¹ Сб.: И. Ф. Стравинский. М., 1973, с. 489.

² I. Strawinsky. Leben und Werk von ihm selbst. Mainz, 1957, S. 191.

которые нес его неоклассицизм, а именно — в этом неоклассицизме ощутима вторичность природы творчества. Охваченный идеей всевропейского неоклассицизма, Стравинский нивелировал национальные признаки своих моделей. Русские черты стиля самого Стравинского, однако, достаточно отчетливы, к какой бы стилистической модели он ни обращался. Ему принадлежала очевидная историческая роль: он возглавил движение неоклассицизма в послевоенной Европе и был его лидером. Признавая это, нельзя забывать, что это движение приобрело в разных странах свой смысл, в ряде случаев весьма отличающийся от неоклассицизма Стравинского. Так, например, во Франции, Италии, Англии, Испании композиторы устанавливали преемственность от традиций далекого прошлого, одновременно с этим ставя задачи утверждения нового национального классицизма.

Сочинения Стравинского в неоклассический период достаточно изучены. Подобного нельзя сказать о Стравинском-человеке, создавшем их, об его укладе жизни, его семье, его доме в тот же период. Причем, наши сведения особенно скудны о жизни Стравинского в Ницце, где был дом его семьи (наряду со вторым его домом — квартирой в Париже). Эти сведения неизмеримо беднее того, что мы знаем о «русском» периоде или даже об «американском» периоде.

В «Хронике моей жизни» Стравинский лишь вскользь, между прочим упоминает о Ницце. Немногом щедрее его биографы. Вообще, нельзя не посетовать на то, что биографы музыкантов в наше время обычно скупы на подробности среды, где обитает герой их повествования. Разительный контраст им составляют биографы писателей, художников. Вспомним, например, сколь скрупулезно исследованы быт и окружение Чехова, вспомним в том же плане исследования, посвященные художникам-импрессионистам. Конечно, в слове и рисунке выступает художественная действительность, легко сличимая с реальной. Иначе в музыке, где такие соответствия значительно опосредованнее. И тем не менее роль среды, быта, уклада жизни нельзя недооценивать.

Правда, XX век выдвинул перед биографами свои проблемы. Жизнь многих деятелей искусства словно лишилась оседлости.

Постоянные турне, концертные выступления, переезды. Яркий пример этому — И. Ф. Стравинский, который уже с 10-х годов вел фактически жизнь на колесах. Достаточно раскрыть «Хронику» на страницах, касающихся середины 20-х годов. Как в сказочном калейдоскопе мелькают города: Варшава, Прага, Рим, Берлин, Амстердам, Мадрид, Барселона, Париж, Лондон, Гаага. Это только в Европе, не считая США. Их пестрая смена мешает различать время, когда композитор сосредоточивался для творчества. Именно в Ницце Стравинский мог спокойно творчески работать. Он пишет: «... я возвратился в Ниццу, чтобы провести там летние месяцы, отдохнуть от своих многочисленных путешествий и снова заняться творческой работой»¹.

И все же поразительно слабую освещенность быта, «внутреннего распорядка» жизни композитора в это время можно, пожалуй, объяснить только тем, что сам Стравинский невольно спровоцировал исследователей и биографов на преимущественное сравнение своих сочинений с композиторскими моделями «позавчерашней» эпохи, наглухо задраив двери в свой внутренний мир.

Что может внимательный и непредвзятый читатель почерпнуть в письмах Татьяны Юрьевны, приезд которой к Стравинским счастливо совпал с «затворничеством» Игоря Федоровича в Ницце? Им присуща известная наивная восторженность, столь чуждая нашему рациональному веку, обильные излияния и признания, теперь воспринимаемые подчас как старомодные. Вместе с тем именно эти черты придают им аромат документа эпохи. И если естественны были в них отдельные купюры, где речь шла о слишком семейных и личных вещах, то приглаживать и ретушировать их стиль было бы непозволительно. Стравинский, подлинное лицо которого, по убеждению многих, уже неотлично от маски, в этих письмах предстает простым и человечным. Круг семьи, в который вошла Татьяна Юрьевна, исключал всякий психологический маскарад.

Письма Т. Ю. Стравинской лишний раз показывают, что с отъездом композитора за пределы родины не сразу оборвались нити, связывавшие его с Россией. Кстати сказать, сам компо-

¹ Стравинский И. Ф. Хроника моей жизни. Л., 1963, с. 184.

зитор вспоминал в «Диалогах» о посещении его Т. Ю. Стравинской¹ (т. е. это посещение оставило след в его памяти). Приехав во Францию, Стравинская с девичьей увлеченностью (порой чуть наивной, но ведь ей всего — 20 лет) описывает новую для нее обстановку в Париже и особенно в Ницце: роскошную южную природу, семейный уклад Стравинских и, конечно, образ жизни боготворимого ею дяди.

И. Ф. Стравинский, как и все его окружение — мать Анна Кирилловна, жена Екатерина Гавриловна, — встретили Татьяну Юрьевну как родную дочь. Стравинский ведет с ней беседы о музыке, о новых течениях в искусстве, играет ей свои сочинения, в редкие минуты отдыха берет ее на автомобильные прогулки со своими детьми, «проказничает» вместе с ними и одновременно заботится о ее будущем, устраивая ее в дорогую школу «Эколь Пюжье». И. Ф. Стравинский нашел в Татьяне Юрьевне не только обаятельную восторженную почитательницу, но и толковую собеседницу (Татьяна Юрьевна обладала художественными способностями, неплохо играла на фортепиано). Что касается музыки, интересующей нас, естественно, в первую очередь, то весьма примечательны несколько моментов писем. Описания Стравинским своего процесса сочинения говорят о том, что композиторский труд для него — «ремесло» (как он считал, подобное любому другому виду деятельности) и что он при сочинении вызывает «известный подъем духа» проигрыванием сочинений старых мастеров, прелюдируя и импровизируя².

Конечно, в подобных словах содержится немало полемики с романтическими воззрениями на миссию художника, окруженного ореолом исключительности. Стравинский тщательно избегает слов *вдохновение*, *озарение* и т. п. Вместе с тем высказывание его, сообщаемое Татьяной Юрьевной, свидетельствует вовсе не о сухом делании музыки. «Он говорит, что, подходя к роялю, он старается забыть все формы композиции, все приемы, для того чтобы его вещь была создана в буквальном смысле слова, а не сделана...» Обращает на себя внимание также

¹ Стравинский И. Диалоги. Л., 1971, с. 26.

² Там же, с. 225.

описание Татьяной Юрьевой И. Ф. Стравинского во время исполнений: «благодаря своему темпераменту, он не может ничего делать наполовину», «на своих концертах он отдает всего себя». Не может не обратить на себя внимание то место ее писем, где Татьяна Юрьевна переизлагает услышанное от Стравинского положение о концентрированности музыкальной мысли в его произведениях. Такая тенденция характерна для общей эволюции музыкального языка в XX веке, но в применении к стилю Стравинского она мало исследована и освещена. И множество других прелюбопытных сведений о Стравинском содержат эти письма.

Думается, что публикация их даст весьма интересный материал биографам композитора.

Дневники К. Ю. Стравинской и ее переписка с И. Ф. Стравинским относятся к последнему периоду его жизни и творчества. Первый дневник датируется осенью 1962 года — временем приезда Стравинского в Россию.

В канун своего 80-летия композитор полон жизненной энергии, разнообразных планов. Он отдает много времени и сил концертно-гастрольной деятельности. Карта его гастролей кажется невероятно обширной для человека его лет: перелеты и переезды с одного континента на другой, из одного полушария в другое; эти утомительные путешествия сопровождаются сменой климата, часовых поясов. Стравинский, кажется, посетил почти все страны мира... за исключением России, где он не был 48 лет. Не прекращаются и творческие искания.

Новый период открылся в 1953 году. Снова Стравинский совершает, на первый взгляд, внезапный стилистический поворот, обращаясь к технике ранее решительно отвергавшейся им нововенской школы. Однако выработанные ею композиционные установления трансформировались в произведениях Стравинского. Вместо обычного для этой школы ряда «двенадцати соотносимых друг с другом тонов» мы видим у Стравинского короткие серии из четырех, пяти, шести звуков, имеющие тематическое значение; вместо хроматики, доведенной до пределов возможного, — у Стравинского диатонические серии; вместо принципиально исключавшихся гармонических сочетаний — у Стравинского опора на вертикаль в его серийной технике.

На вопрос Р. Крафта — «как сказалась работа с сериями на вашем гармоническом мышлении?» — Стравинский ответил: «Я слышу гармонически, разумеется, и сочиняю тем же путем, что и всегда»¹.

Его поздние произведения, написанные с использованием элементов серийной техники, носят индивидуальные черты стиля, присущего Стравинскому. Для него обращение к серийной технике было дополнительным средством достижения совершенного «порядка» в структурах его музыки. Наиболее значительные произведения, созданные им в последний период творчества: «Священное песнопение» (1956), балет «Агон» (1957), «Движения» для фортепиано и оркестра (1959), «Потоп» (1962), «Заупокойные песнопения» (1966). Как воспоминание о русской тематике среди них мелькают «Четыре песни» (1954) и канон на тему песни «Не сосна у ворот раскачалась» (1966), использованной в финале «Жар-птицы» (1910). Налицо новые стиливые искания Стравинского, и вместе с тем нельзя не отметить, как часто в этот период композитор обращается к библейской тематике и какую абстрактную интерпретацию получают у него «вечные» библейские темы.

С 1946 года он не имел вестей непосредственно из СССР. За годы разрыва с Родиной накопилось немало причин, препятствовавших его приезду. Надо вспомнить и международную обстановку конца 40-х — начала 50-х годов — время, когда Маккарти развернул в США разнузданную кампанию «охоты за ведьмами», преследовавшую все передовое, и когда буржуазная пресса особенно искаженно освещала жизнь в СССР. Именем Стравинского пользовались недобросовестные журналисты, приписывая ему в интервью самые фантастические высказывания в адрес СССР и советской музыки. Композитор не находил времени и сил для опровержения их. Правда, и сам Стравинский допустил в «Музыкальной поэтике» (1939) несколько выпадов в адрес советской музыкальной культуры. Естественно, что подобные высказывания и выпады вызывали у нас в стране ответную реакцию, и когда в 1961 году состоялась в Лос-Анджелесе встреча со Стравинским советских композиторов и

¹ Стравинский И. Диалоги, с. 242.

музыкальных деятелей, она развеяла многие недоразумения с обеих сторон. Посещение родины стало реальностью, тем более, что Стравинскому было сделано официальное приглашение. Композитор сразу принял его, скорее всего потому, что мысль о поездке на родину не раз возникала у него. Он осуществил свое намерение, правда, приехав не ко дню 80-летия, как предполагалось вначале, а осенью 1962 года.

Дневниковые записи К. Ю. Стравинской рассказывают последовательно день за днем и даже порой час за часом о пребывании Стравинского в Москве и Ленинграде в те памятные дни. Они хроникально воспроизводят разнообразие встречи на русской земле (в том числе теплую семейную встречу Игоря Федоровича на Крюковом канале), поездки по памятным местам (Архангельское, Новодевичий монастырь, Петродворец, Ломоносов), прием в Московском и Ленинградском союзах композиторов, посещение театров, репетиции и концерты Стравинского, прошедшие с колоссальным успехом (нельзя особо не отметить то, что Стравинский согласился дать открытые репетиции для студенчества и музыкальной общественности). Все это К. Ю. Стравинская описывает точно, опираясь на сделанные тогда записи. Такую манеру описаний особенно ценишь, сравнивая их со страницами дневника музыкального и литературного секретаря Стравинского и дирижера Роберта Крафта, давшего свою «версию» этой же поездки¹. Почти каждая страница дневника Крафта дышит недоброжелательством. Даже когда он пытается шутить — его улыбка зла. Здоровые мысли и меткие наблюдения теряются среди передержек. Он подозревает окружающих его и Стравинского людей в неискренности. Восторги публики Крафт относит к факту возвращения Стравинского — «блудного сына», а не к его музыке. Тем самым Крафт вольно или невольно оскорбляет не только советскую публику, но и композитора, ставя под сомнение способность исполняемых сочинений вызывать у публики восхищение. Произведения советских композиторов кажутся ему — апологету музыкального авангарда — отставшими от музыкального «прогресса» по меньшей

¹ См.: *Dialogues and a Diary*. New York, 1963. Дневник Крафта не вошел в русское издание «Диалогов».

мере на «световой год». Крафт не брезгует и откровенными уже многократно апробированными антисоветскими выпадами вроде двусмысленных анекдотов с политической окраской. Его изумляют и даже раздражают многократные восхищения Стравинского «чудно» (chudno!) как непосредственные отклики на многое из того, что его окружало.

В сопоставлении с «Дневниками» Крафта дневник К. Ю. Стравинской оказался по смыслу и тону диаметрально противоположным, «антикрафтовским» и тем более важным документом, что он восстанавливает историческую истину.

Переписка К. Ю. Стравинской с И. Ф. Стравинским охватывает 1962—1967 годы; ее дополняет переписка Ксении Юрьевны со второй женой Стравинского — Верой Артуровной (урожденной Боссе), сыном и дочерью Федором и Миленой Стравинскими. Письма Ксении Юрьевны Стравинской как бы поддерживали те сердечные отношения, которые установились между ней и дядей во время его приезда в СССР. Инициатива в переписке исходила от нее. Стравинский, много находившийся на гастролях, отвечал ей коротко. Да, если вдуматься в то, как он был занят, сколько времени отнимали у него творчество, гастрольные поездки, деловая переписка и, увы, уже учащавшиеся, все более длительные и серьезные болезни, то можно понять вынужденную краткость его ответов. В письме от 16 февраля 1966 он жалуется: «Я в постоянных концертных турне, отчего времени на нормальную жизнь, при которой люди пишут друг другу письма, не имеется». И все же Стравинский поддерживал переписку, отвечал на письма, сетуя сам же на свою неаккуратность. В том же письме есть очень трогательная приписка: «Не сердись на меня, а просто пиши и люби, как я тебя люблю». Письма Ксении Юрьевны занимают в тексте этого раздела львиную долю. Значит ли это то, что переписка носила только односторонний характер? Думать так было бы ошибочно. Разве нам не интересно узнать, какие чувства будили письма Ксении Юрьевны в Игоре Федоровиче, его реакцию на них? А из его ответов — при всей их краткости — мы узнаем, на что откликался Стравинский.

Поездка в СССР всколыхнула с новой силой интерес Стравинского к России. У него появились планы вновь приехать

в СССР. Вера Артуровна, как мы узнаем из ее письма, в частности, читает книгу о блокаде Ленинграда. Письма К. Ю. Стравинской будоражили в Стравинском чувство тоски по родине. Она писала о судьбе дома в Устилуге, такого дорогого Игорю Федоровичу (с ним связана женитьба на Е. Г. Носенко и сочинение «Весны священной»); о поисках рукописи «Погребальной песни», написанной на смерть Н. А. Римского-Корсакова; о «гроссбухе» отца, где сохранилась запись о рождении Игоря Федоровича; о доме, где он родился; о древнерусском зодчестве; об исполнении музыки Стравинского в СССР, дополнительный толчок к чему дал его приезд, и о многом, многом другом, не менее дорогим И. Ф. Стравинскому. Ее письма доставляли «большую радость» Стравинскому, о чем он не раз писал Ксении Юрьевне. Его же ответы интересны прежде всего как отклики на письма. Эти ответы очень сердечны и теплы по тону, в них встречаются обороты, простота и естественность которых говорит о самой большой искренности.

Постепенно письма Стравинского начинают напоминать «бюллетени» о состоянии здоровья. Он еще крепится и находит в себе силы поиронизировать над своим состоянием, но чувствует, что болезни его одолевают все больше и больше. Последнее письмо от него Ксения Юрьевна получила 12 июня 1967 года. После него следует несколько писем родных Стравинского, которые показывают всю тяжесть его физического состояния. Неумолимо наступающие болезни делают свое разрушительное дело. Из письма Милены (30 декабря 1969 года) мы узнаем, что Стравинский катастрофически ослабел и уже «не может проследить разговор целиком, не может больше связать его отдельные части». Эту горькую фразу нельзя забыть.

И о последнем разделе книги. Ксения Юрьевна оказалась среди тех немногих людей, кто видел Стравинского в последние месяцы его жизни. Волею случая она очутилась во Франции именно тогда, когда Стравинский был перевезен ненадолго из США в Эвиан. Она получила приглашение приехать туда и провела там четыре дня. Дневниковая запись об этих днях, проведенных в Эвиане, и предлагается читателю.

Документально точное описание Ксенией Юрьевной роскошной обстановки фешенебельного отеля в Эвиане как раз только

подчеркивает трагическое положение смертельно больного композитора, проблески эпизодически возвращавшегося сознания которого давали ему почувствовать его полную беспомощность. Как пишет К. Ю. Стравинская, она «была потрясена состоянием дяди». Ей открылась трагедия постепенного умирания. Болезнь разрушала не только тело, но затронула самое бесценное — мозг. Стравинский был отрешен от всего. Иногда это его состояние чуть заметно улучшалось, и сознание ненадолго возвращалось к нему. Ксения Юрьевна хотела порадовать его ожидаемым выходом сборника «Ф. И. Стравинский» и намеревалась просить его предварить этот сборник кратким предисловием. Давний друг Стравинского, музыкальный ученый П. П. Сувчинский посоветовал ей напечатать текст, сведя его к простой, ясной фразе, и в таком виде дать подписать Стравинскому. Этот совет был очень кстати. Стравинский мог только подписать текст (и то не с первого раза).

Конечно, в таком состоянии И. Ф. Стравинский не мог уже вмешиваться в решение дел, хотя бы они и касались самого для него существенного: имеем в виду прежде всего судьбу его бесценного архива и вопрос места его похорон. В связи с подобным состоянием композитора возникает еще один вопрос. В журнале «Мелос» в феврале 1971 года появилась обширная статья «Игорь Стравинский. Портрет художника в преклонном возрасте»¹, построенная как интервью со Стравинским, данное им в Эвиане. Это интервью блистает парадоксами, игрой ума, причудливыми оценками (в частности, симфоний Бетховена). Однако несомненно, что оно уже не могло быть взято у И. Ф. Стравинского. Его мог дать только Крафт.

Всю свою сознательную жизнь композитор страдал от того, что в многочисленных интервью ему часто приписывались мысли и дела, которые он не высказывал и которые он не совершал. От этого он оказался не избавленным и перед смертью. Интервью содержит неверные сведения, в частности, о том, что дом в Устилуге превращен в музей (?), сборник «Ф. И. Стравинский» назван биографией, в статье говорится о публикации

¹ «Melos», 1971, 2 Heft, перепечатка из «The New York Review of Books», в сокр. варианте появилась также в «Die Welt» 7 ноября 1970 г.

писем, как уже осуществленной и т. д., в нее вошли и неприкрытые антисоветские фальшивки (например, фантастическая и столь же смехотворная цитата из «Санди таймс» о боннских шпионах, передававших в Москву научные секреты... во время исполнения «Жар-птицы»).

В связи с этим интервью невольно вспоминаешь о вызвавшей бурную полемику книге Л. Либман¹, которая, наряду с признанием роли Крафта как стимулятора музыкальной и литературной деятельности Стравинского в последние десятилетия его жизни, бросила Крафту ряд серьезных упреков, и в их числе упрек в том, что Крафт присваивал себе право говорить от имени композитора в его мемуарных книгах (особенно последних). Эта проблема — чрезвычайно сложная и специальная, и мы сейчас только по необходимости ее упоминаем. Однако очевидно, что описание К. Ю. Стравинской того, в каком состоянии видела она Стравинского в Эвиане, в то время как продолжали выходить статьи за его подписью и интервью с ним, вносит свою лепту в решение этой спорной проблемы, в данном случае не в пользу Крафта.

В целом книга К. Ю. Стравинской вводит в научное и читательское обращение новый, свежий материал об И. Ф. Стравинском, преимущественно о последнем периоде жизни композитора, мало пока освещенном у нас. Думаю, читатель будет признателен автору за ее книгу, прибавляющую несколько штрихов к подлинному портрету Стравинского.

В. Смирнов

¹ Libman L. And music at the close: Stravinsky's last years. New York, 1972.

Ленинградское отделение издательства «Музыка» предложило опубликовать некоторые из имеющихся у меня материалов об Игоре Федоровиче Стравинском. Среди этих материалов: письма моей сестры Татьяны Юрьевны Стравинской к родителям из Франции во время ее поездки к И. Ф. Стравинскому в 1925—1926 годах, моя переписка с Игорем Федоровичем и его близкими, а также воспоминания и впечатления о пребывании композитора в Советском Союзе в 1962 году и дневник встречи с ним во Франции в 1970 году. Отсюда возникло построение книги.

Первая глава знакомит с письмами Татьяны Стравинской, которые даны в кратких выдержках, с кратким пересказом содержания тех страниц, которые менее интересны современному читателю. Письма эти воспроизводят картину жизни семьи Стравинского, а также его самого в 1925—1926 годах.

Вторая глава посвящена приезду Игоря Федоровича в Советский Союз (1962). Приезд Игоря Федоровича я описала, пользуясь записями для памяти, которые тогда вела, не обходя порой и кажущиеся мало значимыми детали, так как считала, что нередко мелкий штрих помогает объяснить тот или иной факт. В эту главу вошло также письмо моей матери Елены Николаевны Стравинской Игорю Федоровичу, датированное 1946 годом, и его ответ; мое письмо дяде, написанное накануне его приезда в СССР, и его первое письмо ко мне.

Третья глава содержит мою переписку с Игорем Федоровичем и его женой Верой Артуровной, письма которой привожу в выдержках. Цитирую также отрывки из писем ко мне Федора Игоревича и Милены Игоревны. Свои письма Игорю Федоровичу даю в сокращении. Писала я ему не часто, стараясь сообщить что-нибудь особо примечательное: об исполнении его музыки, о содержательных встречах, о вынесенных впечатлениях из какой-либо интересной поездки и т. п., при этом предпочитала не очень распространяться о болезнях и деталях быта, делая исключение тогда, когда нельзя было об этом умолчать. Письма Игоря Федоровича ко мне — очень личные, семейные по тону, помещены среди кратких пояснений, касающихся его невероятно интенсивной жизни, бесконечных разъездов с выступлениями и записями, а затем подступающих болезней, которые, все возрастая, крещендо, неумолимо охватывали композитора. Письмо от 12 июня 1967 года было последним ко мне.

Четвертая глава описывает встречу с Игорем Федоровичем в Эвиане в 1970 году. Привожу свои записи, несколько сократив их.

Во всех четырех главах я дала дополнительные сведения о родственниках, о ряде лиц, с которыми встречался Игорь Федорович, сообщая то, что слышала от своих родителей, иногда приводя небольшие «исторические» справки или цитируя литературные источники. Рассказала о некоторых периодах и эпизодах семейной жизни, о родственных взаимоотношениях.

Признаюсь, что приходилось все время себя ограничивать, чтобы не слишком углубляться в дебри этой небезынтeресной «семейной хроники». Ведь важно знать и о тех, с кем великий человек общался, кто оставил след не только в творчестве, но в его душевном мире. Встречи Игоря Федоровича со мной были абсолютно лишены какой-либо деловой заинтересованности. Я просто пребывала в радости от общения с дядей, который стал мне так близок. С его стороны я также глубоко чувствовала большую к себе приязнь и подлинно родственное отношение. Все это дало мне возможность по-своему воспринять Игоря Федоровича — человека.

В человеческих взаимоотношениях, их восприятиях полной объективности не существует. Каждый воспринимает другого по своему духовному модулю, настрою. Приходит на память хотя бы М. Волошин в воспоминаниях В. Вересаева, М. Цветаевой, В. Рождественского, И. Эренбурга — столь разноречивых, но при этом все-таки дополняющих друг друга. Так, до приезда Игоря Федоровича к нам в 1962 году мы почти не знали о нем как о человеке. Имели только сведения, почерпнутые из двух первых томов «Диалогов» с Крафтом. (Да и многие ли их читали на английском языке? Пожалуй, лишь те, кто специально занимался творчеством Стравинского.) Стравинский — человек представлен в них остроумным насмешником, суровым критиком и инспровергателем признанных кумиров, весьма сухим по отношению к близким, даже к родственникам.

Я пишу о том Стравинском, каким его увидела и почувствовала сама. Мне он предстал совсем иным. Весь его духовный облик явно располагает к нему, когда читаешь письма, которые он писал близким (эпистолярный Стравинского готовится к печати).

Невольно задумываешься о том, насколько человек многогранен, что в нем заложены различные реагенты и что авторы воспоминаний отражают преимущественно те из реагентов, которые близки их строю нравственных понятий, мыслям, моральным эквивалентам, одни — с преимуществом темных, негативных восприятий, другие — позитивных. И да простит мне читатель мою субъективность, иногда даже прорывающуюся солидными порциями эмоций!

В книге я решила обойтись без комментариев. Обычно комментарии — эти деловые информации — помещают в конце книги, раздела. Для чтения их нужно каждый раз листать страницы, искать; многие их просто не читают. Сведения об упоминаемых лицах я вплела в текст повествования. Переписку с Игорем Федоровичем и его близкими сопровождаю сведениями из его жизни этого периода. Я их дополнила от М. В. Юдиной, И. И. Блажкова, частично из книг о Стравинском и прессы.

От Веры Артуровны Стравинской, Федора Игоревича и Милены Игоревны я получила разрешение привести отрывки из их писем. К Р. Крафту я не обращалась с такой просьбой, поэтому иногда лишь упоминаю некоторые фактические сведения из писем ко мне.

Я не сообщаю, что исполнялось Игорем Федоровичем в перечисляемых городах и странах, для этого у меня нет полных и достоверных сведений, да это уже вопрос специального исследования.

Глубокую благодарность приношу Ларисе Михайловне Кутателадзе, убедившей меня работать над этой книгой.

В процессе работы над материалами я пользовалась многими изданиями и статьями на английском языке. Только благодаря переводам Веры Александровны Линник они были для меня доступны, за что глубоко ей признательна.

СТРАВИНСКІЕ

6

Нище

1925—1926 гг.

Разбирая старые письма, я обнаружила пачку писем почти пятидесятилетней давности, которые хорошо помнила, но считала давно утраченными. Писала их моя сестра Татьяна Юрьевна Стравинская, двадцатилетняя девушка, уехавшая в марте 1925 года из Ленинграда в Ниццу к дяде Игорю Федоровичу Стравинскому, вернее, к его семье. Письма адресованы к родителям Татьяны Юрьевны — Елене Николаевне и Юрию Федоровичу. (Письма ко мне не сохранились.) Они ценны достоверностью и непосредственностью изложения фактов и впечатлений человеком, прожившим около года в семье композитора.

Прежде нужно сказать несколько слов о причине поездки Татьяны Юрьевны и о том, что этой поездке предшествовало. После смерти (в ноябре 1902 года) Федора Игнатьевича Стравинского, артиста Мариинского театра, его семья продолжала жить сообща. Квартира 66 в доме Тупикова по Крюкову каналу, 6 (теперь 8), была снята Федором Игнатьевичем в 1881 году. Старшему сыну Роману было тогда шесть лет, второму — Юрию — три года. В эту же квартиру привезли двухмесячного Игоря, родившегося в 1882 году на даче в Ораниенбауме, а позже — трехмесячного Гурия, родившегося там же в 1884 году. В ноябре 1902 года в квартире 66 осталась вдова Федора Игнатьевича Анна Кирилловна с тремя сыновьями (Роман умер в 1897 году). Первым «вылетел из гнезда» Юрий. В январе 1904 года молодой архитектор женился на Елене Николаевне Новоселовой и переехал в казенную квартиру на Николаевском (ныне Московском) вокзале, где получил должность помощника начальника службы пути. Там мы с сестрой и родились. Анна Кирилловна была очень ревнивой матерью и тяжело переживала женитьбу и уход из дома сына.

Хорошо помню рассказ родителей о забавном случае на их свадьбе. Они венчались в закрытой для посторонних церкви Института путей сообщений. Свадьба была очень скромная: в семье еще был траур по Федору Игнатьевичу.

*Дача в Ораниенбауме (Ложаносов), где родился И. Ф. Стравинский.
Рисунок отца композитора, 1882 г.*

чу. После венчания молодые, согласно обычаю, вдвоем сели в закрытую карету. Не успели они немного отъехать, как кто-то постучался в дверцу. Остановились. Оказывается, Игорь: «Юра и Лёля, все рассаживаются по извозчикам, а у меня нет денег; я поеду у вас в ногах на полу кареты, только никому не рассказывайте». Так втроем они весело и доехали до дома.

Помню еще рассказ о «бегстве» дяди Игоря из дома. Анна Кирилловна, после смерти мужа, не хотела, чтобы Игорь полностью посвятил себя музыке, и требовала, чтобы он кончил юридический факультет. Тогда была, так сказать, «мода» среди интеллигенции на этот факультет. Считалось, что он дает самое широкое и всестороннее образование. В это время Анна Кирилловна с двумя младшими сыновьями по-прежнему жила

*Дом на Крюковом канале в Ленинграде,
где с 1882 по 1909 гг. жил Н. Ф. Стравинский*

в огромной девятикомнатной квартире на Крюковом канале, что было не по средствам. Но обменять ее на меньшую Анна Кирилловна не хотела, так как все здесь было связано с памятью о покойном обожаемом муже, не хотелось нарушать что-нибудь в громадной, уш-

альной библиотеке Федора Игнатьевича, занимавшей в его жизни столь большое место. Видимо, мать ущемляла музыкальные интересы Игоря, так как однажды он явился к моим родителям в их новую квартиру очень взволнованный и расстроенный. Он прожил у них несколько дней, после чего Юрий ездил к матери улаживать этот инцидент. Эту историю я неоднократно слышала от своих родителей. В «Диалогах» с Крафтом Игорь Федорович пишет об этом, называя не дом моего отца, а одного из братьев Елачиной¹. Ясно, что он запомнил.

Вторым женился Игорь в январе 1906 года. Женился на своей двоюродной сестре Екатерине Гавриловне Носенко. Она была очень любима Анной Кирилловной. Мать Кати, Мария Кирилловна, умерла, когда ее дочерям было одной три, а другой один год. Анна Кирилловна постоянно с ними виделась и подолгу у них жила. Словом, Катя была «своя» и при этом девушка редкой душевной красоты. Поэтому, поженившись, молодые супруги продолжали жить на Крюковом канале до 1909 года. Там у них родились старшие дети Федор (в 1907 году) и Людмила (в 1908 году).

¹ Стравинский Н. Диалоги, с. 29.

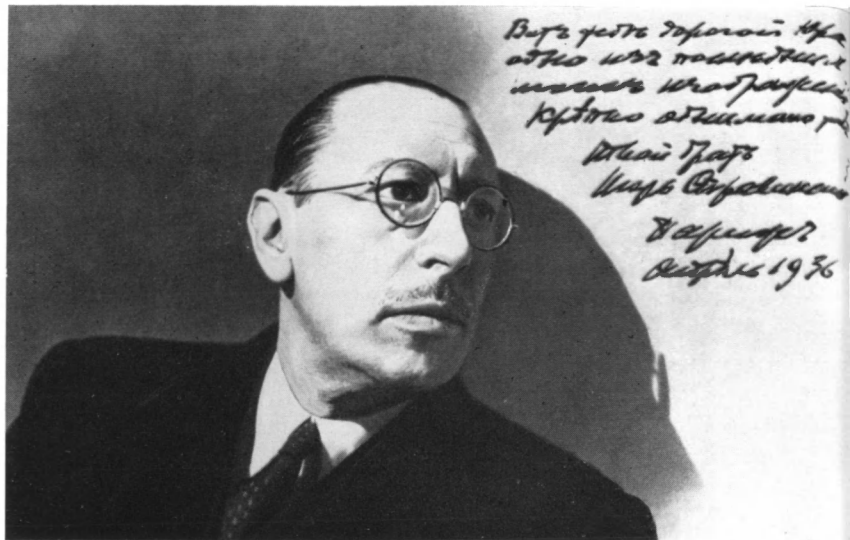
В эти годы мои родители продолжали встречаться с Игорем и его семьей. Лето 1905 года они все вместе провели в Устилуге. Игорь Федорович в письме к Владимиру Николаевичу Римскому-Корсакову от 21 июня 1905 года писал: «Юра с Лёлей и ребеночком (Татьяной.— *К. С.*) тут, что мне очень приятно. Я за последнее время как-то особенно сошелся с Лёлей и Юрой, они мне особенно дороги». Маленькими детьми мы с сестрой, конечно, встречались с дядей Игорем, его прелестной женой тетей Катей и детьми. У нас долго жил плюшевый мишка дяди Игоря.

Но дальше жизнь разлучила братьев. В 1907 году мой отец заболел серьезной формой туберкулеза (бич семьи!) и два года лечился в Давосе, в Швейцарии, потом переехал на юг России. Игорь же с 1910 года из-за болезни жены (туберкулез) лето проводил в Устилуге, а зиму не в Петербурге, а в Швейцарии. Да и постоянная связь с дягилевским театром требовала быть ближе к Парижу. Остались только письма... Переписывались мои родители все годы, до 1937, очень активно с Екатериной Гавриловной и Анной Кирилловной, уехавшей из Петрограда к сыну Игорю в 1922 году. С братом Игорем, который всегда был невероятно занят, отец переписывался очень редко.

В 1910 году наша семья перебралась в Крым, в Масандру. Перенесенный отцом туберкулез заставил исконого петербуржца Ю. Ф. Стравинского переехать на время, как тогда думали, на юг. Там он много и успешно работал как архитектор. Потом война и революция. 1918—1920 годы в Крыму шла гражданская война. Эти годы были суровы — голод, разруха. Не было транспорта, а следовательно, хлеба. От крайнего истощения спасались тем, что ели жирного дельфина, хотя есть его можно было лишь с омерзением. В 1923 году мы вернулись в Петроград, и только тогда, после длительного перерыва, родители списались с дядей Игорем и тетей Катей. Приглашение Тани родственниками в Ниццу было вызвано не только ее ослабленным здоровьем

*И. Ф. Стравинский и Ш. Рамаол.
1917 г.*

И. Ф. Стравинский. Париж, 1936 г.

(перенесенный перед этим процесс в легких), но еще и мотивами личного порядка. В сентябре 1924 года бабушка Анна Кирилловна Стравинская писала: «Относительно Танечкиного приезда к нам Катя вам уже ответила, я же могу только прибавить к этому, чтобы вы заранее не могли сомневаться в том, как будут Катя и Гима¹ реагировать на ваше желание прислать к нам Танечку. Разумеется, они отозвались на это со свойственной им душевной отзывчивостью и счастливы будут наконец увидеть и наяву узнать Танечку, счастливы будут принять ее у себя... Все ее кузены в восторге от этой перспективы и будут ждать ее с нетерпением. О себе и говорить не стану, так как вы сами можете себе легко представить, какая это будет радость.

¹ Гима — уменьшительное имя Игоря.

для меня, радость, на которую я уже и надеяться не могла, чтобы увидеть и обнять хотя бы одну из моих двух внучек, которых с ялтинских лет не видела. Пусть приезжает Танюрочка, я думаю, что ей будет тепло и хорошо в родной семье Кати и Игоря, которые ее согреют и обласкают, только бы она без вас и Ксенички не соскучилась, только бы наша тихая патриархальная жизнь не оказалась слишком скучной и однообразной. Ведь у нее дома много знакомых и друзей, с которыми ей весело, они бывают друг у друга, устраивают вечера, танцуют, веселятся, а здесь она этого иметь не будет, так как у нас тут в Биаррице не было ни души знакомых, а в Ницце и подавно никого не знаем, а Катя не легко заводит знакомства и жизнь проводит самую тихую в своем кругу... Впрочем, все здесь ей покажется так ново и интересно, что, может быть, она и не будет скучать, особенно среди вечно веселой и оживленной компании, которой она будет здесь окружена, говорю о ее кузенах и кузинах, которые встретят ее с распростертыми объятиями».

Итак, в марте 1925 года Татьяна попала в иную обстановку, в кардинально иной мир. Эта юная девушка, полная радости и добрых чувств, с широко раскрытыми на мир глазами, буквально впитывала в себя все, что преподносила ей эта новая, столь отличная от окружавшей ее недавно, жизнь.

В пятидесяти письмах Татьяны, из найденной мною пачки, содержится описание ее путешествия, впечатления о нескольких днях, проведенных в Париже, и затем многих месяцах жизни в Ницце. Таня дает подробные характеристики всех членов семьи Стравинских и многих их гостей. Описывает детей, их привычки, интересы, характеры, внешность, развлечения, взаимоотношения с родителями. Восхищается Игорем Федоровичем, его музыкой, которую только там она по-настоящему узнала, его кипучей энергией, удивительной работоспособностью, его привязанностью к детям, семье. Пишет о художественных интересах и вкусах семьи,

о Пикассо, чье имя у них высоко ставится и под влиянием которого находится Федя.

Многократно с нежностью, потом с любовью пишет о тете Кате, этой умной, глубокой и исключительно сердечной женщине с ее тихим шармом. Мы много слышали о ней от родителей, которые ее нежно любили и ценили. Тетя Катя в юности, и даже выйдя замуж, придавала мало значения внешности, скромно одевалась, была весьма застенчива. Она увлекалась музыкой (в молодости серьезно занималась вокалом), живописью... Все это отошло на второй план, когда она стала матерью четырех детей, женой знаменитого музыканта, хозяйкой большого дома. Все близкие ее боготворили, включая и бабушку (ее свекровь и тетю). Часто болея, тетя Катя самоотверженно поддерживала в себе бодрость духа, чтобы болезнь ее не мешала жизни близких.

Таня с грустью описывает бесконечные болезни, которые не оставляли не только многострадальную тетю Катю, но и других членов семьи. Рядом с этим идет описание домашнего уклада, квартиры, режима жизни. И почти в каждом письме, особенно в первой половине года, она в ярких красках живописует изумительную природу, которая является фоном всего происходящего.

Все это дает очень жизненное впечатление о семье Игоря Федоровича, о его связях с ней, обстановке, в которую он попадает, приезжая из своих многочисленных гастролей или возвращаясь из Парижа, с его напряженной, насыщенной делами жизнью, чтобы, замкнувшись «у себя наверху», с головой погрузиться в творчество. В этот период Игорь Федорович работал над серенадой in A для фортепиано, посвященной «Моей жене», и над оперой-ораторией «Царь Эдип».

Ниже я привожу большие выдержки из этих писем. Желание поскорее поделиться пережитыми впечатлениями подталкивает ее руку. Яркие встречи, вопросы личного

характера, быта, причуды моды, подробности жизни — все это описано живо и красочно. Стиль Таниных писем очень непосредственный, безыскусный и не похожий на современный. Разнообразие ласковых обращений, изъяснения нежности, поцелуи в конце писем — все это пришлось, конечно, отбросить. А сколько (увы!) еще исключено страниц, к основной теме данной книги прямо не относящихся. Эти письма могли бы составить интересный томик, проникнутый ароматом давно ушедших лет.

Одиннадцатого марта, после нескольких месяцев переписки, подготовки, волнений, сборов, Татьяна наконец выехала из Ленинграда в Париж. Теперь этот путь занимает три часа самолетом или меньше двух дней прямым поездом. В 1925 году она ехала шесть суток со многими пересадками и остановками, посылая письма из Пскова, Риги, Эйдкунена. В последнем она провела несколько часов у Марии Адольфовны, племянницы Берты Самойловны Эссерт — любимой няни, «Берточки», вынянчившей четырех братьев Стравинских. Берта пришла в семью Стравинских в 1881 году, когда Роме было 5 лет, Юре 3 года, Игорь и Гурий родились уже при ней. Когда дети выросли, она продолжала жить у Анны Кирилловны как член семьи, помогая ей в ведении дома. Летом Берта ездила со всей семьей в имение Екатерины Кирилловны — Печиски или усадьбу сестер Людмилы и Екатерины Носенко — Устилуг. Потом Берта осталась в семье Игоря и Екатерины Стравинских (летом в Устилуге, зимой в Швейцарии) и нянчила их детей. Умерла она в Морже в 1917 году. Игорь Федорович многократно упоминает о ней в «Хронике моей жизни» и в «Диалогах». В письме к сыну Федору от 12 апреля 1947 года он просит «позаботиться о сохранении ее могилы». Он говорил даже, что «грустил по ней больше, чем позднее по матери». Это и понятно, ведь смерть Берты была неожиданной и первой в семье. Анна Кирилловна же умерла в возрасте 85 лет, и это была третья

смерть, постигшая Игоря Федоровича в течение полу-года: дочь Людмила умерла в 1938 году, жена Екатерина Гавриловна в марте 1939 года и в июне 1939 — Анна Кирилловна. Мария Адольфовна, племянница Берты, приезжала к тетушке в Петербург и знала всех членов семейства, которые были как родные для ее тети.

Затем Таня останавливалась еще на сутки в Берлине, красочно описывая свои впечатления, затем в Кельне и, наконец, 17 марта приехала в Париж.

В Париже Таню встретила тетя Ирочка, родная сестра мамы¹, и устроила в гостинице, где сама жила с мужем. Первые страницы писем Тани полны парижских впечатлений, описаний красивых и грандиозных площадей, авеню, дворцов, соборов, огромного уличного движения. «Я уже сошла немножечко с ума», — пишет она. Очень ярко и эмоционально описывает вечерний Париж, залитый искрящимися феерическими световыми рекламами, посещение ресторанчика, живое непосредственное поведение его посетителей. Захлебываясь от впечатлений, пишет: «Я попала удивительно удачно, так как сегодня „микарем“ (карнавал)... у меня совершенно дух захватило. Французы совсем особый народ... Взрослые люди, в самых невероятных костюмах с визгом врываются в метро, бегают, хохочут». Или: «По улице неистово бежит змейкой целая свора юношей в пестрых халатах... Все заражаются каким-то диким весельем... Я смотрела только со стороны, но хохотала до слез и сама была заражена, ослеплена...» Четыре дня проведены в Париже. Поездки по городу, встречи... «Вечером я бросаюсь усталая в постель и засыпаю, как убитая, чтобы на следующий день, едва открыв глаза, опять начинать свою вакханалию... За это время было уже так много интересного, что можно написать целую книжку... Два раза заходила к дяде Игорю, звонила ему, пока не убедилась, что его застать в Париже нельзя. Оставила ему записку.» (Игорь Федорович имел в Париже квартиру.)

¹ Ирина Николаевна Теропиано, урожденная Новоселова.

Вечером 21 марта Таня выехала из Парижа в Ниццу. «Начиная от Марселя,—пишет она,—мы ехали по самому берегу моря. Природа прямо сказочная. Сам Марсель и подъезды к нему напоминают Крым: те же кипарисы, мирты, только очень много маслиновых рощ. Около Канн природа становится прямо-таки тропической. Море чудное. К самому берегу спускаются вечнозеленые растения, из красной земли вылезают огромные, смешные по своей форме кактусы. Виллы здесь до того красивы, что невозможно описать. Масса цветов и изумительные пальмы. Алоэ образуют целые чаши огромных кустов. Всюду в садах апельсиновые деревца, сплошь увешанные спелыми оранжевыми плодами. Дядя Игорь живет в самой лучшей части города, вилла расположена в глубине чудного сада. На трамвае доехать до города гораздо скорее, чем от нас до Невского.

Тетя Катя встретила меня очень тепло и радостно. Девочки тоже были в восторге. Мальчики остались дома потому, что только недавно оправились от свинки. Тетя Катя выглядит очень молодо. Она очень хорошо одета и немного подмазывает губы. Девочки одеты в английском

*Т. Ю. Стравинская.
Ницца, 1925 г.*

духе и очень миленькие. Миленочка просто очаровательная и очень похожа на Ксению, а Мика не очень хорошенькая, но удивительно пропорциональная и крепкая. Мы поехали на автомобиле, так как мои вещи были слишком тяжелы, чтобы идти с ними и сесть в трамвай. Меня сразу поразил их сад изобилием цветов. В комнатах всюду стоят разноцветные анемоны, дивные гвоздики и анютины глазки. На пороге дома меня встретили мальчишки, и мы расцеловались. Вообще дети все прелестные. Они все, не исключая Федей (который на целую голову выше меня), какие-то дети, несмотря на свое развитие. Ко мне они относятся совершенно по-братски. Квартира у них дивная и огромная, в двух этажах, уютная внутренняя лестница. Бабушка меня встретила холоднее всех. Она очень постарела. Сегодня ей сняли повязку с оперированного глаза.»

Дальше Тапя описывает дом Стравинских с его укладом, свои впечатления о детях¹. «Федя, Мика, Светик довольно хорошо говорят по-русски, но иногда ужасно смешно выражаются. Миленочка говорит довольно плохо. Больше всех мне нравится Светик. Он самый теплый. Вообще я целый день пахожусь в обществе мальчишек, так как бедная Милена заболела, а Мика очень много учится. Светик необыкновенно музыкален и очень недурно играет. Меня заставили с ним сыграть в четыре руки. Я ужасно боялась бабушки, но она сказала, что совсем недурно и мне пужно упражняться. Федя перестал брать уроки музыки, так как слишком серьезно занялся живописью. Он очень хорошо понимает музыку, очень образован музыкально, и мне кажется, что и очень способен. Мне целый день показывали вещи дяди Игоря, и Светик их наигрывал. Затем поставили граммофонную пластинку — Октет дяди, и мы с Федей следили по партитуре. Мне безумно нравятся Концерт и Октет.

¹ Дети Игоря Федоровича: Федор — род. в 1907 г., Людмила (Мика) — род. в 1908 г., Святослав — род. в 1910 г., Милена — род. в 1914 г.

Правда, они все построены на странных сочетаниях, невозможно трудный счет, но всюду можно легко проследить тему и просто очень красиво.»

Из письма от 6 апреля: «Эту неделю мы несколько раз ездили в окрестности Ниццы. Погода установилась великолепно, и я наконец увидела Ниццу во всей ее красе. Почему-то ее природа совершенно не похожа на природу Крыма. Море здесь всегда разное и всегда особенно прекрасное. То оно у берегов до того прозрачное, что видны морские травы с горы и вся полоса становится изумрудно-зеленая, то оно все застывшее, лиловато-синее или полосатое — голубое и розовое. Так как Ницца расположена на холмах и горах, море всегда бывает видно сквозь деревья — пальмы, кактусы или сосны. Я до сих пор не могу привыкнуть к кактусам, и их величина приводит меня в дикий восторг. В то воскресенье мы были в Вильфранш. Так как это была моя первая прогулка, то я совершенно обалдела от красот этого городка. Он весь расположен на скалах, и дома по крутому склону спускаются к самому морю. Крыши одного дома начинаются у самого фундамента другого. Из всех щелей лезут кактусы, фикусы и мимозы. Некоторые сплошь обвиты какими-то яркими лиловыми цветами. Парк там совершенно естественный, некультивированный и страшно заросший. Накануне, в пятницу, Федя водил меня на гору Шато в самом центре города. Несмотря на это, там есть совершенно дикое место, а город виден со всех сторон. На склоне ее дивный парк. Всего описать невозможно. . .

Вчера, в воскресенье, мы ездили в Монте-Карло и Монако. Тетя Катя возила целый питомник — пять „детей“, начиная от двенадцати до двадцатилетнего возраста. Мы, как цыплята, послушно бегали за курицей. Бедная тетя Катя. Мне бы хотелось не так ездить в Монте-Карло.

У казино мы встретили Дягилева, и тетя Катя меня с ним познакомила. Он ужасно толстый, немолодой, не особенно симпатичный. Он был со своим братом и

собачкой под мышкой¹. Я отказываюсь описать, до чего все это красиво (конечно, не Дягилев с собачкой, а Монте-Карло). Здание казино ужасно вычурное, пышное, и меня сразу оскорбила его архитектура в таком чудном месте. Тетя Катя говорит, что казино такое и должно быть и другое бы не вязалось с ее представлением о Монте-Карло. Мы не попали в период самого шикарного сезона, и в толпе элегантной публики попадались и такие, как мы. Все террасы, спускающиеся к морю, были полны шикарной публики. Масса старых уродливых дам, безумно накрашенных и пышно, безвкусно одетых во все белое с огромным белым мехом на плечах. Самое красивое все-таки не казино с парком, а порт с полуостровом и дворцом Монако. Так велико это государство, что мы пешком прошли от одного конца до другого, через всю столицу, походили по городу, через порт поднялись к дворцу и гуляли по парку. Изумительно красивы стены, некогда защищавшие дворец Монако. Они остались нетронутыми и сохранили свой старинный вид. Из всех щелей растут яркие левкои и лакфиоли. Так как людям забраться на стены нет никакой физической возможности, цветы разрастаются на свободе. Площадь дворца очень торжественная, у входа стоят смешные гвардейцы, разодетые как куклы, с важным видом театрально выставив ногу вперед. Несколько гвардейцев мы встретили

¹ Неоднократно в литературе о Стравинском, также и в его «Диалогах» (с. 24), упоминалось о родстве Игоря Федоровича с Сергеем Павловичем Дягилевым. В одном зарубежном издании даже было написано, что они двоюродные братья. Запавшись этим вопросом, мне удалось выяснить, что они состояли между собой лишь в очень далеком свойстве. Сестра прадеда П. Стравинского — Романа Фурмана — была замужем за братом прабабки С. Дягилева — Наталии Литке. (Другой ее брат был известный русский мореплаватель и президент Академии наук адмирал Ф. П. Литке.) Связующим звеном этих двух линий являлись потомки Литке — Фурман. О них упоминает Игорь Федорович в «Диалогах» (с. 49): «... у его [Чайковского] смертного ора дежурили два двоюродных брата моей матери графы Литке» (не двоюродные, а троюродные.— *К. С.*).

в городе. Они сплошь увешаны белыми аксельбантами на синем мундире, с красными полосами на брюках, огромными эполетами и белыми касками, вроде наших пожарных. Туда и обратно мы ехали поездом, так как трамвай гораздо дороже. Больше половины пути проехали под землей, потому что здесь очень много тоннелей. Там, где мы ехали на поверхности, было так красиво, что мы не отходили от окон. Один какой-то городок буквально утопал в цветах, трудно себе представить такую массу. В других местах все уж давно отцвело. . .»

Дальше из этого же письма: «У них три прислуги и мадам-уазель, но тетя Катя все время жалуется на большие расходы и на то, что уходит много денег. Они экономят на мелочах, но, конечно, никогда не изменят „трех“ своей жизни. Послезавтра придет дядя Игорь, проживет несколько дней и уедет с тетей и Федей в Италию. На пасху будет довольно тоскливо. Федя гораздо старше своих лет по развитию. Он совершенно взрослый мужчина, как по складу ума, так и по наружности. Оба мальчика очень большого роста. Я только с Федей могу серьезно говорить, а остальные прямо маленькие дети. Когда один хочет мне что-нибудь рассказать, остальные перебивают его и стараются перекричать. Получается такой крик, что ничего невозможно понять. Они могут долго кричать не переставая, и это почти всегда бывает за столом. Светик прелестный мальчик. У него изумительная мордочка, как персик, и очень мягкие пышные волосы. Он ужасно живой и все время ходит на голове. Милена очень странная девочка, замкнутая, еще совсем маленькая, очень способная к музыке и вообще талантливая ко всему. Мика ничем не выделяется и только очень славная, ласковая девочка. Почти каждый вечер заводится граммофон самой новой системы, который уже при мне прислал дядя Игорь. Сперва ставят вещи дяди Игоря в его собственном исполнении. Очень длинный Октет на шести пластинках и маленькие вещички. В этом граммофоне изумительно ясно слышна каждая нотка, и

он даже почти не шипит. После этих вещей обыкновенно ставятся фокстроты, открываются двери из „салончика“ в большую детскую, и мы начинаем танцевать. Трое старших брали уроки и очень хорошо танцуют. Иногда с нами танцует тетя Катя».

Таню все время мучает вопрос: как помочь родителям, семье. В каждом письме она пишет об этом, многократно возвращается и в дальнейшем: «Все мое пребывание здесь будет направлено на то, чтобы через год я могла бы быть вам полезна... Целый день думала о том, как вы живете. Ужасно, что я пользуюсь здесь всем, а вы во всем нуждаетесь». Как-то с бабушкой возник разговор на эту тему, «она, — рассказывает Таня, — начала говорить о том, как дяде Игорю тяжело давать концерты, что он должен это делать, чтобы прокормить семью, как все дорого стоит и т. д. . . Бабушка стала со мной теперь гораздо ласковей, и мне от этого стало как-то теплее».

Имя бабушки упоминается в письмах часто. Роль этой миниатюрной темпераментной женщины была очень велика в семье. Я много слышала о ней и от своих родителей, и от бабушкиной сестры — Софьи Кирилловны Елачич, и от других родственников. Сохранились «простыни» ее писем; она любила много и часто писать, засиживаясь ночами за корреспонденцией.

Начну с ее происхождения. Мать Анны Кирилловны — Мария Романовна Холодовская, урожденная Фурман, получила от своего неродного деда богатое наследство. Дед этот — Федор Иванович Энгель (1770—1837) — личность незаурядная, оставил по себе некоторый исторический след. В начале своей деятельности он служил поручиком под началом генерал-аншефа князя Репнина, отличился при штурме Очакова и в сражении при Мачине. За долгую жизнь состоял в разных должностях и дослужился до действительного тайного советника. Женился на вдове, своих детей не имел. К концу его жизни у его жены было уже девять внуков. Был среди родни и декабрист Андрей Фурман. Свое имение и свой капитал Ф. И. Энгель завещал лишь одной внучке —

Марии Романовне, самой некрасивой, «остальные мужей найдут и без приданого». Так оно и вышло.

Мария Романовна вышла замуж за украинца Кирилла Григорьевича Холодовского (1806—1855). Его отец и деды тоже участники русско-турецких войн и за чины сотников получили право на дворянство. Кирилл Холодовский имел скудный надел земли, но брак с состоятельной невестой помог ему сделать карьеру. Был он и вице-директором сельскохозяйственного департамента, и товарищем министра государственных имуществ. Дослужился до действительного статского советника.

Младшая из четырех дочерей Холодовских Анна вышла замуж в Киеве в 1874 году за Федора Игнатьевича Стравинского. Хочется добавить несколько слов о происхождении Федора Игнатьевича. Некогда славный род Стравинских был многочислен, и в Польше имеются ветви этой фамилии. Федор Игнатьевич принадлежал к ветви, жившей тогда в пределах Литовского княжества. Родился он в деревне Новый Двор Минской губернии. Его отец Игнатий Игнатьевич был агрономом и занимался хозяйством в арендованном имении, а потом управлял поместьями в Черниговской, затем в Полтавской губерниях. Игнатий Игнатьевич был женат на Александре Ивановне Скороходовой и имел трех сыновей и дочь. Родители Федора Игнатьевича разошлись, и юноша воспитывался в Мозыре и Нежине стипендиатом. Он окончил Нежинский лицей и Петербургскую консерваторию. Жизнь вдали от семьи, в очень стесненных материальных условиях выработала в нем твердость воли, привычку к труду. Музыкально одаренный юноша обладал драматическим талантом. Пытливый ум и наблюдательность помогли ему развить этот дар. Федор Игнатьевич был еще и очень хорошим художником — его работа над ролью, образом проходила с карандашом или пером в руках (сохранились сотни его рисунков). Все это привело молодого артиста на большие оперные сцены — сначала Киевского, а затем петербургского Мариинского (императорского) театров.

И. Ф. Стравинский с детьми Людмилой, Святославом, Миленой и Федором. Ницца, 1926 г.

Познакомились Федор Игнатьевич и Анна Кирилловна в Киеве, музыка их сблизила. Бабушка тоже была музыкальна, неплохо пела и была хорошей пианисткой. До конца их совместной жизни она была постоянным аккомпаниатором и советчиком мужа. Мать Анны Кирилловны была против брака дочери с артистом, но большое чувство молодой девушки сумело преодолеть все препятствия. Была Анна Кирилловна, конечно, избалована, как младшая дочка в состоятельной семье, была она, видимо, и взбалмошная. Но прежде всего это был человек больших чувств. Сильно, глубоко любить — тоже талант, отпускаемый природой не так уж часто. Люди, обделенные этим даром, не могут понять, часто не верят в существование глубокого, сильного и неисчерпаемого

чувства. Мужа своего Анна Кирилловна боготворила, всю жизнь была бесконечно ему предана. Она горячо любила и детей, но, видимо, муж был на вершине этого семейного алтаря. Бабушка была повседневно занята работой с мужем над его ролями.

Рождались, росли четверо сыновей, требовавших много внимания, любви, сил. Стравинские вели довольно замкнутый патриархальный образ жизни, без намека на какую-то широкую светскость. Федор Игнатьевич был постоянно занят в своей библиотеке, которая непрестанно пополнялась и разрасталась. Он был человеком глубоко эрудированным, книги для него были не просто объектом собирательства, коллекционирования. Книги были нужны этому большому артисту для работы над ролями. Когда он должен был приступить к новой роли, — пускай даже не первостепенной, — то прочитывал десятки книг, изучая эпоху, нравы, исторические детали, весь сопутствующий событию климат. Общались Стравинские, главным образом, с близкими родственниками. Тесная дружба с семейством сестры Софьи Кирилловны Елачич и ее пятью сыновьями прошла через всю их жизнь. В петербургский период бабушка встречалась со многими выдающимися людьми — Э. Ф. Направником, Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским, М. П. Мусоргским, Ф. М. Достоевским, с сослуживцами мужа, артистами Мариинского театра.

Как гром среди ясного дня, семью постигло ужасное горе. В 1897 году внезапно, от разрыва сердца, умер двадцатипятилетний красавец старший сын Роман. Это неизбывное горе никогда не покидало несчастных родителей. В 1902 году, после многих месяцев страданий, умер от саркомы Федор Игнатьевич. У меня сохранились записи бабушки — скорбные, страстные мольбы о смерти. После женитьбы двух старших сыновей Юрия и Игоря вся ее страстная любовь стала принадлежать младшему — Гурию (тоже талантливому певцу). В 1917 году, на румынском фронте, он умер от перитонита. Бабушка была вновь повергнута в состояние беспросветного

горя. Не будучи прежде религиозной, Анна Кирилловна искала спасение от отчаяния в обращении к вере.

Новая жизнь началась у нее в семье сына Игоря во Франции. Другие заботы и даже радости заполнили ее жизнь — внуки. И снова встречи с большими людьми, но уже нового поколения — Дебюсси («Прошу передать мое почтение вашей обаятельной матери»¹), Равель, Кокто, Пикассо, Дягилев, Ансерме. . .

Уже три недели Таня жила у Стравинских в Ницце, но дяди еще не видела. Наконец, в апреле состоялась эта встреча. О ней Таня пишет в своем письме от 19 апреля: «Я еще не писала вам о дяде Игоре. Он приехал 7-го и 14-го уехал с тетей и Федей на концертное турне в Италию. Там они неделю или даже больше пробудут в Риме. Дядя очень ласково меня принял, но я его видела только за столом и несколько минут по вечерам. Он все время работал у себя наверху. Меня сразу поразило то, что он ужасно маленького роста, но страшно шикарный. . . Он носит шелковое белье, монокль и т. д. Вместо жилетки у него вязаные кофточки разных цветов, которые он меняет почти каждый день. Рассказывал дядя массу интересных вещей про свое путешествие. Он невероятно живой. Сплошная жизнь и энергия так и бьет ключом. За столом, к великому ужасу бабушки, дядя принялся меня „портить“. Давал мне пить ликеры, которые подавались только ему, начал учить меня курению и в разговоре все время говорил неприличные вещи. Причем, прежде чем сказать что-нибудь, предупреждал, чтобы я не смущалась. Бабушка приходила в отчаяние и говорила, что меня окончательно испортят. Так как многое меня шокировало, мальчики начали меня просто дразнить, и Федя при каждом удобном случае старался меня смутить. Перед своим отъездом Федя рисовал мой портрет. После отъезда дяди стало очень пусто. Ведь трое детей уж слишком „дети“. У Мики замечательный характер,

¹ Стравинский И. Диалоги, с. 93.

Я еще не касался Вагнера и Верди. Утром мы
приехали 7го и 14го уехали в швейцарии и
Годса на концертные турки в Италию
Там же они находились там там же
Видеть в Риме. Видеть там некоего мена-
жера, но это не была только за
сталам, и несколько минут по вечерам
От все время работая у себя наверху
Смел сразу порадио им, что они ужасно
маленького роста, но страшно пикарно
Действительно Видеть не могил много одышки
Вот все эти мелкое Бюве, сколько м.д.
Видеть пилетки у него ваданья кофроне
рабочая убитой, который был мокрым
Ковши катови-ль, Пускается Дедя массу
интересных вещей про свое путешествие
Он кавардимо мной Саломея пилки
и зурли так и вейт многом. За судили
кз великому ужасу бабушки, Дедя приехал
меня, порицать. Давать им пилки сахара,
которые подавались только ему, начал
узнать меня курению и в разговор все
время вворачивать неприличные вещи. При этом
прежде чем сказать что-нибудь, пре-

но она меня раздражает своим русским языком. Я с ней разговариваю по-русски, чтобы она научилась».

Неудивительно, что дети хромали в русской речи. Двое старших родились в Петербурге, младшие — в Швейцарии. С 1914 года выезды на лето в Россию, в Устилуг, прекратились. Русскую речь дети слышали лишь дома и говорили только с родителями и с 1922 года — с бабушкой. Все остальное — французское: школа, гувернантка, школьные товарищи. Тем не менее Федор Игоревич прекрасно говорит теперь на русском языке. Святослав Игоревич — вполне прилично.

В одном из своих апрельских писем Таня пишет: «Все мои мысли направлены к тому, чтобы зарабатывать и посылать вам». Она сообщает, что много сама занимается французским языком, читает, печатает на французской машинке, а также играет на рояле, шьет. «Знакомых я, конечно, не имею никого, но я еще не успела соскучиться, для меня еще слишком много нового и интересного. Тетя ужасный враг всяких гостей, и у нас бывает только Направник. Он два раза в неделю приходит давать уроки музыки детям и остается обедать. Александр Эдуардович очень славный и добрый¹.

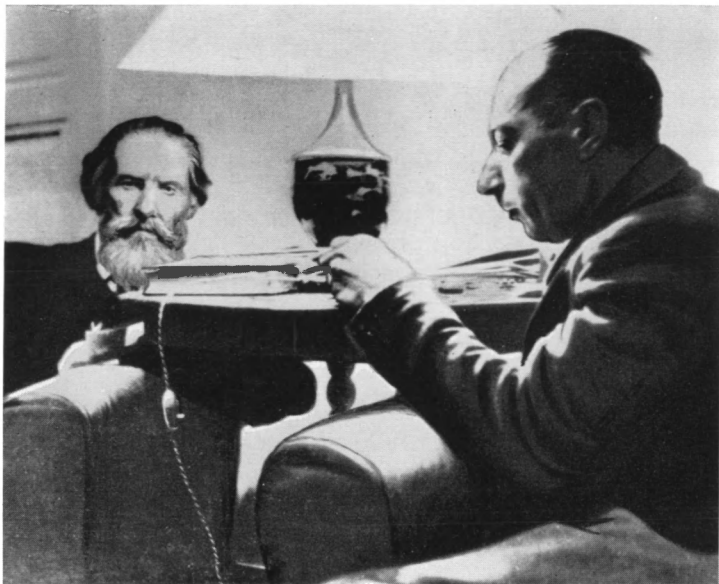
¹ Александр Эдуардович Направник (1866—1938), старший сын Эдуарда Францевича Направника, пианист, был ранее концертмейстером Большого театра в Москве и оперного класса Московской консерватории. Это тот самый Саша, о котором велась переписка в 1890 году между его отцом и П. И. Чайковским. Двадцатичетырехлетний Саша уехал в Тифлис, где рассчитывал устроиться на службу и поселился у М. М. Ипполитова-Иванова. Уехав затем в Ялту, Саша перестал писать родителям. Эдуард Францевич просил Петра Ильича и его брата Анатолия Ильича воздействовать на сына. «Постараюсь,— писал П. И. Чайковский,— дружески повлиять на него по мере сил и умения. Человек ведь он, в сущности, хороший, но какой-то странный и, что называется, без царя в голове, хотя голова эта богом и природой не обижена.» Немало внимания уделил Чайковский Саше, желая помочь юноше найти душевное равновесие, утвердиться как-то в самостоятельной жизни. Во многих своих письмах он старается успокоить Э. Направника, взволнованного за судьбу сына. (Э. Ф. Направник. Автобиографические, творческие материалы, документы, письма. Л., 1959, с. 162.)

Он мне как-то предложил сыграть с ним в четыре руки и сегодня приехал специально, чтобы со мной поиграть. Мне ужасно неловко, так как нельзя же просить его не приходить, а вместе с тем я играю так плохо, что просто стыдно. Я сразу начинаю нервничать и играю гораздо хуже, чем с Федей.»

Из того же апрельского письма Татьяны: «Бедная тетька Катя лежит в Риме больная. Ее грипп перешел в плеврит, да еще мокрый, по милости тамошних докторов. Она не только пропустила все дядины концерты и не успела ничего повидать, но ее болезнь угрожает таким долгим сроком, что ее придется везти больную домой. У бабушки все время продолжаются головокружения. Она еще очень мнительна и совершенно забывает про свой возраст, несмотря на который, она исключительно бодрa и сильна. Она переносит самый ужасный шум и визг, от которого ты давно бы сбежала.»

Вчера мы вдвоем с Светиком ездили в Симиэ, — самая роскошная часть города с изумительными виллами и садами. Мы проехали с милю и вышли в полудеревне с пустырями. Затем забрались на какую-то гору, наслаждались дивным видом и лопали шоколад с бананами. Светик скакал по лужайке, как жеребенок, которого первый раз выпустили на волю, и лазил по деревьям. Откровенно говоря, мне тоже очень хотелось влезть на дерево, но мой костюм и узкая юбка напомнили мне о моих летах».

Из письма от 3 мая: «Наконец приехали наши. Привезли тетю Катю в анбюланс — это вроде нашей скорой помощи. За два дня до отъезда у нее выкачали два литра жидкости, которая страшно давила на сердце. При исследовании оказалось, что жидкость туберкулезного характера. Бедную тетю припесли на носилках. Я ужаснулась ее видом, до того она была бледна и изнурена. Она совершенно не может говорить. Ужасные непрекращающиеся головные боли не дают ей спать по ночам. У нас во всей квартире царит уныние. Наверху все говорят шепотом и ходят на цыпочках. Бабушка, забывая о сво-

*И. Ф. Стравинский и А. Э. Паганини.
Пицца, 1925 г.*

их головокружениях. без конца поднимается и спускается с лестницы».

Из письма от 4 мая отцу: «Получил ли ты наконец письмо от дяди Игоря? Я долго его теперь не увижу. Перед отъездом я с ним много говорила про его поездку в Россию, но он говорит, что хочет заняться композицией, а если он опять будет разъезжать, то это расстроит все его планы. Говорит, что страшно бы хотел увидеть тебя, но сейчас не может. Тетя Катя уже ходит по комнатам. У бабушки продолжаются головокружения».

Из письма от 10 мая: «Сегодня ровно неделя, как приехали дядя, тетя и Федя. Дядя успел снова уехать

в Тулоп на два дня, так как тетина болезнь идет нормальным порядком и он мог спокойно предпринять это путешествие. За последние дни мы успели проделать три прогулки за город».

Из письма от 14 мая: «Сегодня у нас первый настоящий летний день. Жара такая, что ничего не хочется делать. Утром вся квартира была насыщена ароматом апельсиновых цветов, так как деревья окружают большую террасу перед домом. Только неделю тому назад сняли последний апельсин, а деревья уже успели сплошь покрыться цветами, которые перед жарким днем испускают изумительный аромат. Как бы мне хотелось, чтобы вы видели наш сад. Он весь покрыт ярчайшими цветами. Все они развиваются и цветут чуть не на другой день после того, что их воткнул в землю. Стены сплошь обвиты розовыми гирляндами. На этих днях маленькая крытая аллея, увитая розами, вдруг вся распустилась. От этой аллеи и название дачи: „Вилла де роз“».

Дядя уже вернулся из Тулопа. Ты себе только представь его феноменальную активность. За последние полгода он дал 50 концертов во всех частях света. Дядя очень следит за собой и до того себя развил физически, что весь покрыт мускулами. Он очень силен и свободно поднимает одной рукой полтора собственных веса. Каждое утро он и тетя принимают ванну, а затем делают гимнастику. Одет дядя сногшибательно. У него огромное количество галстуков... Он пользуется огромной славой, но мне кажется, что он заслуживает еще гораздо большей. Вчера он проигрывал нам отдельные части концерта, совсем новой сонаты и „Мавру“. Я даже сказать не могу, до чего все это мне понравилось. Это более чем гениально. Во-первых, все вещи в его собственном исполнении нечто совершенно иное, нежели в исполнении кого-либо другого, как бы он хорош не был.

Его вещи необыкновенно трудны не только ритмически и технически, но самое трудное это передача того, что он сам хочет. Дядя великолепный пианист. У него дивная техника и абсолютная чистота игры.

Вчера вечером мы с ним долго говорили, и я поняла, чего ему все это стоит. Он создает не так уж много вещей, но все, что он пишет,—это эссенция, и из одной его сонаты можно сделать десять. Каждый текст заключает в себе целую мысль, и если его разработать по правилам композиции, то получится целое произведение. Но сам дядя говорит, что никакая публика не способна воспринять чистую эссенцию и одна из его задач это построить свою вещь так, чтобы ее могло воспринять обыкновенное ухо. Он говорит, что, подходя к роялю, старается забыть все формы композиции, все приемы, для того чтобы его вещь была создана в буквальном смысле этого слова, а не сделана, а затем уж ее можно разрабатывать. Это выматывает у него все силы, и после двух-трехчасовой работы он чувствует себя совершенно разбитым.

Он сам говорит, что благодаря своему темпераменту не может ничего делать наполовину. На своих концертах, где бы то ни было, он отдает всего себя для того, чтобы удовлетворить не только слушателей, что уж не так трудно, а главное — себя самого. Он не делает во время дирижирования никаких лишних жестов, но приходит в такое состояние, что весь обливается потом, несмотря на внешнее спокойствие. В середине концерта ему приходится переодеваться у себя в уборной, начиная с рубашки и кончая фракком. Даже тогда, когда дядя играл нам, он так промок, что обмотал себе шею полотенцем.

Кроме композиторства, он дирижирует и дает концерты в качестве пианиста. В Америке на одном концерте он выступал и в качестве пианиста и в качестве дирижера. С декабря месяца он дал 50 концертов и сейчас хочет отдыхать и заниматься композицией. Дядя невзлюбил Америку и американцев и говорит, что нигде не

видел более тупого и скучного народа. Тем не менее принимали его там лучше всего. Устроили в честь него несколько банкетов. Замечательный банкет был устроен владельцем знаменитой фирмы роялей — Стейнвей. На этот банкет были приглашены все музыкальные знаменитости: И. Гофман, А. Зилоти, С. Рахманинов и масса других. Дядя нам показывал большую фотографию, на которой видна вся зала. На первом плане сам Стейнвей, дядя и Гофман. В конце банкета дяде поднесли великолепный шоколадный торт в виде рояля, с раскрытым пюпитром, и на пюпитрах была написана его фамилия. Жаль только, что этот торт тут же съели. Для дядиных вещей нужны какие-то особенные рояли, и, прежде чем ехать в Америку, он послал подробную телеграмму Стейнвею, с просьбой приготовить ему нужный рояль. К его приезду фирма приготовила ему восемнадцать, все отвечающие его требованиям, но с маленькими различиями. Из них дядя выбрал себе самый удобный. В Нью-Йорке он жил в 17-этажном доме. Когда он приехал, перед его окнами начали строить дом, а в день его отъезда возвели 21-й этаж. Я пишу все мелкие эпизоды, по которым вам, наверно, интересны. Дядя ездил смотреть знаменитые нью-йоркские бойни, где ежедневно убивается 3000 голов скота. Не понимаю, зачем он туда ходил, это нечто ужасающее.

С болезнями у нас прямо нечто невозможное. Сейчас бабушке сделалось очень плохо с сердцем и пришлось спешно вызвать доктора. Тете Кате уже лучше. Ты спрашиваешь, как я не скучаю без знакомых. Я действительно никого не знаю, но я еще не могу скучать, — все интересно, я целый день занята, слушаю иногда дядины рассказы и очень редко его играю. К тому же у меня четверо кузенов и все по-своему интересны. Федя меня занимает больше всех. Он необыкновенно одаренная натура и недюжинного ума. Дядя недаром считает его своим другом и может разговаривать с ним как с музыкантом.

Если все будет благополучно, дней через десять дядя с Федей поедут в Париж. Федя уже получил работу: отделать столовую в каком-то шато. Он уже представлял эскизы панно. На этих днях он показывал мне свои детские рисунки, которые меня совершенно оgoroшили своей осмысленностью, недетской правильностью фигур, движений, почти отсутствием наивности и великодушными композициями. Миленочка тоже очень способна к живописи в своей узкой области: она рисует исключительно зверей и тоже талантливо.

Перейду снова к дяде. Пожалуйста, не говори это тете Соне, но дядя просто не хочет, чтобы его концерт и вообще его вещи были у дяди Коти,¹ дядя Игорь очень любит его, но слишком хорошо знает, как он играет и не хочет, чтобы так играли его вещи. Я его совершенно понимаю, так как для того, чтобы исполнять дядину музыку, нужно быть хорошим пианистом и музыкантом, в противном случае просто ничего не получится. Ведь я также прежде не понимала дядиной музыки и могла восхищаться только „Петрушкой“. Дядя очень ждет папиного письма, и я постараюсь ему как-нибудь вернуть просьбу о нотах. Сам он имеет всего только по одному экземпляру и даже Светику очень редко дает что-либо.

Вообще дядю я очень полюбила, и он ко мне очень хорошо относится. На первый взгляд он производит впечатление немножко важного и сильно неприступного, но, как он сам сегодня мне сказал, он очень добрый с теми, кого любит».

Из писем от 16 и 18 июня: «Третьего дня дядя надолго уехал в Париж. Он ответил уже папочке, но не успел послать свою фотографию, которую я вам и посылаю. Такую же он подарил и мне.

¹ Дядя Котя — Николай Александрович Елачич, сын Софьи Кирилловны.

Допомогти українській
воєні маючому
Модернізація України
Українська Республіка
Київ 1925

Посылаю тебе снимок моего портрета. Вы не удивляйтесь тому, что Федя удлинил мое лицо — это его жанр. Он очень не хотел, чтобы я послала эту фотографию, но я убедила его, что вы не бабушка, которой нужно только фотографическое сходство. Вообще я все больше убеждаюсь в необыкновенной Фединой талантливости. Они оба со Светиком импровизируют на рояле, и, несмотря на то, что Федя не учится, его импровизации очень разнообразны, интересны и осмысленны.

У нас все здоровы, кроме бабушки, которую снова оперировали, вырезали кусочек мускула на веках. Дядя с Федей приедут не очень скоро, так как Федю задерживает его работа. Тетя каждый день получает от них письма. Они чудно проводят время, то есть, вернее, Федя. Дядя же до того занят, что не может передохнуть. Ты знаешь от тети Сони, что там сейчас находится Люля.¹ Дядя его видел на своем большом концерте, но так как в этих случаях он бывает совершенно осажден, то Люле удалось с ним переговорить лишь два слова. Я очень сомневаюсь, чтобы Люле удалось поиграть на скрипке перед дядей. Вы даже представить себе не можете, до чего он затуркан, хотя принимает только самых необходимых посетителей. Для доброй половины желающих его видеть он никогда не бывает дома. Для самых необходимых у него уделяется определенное количество минут. Несмотря на такие предосторожности, у него почти нет „собственного“ времени в Париже, и заниматься композицией он может только дома.

Тетя Катя очень изменилась с того времени, как вы ее знали. Она очень следит за собой, всегда свеженькая, одета всегда хоть и просто, но модно и с каким-то каше. Сегодня мы с ней говорили об этом, и она сама поражается своей перемене».

Из письма отцу от 19 июня: «Наконец-то ты получил дядино письмо и фотографию (письмо не сохранилось. — К. С.). Надо сказать, что на этой карточке особенно под-

¹ Люля — Георгий Николаевич Елачич, внук Софьи Кирилловны.

черкнуты все его складочки и морщинки, но она мне очень нравится, так как часто дядя бывает именно таким. В том, что дядя изменился и постарел, нет ничего удивительного. Если он живет все время в превосходных материальных условиях, то он все время ведет напряженнейшую работу, которая выматывает у него моральные силы, что и отражается на его лице. Я тебе писала уже о количестве его концертов, ведь двойная работа — и дирижерство, и игра на рояле в один вечер — не проходит даром, а он постоянно теперь выступает так. Физически он страшно силен и развит, как атлет, что его очень поддерживает. Ты пишешь, что тебе абсолютно не нравится мой портрет работы Феде. Действительно, по такой маленькой фотографии очень трудно судить, но я уверена, что сам портрет тебе понравился бы. Ты, наверное, не имеешь понятия о новом течении в живописи. Самая большая величина этого направления — Пикассо. Пикассо сейчас не имеет ничего общего с прежним, которого ты знаешь. Теперь не приходится говорить о треугольниках и тому подобном, так как приемы у него совершенно старых мастеров: Рафаэля, Энгра. Отсутствие резких мазков, страшная зализанность и тщательность. Чем меня покорила Пикассо, — это рисунком. У него нет ни одной неловкой линии, и мне очень нравится его тела. Иногда они у него бывают изуродованы, но и тут необыкновенный рисунок и умышленные неправильности пропорций не коробят. Федя привез из Рима фотографии отдельных фигур со старых фресок, и нас сразу поразило сходство с манерой Пикассо. Особенно руки. Так как Федя находится под большим его влиянием, я то же самое могу сказать про него. У Феде очень хороший рисунок, и для того, чтобы ты мог лучше о нем судить, я постараюсь выпросить у него две-три лучшие фотографии его работ. Федя сейчас повез в Париж показывать свои работы Дерену, который тоже пользуется огромной известностью, но совсем не похож на Пикассо. Как мне приятно было узнать из твоего письма, что я всем Стравинским понравилась».

В своих письмах Таня описывает родителям принципы современной живописи, музыку Игоря Федоровича. Надо сказать, что наша семья (отец-архитектор, мать-художница) была достаточно передовой в вопросах искусства. В предвоенный период родители каждый год ездили из Крыма в Москву и Петербург, посещали театры— Московский Художественный, Мариинский и др., восхищались Павловой, Карсавиной, Шаляпиным, осматривали выставки. Возвращаясь в Крым, везли с собой много книг. Отец постоянно пополнял свою большую библиотеку по искусству и литературе. У него были дружественные связи и знакомства с художниками «Мира искусств»— Александром Бенуа, Кустодиевым, Стеллецким, Лапсере, со многими архитекторами, артистами, музыкантами. Но с войной 1914 года поездки прекратились, встречи стали редкими, многое, что происходило в области искусств на западе, тоже до нас не доходило. Федя работал в той форме искусства, которая была созвучна текущему времени, а шел уже 1925 год. Поэтому портреты Феи, фотографии которых присылала Таня, родителям не нравились; музыка И. Стравинского последних годов им была почти неизвестна.

Прошло несколько месяцев, как Таня жила в Ницце, новые впечатления уже воспринимались ею более спокойно, и она начала задумываться о реальном будущем. В своих письмах тетя Ирина звала ее к себе, советуя устроиться па работу.

Из письма от 29 июня: «Как мне здесь ни хорошо, по хочется скорее переехать в Париж. У меня сейчас такое ощущение, что я пользуюсь ни с того ни с сего какой-то привилегией и ничего не делаю. Морально я буду гораздо более удовлетворена, если буду работать и смогу вам что-нибудь присылать. С дядей я во всяком случае буду видаться в Париже больше, чем здесь.

Одна история меня совершенно поглотила: есть такая школа — „Эколь Пюжье“. Она очень дорогая, но идеальная для практической жизни. Там проходит три предмета: машинпись, стенография и контабилите. Послед-

ний — все, что может понадобиться в любом бюро: бухгалтерия, коммерческая корреспонденция и составление деловых бумаг. Это самая лучшая школа в Париже, имеющая свое отделение в Ницце, и окончивших ее принимают всюду очень охотно. Направник за столом, ни с того ни с сего, на днях поднял об этом вопрос. Это было немного неделикатно, так как он не знает наших денежных отношений, но сослужило мне большую службу. Тетя Катя написала об этом дяде в Париж, так как эта штука очень дорогая, и если дядя сможет за меня платить, я поступлю в эту школу. Мне будет страшно трудно проходить все на французском языке, но это ничего, трудности я надеюсь преодолеть».

Из письма от 1 июля: «Сегодня иду записываться в школу „Пюжье“. Дядя согласился за меня платить. Боюсь страшно, но и страшно хочу. Такого случая у меня больше не представится».

Из письма от 20—21 июля: «За эти дни произошла масса замечательных вещей. Дяде где-то подвернулся случай, он соблазнился и купил автомобиль. Меня это так потрясло, что только сейчас могу вам написать. Они с Федей научились править, но еще не держали экзаменов, которые во Франции очень трудны. На этом автомобиле (с опытным человеком) они приехали из Парижа в Ниццу. Ехали почти четверо суток, застряли в Альпах, где их задержала буря. Они в диком восторге от путешествия, хотя в горах было настолько опасно, что они чуть не сверзлись в пропасть. Тетя Катя очень волновалась во время их путешествия. Два раза в день мы получали телеграммы! Вообще тетя была страшно недовольна этой покупкой и еле себя переборола, чтобы не огорчать дядю. Сейчас автомобиль находится в ремонте, так как они по дороге умудрились выломать крыло. У нас еще новая штука: музыкальная фирма Плейель, в контакте с которой работает дядя, прислала ему усовершенствованную пианолу новейшей системы, с роликами многих дядиных вещей. Дядя сам обрабатывал их для пианолы, пустив в ход всю клавиатуру, и получилось

И. Ф. Стравинский.
1928 г.

нечто совершенное. Звук настолько чист, что его невозможно отличить от настоящей игры. Кроме того, дядя сделал так, как нельзя было бы сыграть ни одной, ни даже двумя парами рук. Ты понимаешь, в чем штука? Обыкновенно ноты составляются фотографическим путем во время исполнения, но тут дядя все это механически дополнил. Когда дядя сам руководит своими вещами, не остается ничего непонятого и все настолько красиво, что не может не понравиться мало-мальски понимающему человеку. Я только теперь увидела, как его вещи сделаны, это что-то гениальное. По нотам на ролик очень удобно следить за построением вещи. Схема там настолько простая, что я уже могу по этим дырочкам читать почти так же, как по нотам. Федя и Светик, у которых замечательный слух, умудряются на клавишах рояля подыгрывать аккомпанемент к незнакомым вещам (конечно, не дядиным), тут же сочиняя его и руководясь только дырочками на роликах. Кроме того милейший Плейель прислал нам 15 роликов с фокстротами, чтобы мы могли танцевать. Мы все уже научились управлять этой штукой, но руководить нюансами могут не все. Я слышала в дядином исполнении „Петрушку“, „Жар-птицу“, „Пульчинеллу“, „Соловья“, Концертно, „Свадебку“, Октет, Русские песни и массу мелких вещей. Об этом я уж и не мечтала, так как дядя играет только на концертах. Описывать все физически невозможно, скажу только, что для того, чтобы иметь правильное представление о дяде и понять его музыку, нужно услышать его самого или очень хорошего дирижера, которых во всей Европе и Америке можно пересчитать по пальцам. Если вы услышите дядину вещь, не поймете ее или она вам не понравится — вся вина в исполнителе, так как другой причины быть не может. Я сужу по себе, ведь я не какой-нибудь тонкий ценитель, а все-таки все понимаю.

Федя вернулся с триумфом. Его картины для мадам Кастр (заказ, о котором я писала) вышли замечательно. Эта дама была в восторге и дала ему такую сумму, что

он заплатил за свою жизнь в Париже 2500 франков и весь обмундировался. Эскизы углем он зафиксировал и привез домой, у нас их повесят в столовой. Ему не удалось показать свои вещи Дерену, но тот говорил кому-то, что ему нечего указывать, этот молодой человек уже понимает больше нас».

Дальше Таня сообщает маленькие семейные новости — о подарках, привезенных ей дядей, о приехавшем гостить старом друге семьи еще с швейцарских времен, — Полякове. Пишет про Белянкиных, находящихся в Биаррице.

Киевлянин Григорий Павлович Белянкин окончил в конце прошлого века кораблестроительный институт в Филадельфии (США). Женился в 1901 году на Людмиле Гавриловне Носенко и стал не только совладельцем имения Устилуг, принадлежавшего сестрам Носенко, но и фактическим управляющим его. С американской деловитостью он организовал в имении ряд предприятий: построил небольшой кирпичный завод, предпринял разработку торфа, подведя к торфянику рельсовый путь, построил больницу. Из малоперспективного и неприбыльного имение стало рентабельным. Для своего свояка Стравинского (по проекту самого Игоря Федоровича) он выстроил новый дом, посадил парк. Покинув в 1915 году прифронтное имение, Белянкины уехали в Одессу, а затем — к Стравинским в Швейцарию, в Морж. Позднее обе семьи переехали во Францию, в Биарриц. Там Белянкин открыл гостиницу с рестораном, сняв виллу на высоком берегу Бискайского залива. Все было поставлено на широкую ногу, выступали известные артисты. В дальнейшем их предприятие лопнуло, так как один из зимних штормов выбил зеркальные оконные стекла, разбил зеркала и нанес очень большие разрушения.

«Дела у них идут неважно, — пишет Таня. — Ведь весь шик, который они закатывают к сезону, делается в кредит, а затем они сидят, ждут и дрожат, так как если у них не будет достаточно клиентов в гостинице, то очень

большие расходы не окупятся и все их имущество продадут с молотка. Приятное чувство?»¹

Из письма отцу от 25 июля: «Дядя просил меня скорее написать тебе следующее. Пока он был в Париже, ему досаждал родственник Корсаковых — Штейнберг. Дядя его не любит. Первое время дядя деликатно уклонялся от встреч с ним, затем перешел к намекам, но тот умышленно или неумышленно не понимал их. В конце концов дядя уехал из Парижа, но Штейнберг не оставил его и пишет письма. В последнем он извещал дядю, что едет в Питер, и спрашивает, нет ли поручений к брату. Дядя не хочет иметь с ним никакого дела и просил меня предупредить тебя, на случай, если он к тебе придет и будет рассказывать по-своему². Дядя получил твое письмо

¹ В 1931 году Белянкины переехали в Париж, где жили весьма скромно. Семьи сестер Людмилы и Екатерины были очень близки всю жизнь. С дочерью Людмилы, Ириной, Таня подружилась в дальнейшем в Париже.

² Инцидент этот имел свои глубокие корни. Давнишняя большая дружба связывала детей Н. А. Римского-Корсакова с двумя младшими братьями Стравинскими. Известно, что «Фейерверк» был посвящен Надежде Николаевне Римской-Корсаковой и Максимилиану Осеевичу Штейнбергу при вступлении их в брак. Игорь Федорович искренне любил и А. Римского-Корсакова и М. Штейнберга, по отношению их к творчеству Стравинского становилось все более категорично-отрицательным. Завершением этого враждебного отношения к Стравинскому-композитору явилась статья Андрея Николаевича в январском первом номере «Аполлона» за 1915 год. Статья написана рукой человека умного, широко образованного, рукой, щедро и хлестко сыплющей уничтожающие сравнения и формулировки. Статья эта полна недоверия к творческому дарованию Стравинского. Удар этот, нанесенный рукой близкого и очень любимого друга, Игорь Федорович воспринял крайне болезненно.

В письме к Александру Бенуа, от 10 апреля 1915 года, Игорь Федорович горячо реагирует на прочитанную статью. Он пишет: «Ведь мое искусство полярно, противоположно, враждебно тем началам, на которых основано quasi-эстетическое мирозерцание А. Римского-Корсакова и его клана. Эта статья к тому же написана не против моих сочинений, я думаю, а против всего современного искусства, против всех современных исканий».

и был ему очень рад. Когда я его благодарила за свои курсы, он был очень ласков и сказал, что очень хотел бы помочь вам, по его дела сейчас висят на ниточке и при всех расходах на семью он сейчас не в состоянии это сделать. Затем он сказал, что хотел бы оставить меня даже когда я окончу курсы, чтобы я, служа, оставалась жить у них. Тебе он просит передать, чтобы ты не обижался, когда он не будет писать, так как безумно занят и никому не пишет. ...Вчера мы сделали изумительную прогулку. В девять часов, уложив Миленку, старшие дети с родителями и со мной решили проехаться на автомобиле. На заднем сидении мы поместились вчетвером, причем тетя почти сидела на коленях у дяди, а я у Феди. Около шофера поместились Мика и Светик. Таким образом мы поехали в Монте-Карло. Совершенно невозможно передать красоту всей этой кукольной страны ночью. Черный силуэт полуострова, с дворцом и горами, множество огней, блестящее море с отражением маяков. Мы поднялись на полуостров и катались по дворцовому парку. Затем сделали маленькую прогулку пешком по городу. Зашли в бар и выпили монакского пива, которое славится своим качеством. Затем поехали домой. Дорога почти все время шла по берегу моря, воздух был чистый, свежий, теплый».

Таня описывает распорядок дня, сетует на занятость, пишет о кузенах: «У нас установились совершенно братские отношения. Я их всех страшно полюбила, но мои любимцы — это Миленочка и Федя. Миленка потому, что она безумно похожа на Ксюшу и, кроме того, совершенно оригинальный человечек. Федя гораздо старше своих лет по развитию и характеру, с умом, которому может позавидовать любой мужчина, с таким тактом и чуткостью, что приводит меня в умиление. Не будь у нас таких братских отношений, я бы в него наверно влюбилась. Я никогда не видела такой сумасшедшей любви к матери и ко всем своим. Когда тетя была больна, он буквально места себе не находил. Вообще они все друг друга страшно любят. Один раз Светик вывихнул

себе палец, и Миленочка так за него плакала, что ее нельзя было успокоить».

В письме от 7 августа Таня сообщает родителям новости: о приезде тетиной двоюродной сестры Веры Дмитриевны Носенко. Вера (врач) и ее сестра Ольга были еще с детства очень дружны с двоюродными сестрами — Екатериной и Людмилой. «Тетя Вера очень живая, веселая, и у нас все пошло колесом. По вечерам у нас открываются двери между большой комнатой девочек и салончиком, заводится граммофон (новый, который дяде подарили в Америке) и начинается настоящий бал с тремя мужчинами (дядя, Федя и Светик). Третьего дня была замечательная картина. Дядя с Федей уехали вечером ужинать с каким-то композитором в ресторан. Перед сном мы стояли в холле, вдруг входят дядя и Федя в смокингах, лощеные, надушенные и веселые. Дядя хватает на руки Веру Дмитриевну, Федя меня, Светик Мику и начинают с нами носиться по комнатам. Получилась настоящая картина „похищения сабинянок“. Бабушка чуть в обморок не упала. Наконец, дядя схватил меня на руки и отнес в мою комнату, сказав, что детям пора спать. Я, конечно, прибежала обратно, и мы еще долго возились. Сегодня дядя уехал, и у нас немножко затихло. Напишу вам об одной из наших автомобильных прогулок, которая на меня произвела очень большое впечатление. Дядя, мальчики, я и Милена поехали в Альпы — Маритим. Поднялись на высоту 1055 метров над уровнем моря. Сверху открывается, как на рельефной карте, вид побережья от Монте-Карло до Канн. Заехали в замечательный кукольный городок, одиноко прилепленный на большой высоте к скалам. Главная площадь с громким именем, величиной в пол нашего петроградского двора, но зато вид!! Дороги во Франции изумительные, и благодаря этому мы могли почти всюду развивать скорость до 70 километров в час, что дало нам возможность к девяти вернуться домой.»

Из письма от 14 августа: «Мы узнали из письма тети Сони, что ты говорила по телефону с Штейнбергом и он

*Т. Ю. и Ф. И. Стравинские.
Ницца, 1925 г.*

выражал удивление относительно дяди. Я тебе еще раз объясню, в чем дело. Дядя совсем уж не был с ним так холоден и прислал ему билеты на свой концерт, но встречаться с ним не хотел».

Из писем от 22 и 23 августа: «Третьего дня вечером дядя сам, перед отъездом тети Веры, проиграл нам „Мавру“ и новую сонату. Дядя чудно играет... Недаром как-то в газетах писали рецензию о его концерте, где было сказано: „Сперва Стравинский поразил композиторов, затем дирижеров, а теперь пианистов“.

Сегодня вечером у нас в гостях был некий „Jean Cocteau“. Молодой, модный, очень талантливый писатель. Кроме того, он замечательно рисует карикатуры, и у дяди я видела несколько его изданий, в которых много карикатур на дядю и на Пикассо. Этот самый Кокто у нас ужинал и много говорил. Он принадлежит к типу страшно редких людей, которые все понимают и у которых такой свежий ум, что он одинаково интересен во всех областях. Он буквально пышет остроумием, и я наслаждалась, слушая его. Второго человека встречаю с таким умом. Первый это Федя, но он не такой блестящий, правда, ведь ему всего восемнадцать лет, а блеск не такая важная вещь. Тетя Катя очень не любит гостей, и для нее мучение исполнять роль хозяйки. Под конец она так устает, что еле подает реплики. Боже, какая бы я была счастливая на ее месте! Я уж наверно не сторонилась бы от дядиных знакомых и всюду бы с ним бывала». Это был период совместной работы Стравинского и Кокто над оперой-ораторией «Царь Эдип», либретто для которой по Софоклу сделали Стравинский и Кокто.

«Три дня тому назад дядя уехал в Марсель и взял с собой тетю Катю, Федю и Мику. Оттуда они махнули в Экс, где провели вторую ночь и на обратном пути заехали в Тулон. Вчера вечером они вернулись в полном восторге от этой автомобильной прогулки... У тети Кати к каждому платью шарф, а у дяди шарфов немного, но все какие-то особенные. Один, например, просто

прогресс имеет значение, и такую ноту
и даже без установившейся репутации
моя во время отпущенных каникул.
Надпись как то в газете писали рецен-
зия о ее концертах, во время скажу: "Слуша
Стравинский поразили композиторов, затем
Шригеров, а теперь, пианистов". Судья
Ветеросия у нас в гостях был член
"Уран Союз". Молодой, смелый, очень
талантливый писатель. Кроме того он
замыселительно рисует карикатуры и
у дяди и дядня несколько по-
зданий в которых масса карри-
катуры на дядю и на Тикассо. Дядя

Письмо Т. Ю. Стравинской к родителям. 1925 г.

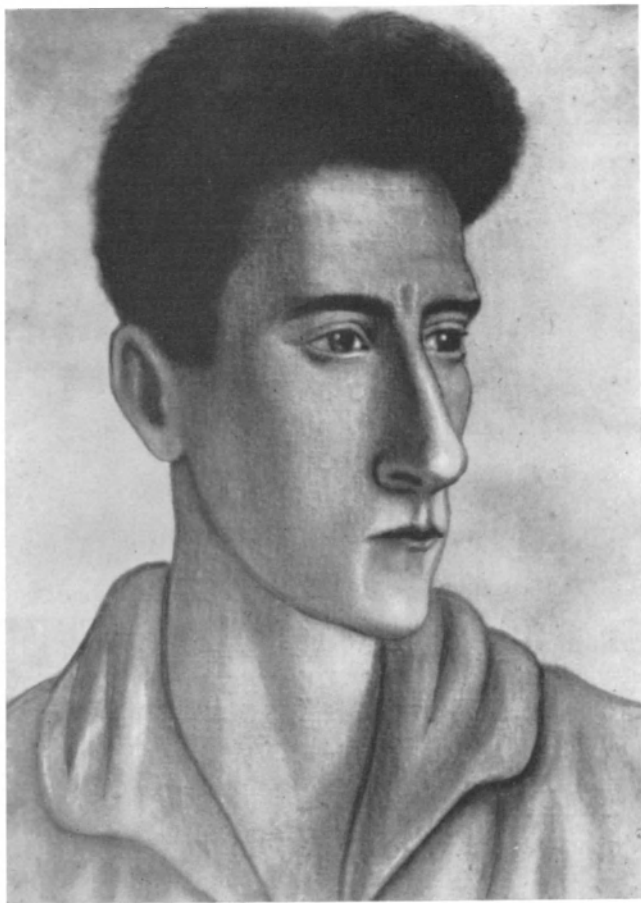
квадратный из белого шелка, толщиной в хорошую хро-
мовую кожу с его подписью, вышитой белой гладью
в углу. Вообще у дяди все особенное. Перчатки сшиты
на руках швами наружу. По-моему, это очень некраси-
во, когда белая замша сшита крупными черными стеж-
ками, но это считается верхом утопченного вкуса... Дя-
дя, который больше всех смыслит в модах, говорит, что
я обязана остричься, так как у меня просто пелопый вид.
Даже бабушка это уже, кажется, поняла. Один только
Направник, узнав мое желание, пришел в такое неопи-
сываемое бешенство, что мы с бабушкой прямо испугались.
Он начал кричать, что русская женщина должна под-
держивать свою честь, свою индивидуальность и многое
другое. Дошел до того, что начал выкрикивать риско-

ванные слова. Успокоившись, он страшно извинялся.»
Таня, конечно, остриглась и в следующем письме кается родителям, описывая гнев бабушки и радость детей по этому поводу.

Из письма от 8 сентября: «На днях я познакомилась с Пикассо, его женой и четырехлетним Пикассеночком. Во время прогулки на автомобиле мы проезжали курорт Жан-ле-Пен, где он живет, и встретили его около пляжа. Дяди с нами не было, но он узнал автомобиль и замахал нам. Мы вышли и поговорили с ними. Его жена русская. Он сам небольшого роста, коренастый и очень интересной наружности. Федя с дядей были у него с неделей тому назад, а остальных детей он совсем не знал. Сейчас дядя уехал в Венецию и вернется через две недели. Федя рисует большой портрет тети Кати маслом.

Между прочим, когда он был с дядей у Пикассо, по его просьбе Федя нарисовал карандашом его жену и нарисовал портрет Жана Кокто. После тетиного портрета Федя будет писать Кокто маслом для него».

Из письма от 20 сентября: «Только что приехал дядя из Венеции. Он дал только один концерт, где исполнил в качестве пианиста свою сонату. С ним случилось настоящее чудо. Вы имеете понятие о дядиной музыке и представляете, какая для его вещей требуется техника. И вот, при всем этом, у него на пальце, под ногтем, еще дома делается нарыв. В дороге ничего не изменилось, и он надеялся кое-как сыграть, ввиду невозможности отмены концерта, но накануне концерта, вечером, палец начинает бешено болеть, и буквально невозможно до него дотронуться. На другой день дядя идет в зал, наполненный народом, который встает при его появлении и встречает бурными аплодисментами. Дядя в полном отчаянии выходит к публике, показывает свой забинтованный палец, предупреждает, что будет играть девятью, и просит снисхождения. Конечно, аплодисменты. Дядя садится за рояль, срывает забинтовку и играет всю сонату десятью пальцами. Большой палец выздоровел,

Ж. Кокто.
Портрет работы Ф. И. Стравинского, 1925 г.

ничуть не болел, играл как все остальные. После концерта палец совсем прошел. Публика была в восторге и вызывала дядю семь раз.

Федя кончил писать портрет Жана Кокто, получилось замечательно. Этот портрет будет помещен в новом издании произведений Кокто. При постановках „Мавры“ и „Лисы“¹ в Германии, возможно, будут делать декорации и костюмы по фединым эскизам»².

Из писем от 1 и 26 октября: «Вчера вернулся из Эвиана Направник. Сегодня он пришел давать детям урок и во что бы то ни стало хочет заниматься со мной, только даром и на каких угодно условиях. Я отказалась, но он уперся на своем. Подумай, какая ерунда. Дядя, чтобы облегчить мне дело, просил валить все на него, и я сказала, что ему и так достаточно надоедает игра троих детей и он не вынес бы четвертую... Сейчас у нас, по случаю осени, все перепростудились. По этому поводу дядя и Федя меня, как единственную здоровую даму, повезли третьего дня с собой в шикарный синематограф. Я увидела и узнала, что самый замечательный синематографический артист это Чарли Чаплин, или Шарль. Все его постановки до того тонки, остроумны, что невозможно представить себе что-нибудь лучше... Завтра дядя уезжает в турне по Европе. Его конечным пунктом будет Швейцария, где он пробудет довольно долго и куда к нему приедут тетя с Федей и Микой. Вернутся они все вместе к рождеству».

В ноябрьских письмах Таня пишет о своей большой занятости: готовится к экзаменам в школе — печатает на машинке и учится составлять деловые бумаги. Кроме того, для заработка, вышивает наволочки в магазин, чтобы иметь карманные деньги и приобрести что-то для семьи, и наконец — подарки. Ох уж эти подарки! Постоянно, то к праздникам, то к чьим-то именинам, Таня придумывает какие-то вышивки и делает это с таким

¹ «Байка про Лису, Петуха, Кота да Барана».

² В названных постановках Федор участия не принимал.

*И. Ф. Стравинский.
Портрет работы Ф. И. Стравинского, 1925 г.*

*Е. Г. Стравинская.
Портрет работы Ф. И. Стравинского, 1925 г*

вкусом и фантазией, что все, начиная с бабушки, хвалят ее искусство.

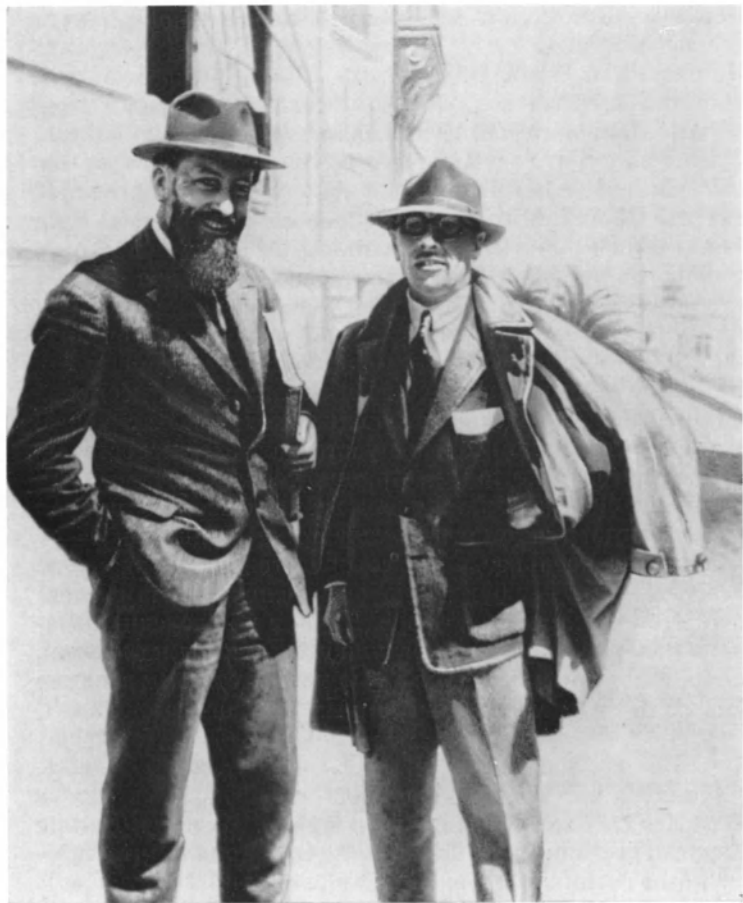
«...Завтра утром возвращаются тетья и Федя. Дядя дал свои концерты в Швейцарии, которые прошли с огромным успехом. Сам он вернется только к рождеству.»

Из писем от 12 и 25 декабря. Опять и опять болезни!

«...Бабушка лежит в клинике после операции грыжи. Это седьмая за 1925 год. Тетья Катя у нее сидит целый день и приезжает домой только обедать и почевать. Дома у нас опять все дети переболели инфлюэнцей. Бедная тетья Катя разрывается на части.

...Дядя вернулся уже давно. Он очень удачно выдержал в Париже экзамен шофера и проделал все трюки в городе, которые от него требовались. В Париже у него случилось три несчастья. Во-первых, умер его друг Эберг, которого дядя очень любил. Затем он был в цирке на замечательном представлении, где фигурировало 70 львов. В антракте дядя со своим другом Матарелли пошли в бар, и когда они проходили мимо клетки, один из львов высунул лапу и схватил дядиного друга. В один миг его одежда была разорвана и, пока его оттащивали, лев успел отодрать ему мускул руки и сорвал кусок кожи с головы. Остальные львы, почувствовав кровь, начали подниматься и рычать. К счастью, появился какой-то служитель и ударил виноватого льва железом по носу, а то бы остальные львы разнесли клетку. У несчастного Матарелли сделалась гангрена, но сейчас он уже спасен. Третье — молодой композитор Пуленк, когда ехал с дядей в вагоне, раздавил себе руку. После всех этих несчастий дядя приехал совсем расстроенный. Сегодня он написал 22 поздравительных письма в Америку. Приготовил одну фразу и варьировал ее на все лады.

Вы спрашиваете меня о том, как здесь смотрят на вопрос о моем отъезде. Дядю я вижу почти только за столом, так что мне трудно судить о его мнении, а остальные затыкают мне рот, когда я об этом заикаюсь. Бабушка из себя выходит и чуть не кричит в этих случаях.

*И. Ф. Стравинский и Э. Ансерме.
Монте-Карло, 1926 г.*

Когда меня поместят куда-нибудь после школы, тогда все выяснится.»

Из письма от 3 января 1926 года: «Вот и рождество прошло, скоро будет год, как я уехала из России. Меня в ужас приводит, что я так мало сделала за это время. Я ясно вижу, что здесь ничего не сделаю путного, но такая уж тут атмосфера. Мне непременно нужно переехать в Париж. Мне будет труднее материально, но зато там я смогу работать. . . Я никого не вижу и нигде не бываю. За все время только к дяде пришло два человека, которых я видела лишь за ужином, после чего они запирались с ним в кабинете. Сама же я была один раз на „Фаусте“ в опере и один раз в оперетте. До сих пор мне было так интересно со всеми своими, что, несмотря на потребность видеть посторонних людей, я не ежучала. Но сейчас я начинаю очень чувствовать этот недостаток. Я уже не говорю, что мне страшно тоскливо без вас.

На праздниках я была в очень веселом настроении, так как никогда я еще не получала таких чудных и такое количество подарков. Мы все приготовили каждому из взрослых какой-нибудь подарок и положили на обеденный стол. Они сделали то же. Начали по очереди раздавать подарки, начиная с бабушки. Их клали на колени, и так как у дяди были все подушки, а тетя ему вышила ковер, то он оказался заваленным с головой».

Случилось то, что должно было случиться — время и «возраст любви» заявили свои права. Чувства Тани и Феде перестали быть братскими. Они поняли, что между ними возникло иное. Осознав это, Таня нашла в себе достаточно разума, чтобы реально увидеть создавшееся положение, и достаточно силы, чтобы вовремя не допустить того, что не должно было произойти. Она решила немедленно уехать от Стравинских в Париж.

Из письма от 6 февраля 1926 года, Париж: «. . . Все это случилось так внезапно, что я не могла даже тебе вовремя написать. Пишу уже из Парижа. Плохого ничего не

случилось. Не могу сейчас писать подробностей, вы все сами поймете. . . Я сказала все тете, с тем чтобы она передала дяде. Я поняла, что оставаться мне нельзя. Сказали мы и бабушке. Когда Федя узнал, что я уезжаю, он проявил совершенное самообладание и волю. Он сам понял, что я права и что мне нужно ехать. Я не могу тебе передать, что было в эти два-три дня, пока я устраивала дела в школе. Неделя до этого, в которую произошли все объяснения, уже истрепала нас, а последние дни были ужасны. Дети, узнав о том, что я уезжаю, горько плакали, а я еще больше. Они ничего не спрашивали, удовлетворились объяснением о школе. Я никогда не забуду того изумительного отношения и той теплоты, которые я видела от всей семьи, от дяди. Так относиться можно только к родной дочке. Мне до того было тяжело, что я потеряла всякое самообладание. Тетя начала мне докупать все, что мне могло понадобиться в Париже. Дядя сказал, что будет оплачивать мою жизнь, чтобы я могла спокойно кончить школу. Девочки думали о всех мелочах. Они, милые, так плакали и Мадюбо тоже. С бабушкой было очень тяжело расставаться, ведь я с ней вряд ли когда-нибудь увижусь. Тетя и дядя старались меня поддержать. В пятницу они оба и трое старших проводили меня на вокзал. Я ревела в вагоне». Таня плакала не зря, она уже больше никогда не увиделась не только с бабушкой, но и ни с кем из членов дядиного семейства.

Письмо Екатерины Гавриловны Стравинской к моим родителям от 6 февраля 1926 года: «Пишу вам с большой грустью в душе, проведив вчера нашу дорогую, милую Танечку в Париж, куда она уехала, не успев даже вас предупредить заранее о своем решении. На днях, совершенно неожиданно для меня, она сказала, что ей необходимо уехать из-за появившегося у нее очень сильного увлечения Федей. Вы поймете, как я была поражена ее словами. Мама писала тебе, Юра, какие хорошие отношения были между всеми нашими детьми, писала, что о влюблении и речи нет. Меня очень взволновало это

решение Танечки уехать, по и я, и Игорь нашли это очень разумным, ввиду невозможности того, чтобы это чувство к чему-нибудь привело. С одной стороны, вторичное кровосмешение, могущее быть угрожающим для потомства, а с другой стороны, страшная юность Феде. Танечка сказала мне, что сама это прекрасно понимает, и потому мы с большой сердечной болью согласились на ее отъезд. Федя, узнав о ее отъезде, проявил в своем огорчении то чувство, которое ясно и у него было, но так же, как и Танечка, понял необходимость пресечь в корне это чувство. И вот в последние дни было ужасно тяжелое настроение у всех нас и бесконечное сожаление, что нарушилась эта жизнь веселой беззаботности и общей дружбы всех детей. Мы с Игорем очень просили Танечку кончать свои курсы. Игорь будет оплачивать ее жизнь в Париже, желая довести до конца, что предпринял, и дать Танечке возможность иметь специальность и зарабатывать в России деньги, чем станет на самостоятельные ноги и будет вам помощью. Мы просили Танечку ни о каком заработке в Париже теперь не хлопотать и не брать никакой службы и работы, ее жизнь будет Игорем оплачена, а когда она кончит курсы, то поедет к вам, конечно, дорогу Игорь оплатит, как сделал это при ее приезде. Мы так полюбили Танечку, что все чувствуем большую пустоту с ее отъездом, как будто уехал наш пятый ребенок. Давай господь, чтобы она развлекалась и нашла себе то счастье, которое ей нужно и которого она так заслуживает, дорогая девочка ваша! Мы снабдили Танюшу всем необходимым в смысле платья, белья, обуви, а также разных мелочей, так что, надеюсь, она в Париже с этой стороны ни в чем нуждаться не будет. Как печально мне все это писать вам, зная, как огорчит вас мое письмо. Бедная Танечка!»

Парижское письмо Тани от 3 марта: «...Обо всей этой истории я не могла тебе писать раньше, так как получился какой-то неожиданный „ку де фудр“¹ одинаково

¹ Удар молнии (франц.) — молниеносное чувство.

Семья И. Ф. Стравинского. Таллуар, 1929 г.

с обеих сторон. У меня еще осталось настолько рассудка и воли, что я поняла невозможность и безумие всего этого и решила пресечь все. Единственный способ — это было сказать тете Кате, ибо таким путем все должно было сделаться помимо меня. Эти дни дядя все время был с Федей, не мог его оставить дома после моего отъезда и повез с собой в Марсель. Я до бесконечности тронута их отношением ко мне. И бабушку тоже я очень полюбила в последнее время, и мне с ней было тяжело расставаться. Вообще Стравинские (тетя, дядя и дети) и мне, и, я уверена, вам — самые близкие люди в духовном смысле. Я не говорю о материальной стороне,

которая составляет такую большую разницу, по эта близость проявляется во вкусах к искусству и вообще в широком понимании вещей».

6 февраля Таня приехала в Париж, где прожила еще полгода, навсегда покинув Францию в августе. Жизнь в Париже пошла совсем по-иному. Школу Пюжье она все-таки закончила, хорошо выдержав экзамены по машинописи, коммерческой корреспонденции и счетоводству, получила аттестат («отряхнула прах ненавистной Эколь Пюжье»). Поселилась она рядом с тетей Ириной Николаевной Териопиано в недорогой гостинице Латинского квартала. Там жила и Ира Белянкина, с которой Таня подружилась. На работу по полученной специальности она не стала устраиваться, а поступила в мастерскую обучаться ремеслу росписи тканей — пушуарам. Большие художественные способности, вкус, умные руки помогли быстро освоить это дело. Через месяц она уже начала зарабатывать, что дало ей возможность к отъезду сделать кое-какие приобретения для родных: «я рассчитала, что больше заработаю пушуарами, чем службой, тем более, что это даст мне возможность ходить по музеям, когда я захочу, и вообще я не буду прикована».

От этого периода сохранилось семь писем. Их, наверно, было больше, ведь Таня столько рассказывала по возвращении домой. Еще много раз она виделась с дядей, бывала с ним в различных компаниях, встречалась с выдающимися людьми, посещала дягилевские балеты. Но уже многое в сохранившихся письмах носит деловой характер, связанный с предстоящим отъездом: она посвящает маму в технику росписи тканей, пишет о подарках, советуется.

В письмах от 10 и 19 мая она пишет: «... Дядя сейчас находится в Милане, затем он едет в Лондон и в Париже будет только проездом, а оттуда прямо опять в Италию. Скоро начнется сезон балетов Дягилева, и он дол-

жен там устроить для нас места. . . Я уже всеми мыслями переносюсь домой. Я тебе писала, что приезжал Григорий Павлович Белянкин. После его отъезда Ира мне объявила, что они решили, что летом они возьмут меня в Биарриц. Эта формулировка меня очень рассмешила, будто бы меня можно просто взять или не взять». В Биарриц Таня не поехала.

«Дядя вчера приехал в Париж, но я его еще не могла увидеть и говорила только по телефону. Здесь вчера начались балеты Дягилева, и у нас с Ирой есть постоянные пригласительные билеты. Дядя очень устал с дороги, так как он ехал из Италии, где пробыл две недели, и вчера не был на балете. Сейчас его буквально рвут на части. Я не хочу ему надоедать. Он сам меня вызовет по телефону, когда ему дадут вздохнуть. . .»

Освободившись после экзаменов, Таня писала 26 мая: «Я эти дни наслаждаюсь свободой. В воскресенье дядя позвал нас с Ирой, и мы сделали изумительную прогулку. Поехали на двух маленьких очень хороших автомобильчиках, из которых один гоночный только на две персоны, в виде снаряда. В нем сначала ехали Ира и тот господин, которому принадлежит автомобиль. В другом ехали дядя, Вера Артуровна Судейкина ¹ и я. В Булонском лесу мы встретили дядиного знакомого молодого француза, который бешено мчался на своем таком же снаряде — амилькар. Я пересела к нему, и мы помчались вперед. Поездка была изумительная, мы были в семидесяти километрах от Парижа. Было много приключений: лопнула шина у дяди, потом мы потеряли и еле нашли своих, затем остановились в лесу. В одной деревне была ярмарка, и мы проделали там все, что можно было сделать — катались на каруселях и т. д. Дивно пообедали в каком-то городке. Ко мне относятся очень смешно, так как я кажусь около Иры и Веры Артуровны (этих высоких красавиц) какой-то маленькой штучкой, против чего я ничего не имею. В лесу мы много

¹ Будущая вторая жена Игоря Стравинского.

дурили, и эти два господина бросали меня как мячик. По-моему, я уже очень недурно говорю по-французски. На обратном пути у одного амилькара пачали лопаться цилиндры, и его приволокли на буксире, что было очень смешно и весело. Ты себе представить не можешь, какие дивные леса в окрестностях Парижа. Вернулись мы в два часа ночи».

Из письма от 2 июня: «Мне очень хочется вернуться домой, и все, что ты пишешь про меня,— правда. Очень приятно пользоваться всякими благами, но, во-первых, потом тяжело лишаться этого, а главное — стыдно перед другими. Я писала о прогулке на автомобилях, когда мне было очень хорошо, но остальное время я вижу вокруг себя такую нужду, что всякое удовольствие проходит. Бываю на балетах. Третьего дня дядя взял нас с Ирой в ложу. Нас было шесть человек. Дядин друг француз Матарелли с женой, Вера Артуровна, дядя и мы с Ирой. Между нами говоря, Ира и Вера Артуровна слишком красивы и меня совершенно убивают. На них смотрит весь театр, и если бы я была большой кокеткой, я бы с ними не ходила».

Таня вернулась в Ленинград в августе 1926 года. Здесь она несколько лет работала по художественной росписи тканей и по внутренней отделке (интерьерам) различных общественных помещений. Работала с большим вкусом, изобретательностью, талантом, приобщив к этому и маму. Ее курсы машинописи и «контабилите», которые она окончила во Франции, так никогда ей и не пригодились. Вскоре по приезде она вышла замуж за врача Бориса Михайловича Добротина, имела сына Романа (теперь профессор химии). Затем окончила Ленинградское художественное училище, при котором осталась преподавателем. Умерла Татьяна Юрьевна 52-х лет в 1957 году от рака.

Приезд

И. Ф. СТРАВИНСКОГО

в

СССР

IX—X 1962 г.

19 сентября, после долгих сомнений (ехать — не ехать), я выехала с Марией Вениаминовной Юдиной из Ленинграда в Москву. 21 сентября 1962 года Игорь Федорович Стравинский должен прилететь в Советский Союз.

Какая будет встреча? Каким окажется дядя? Ведь я его абсолютно не знаю. Всех моих близких, знавших его, уже давно нет в живых. В своих «Диалогах» с Крафтом он многих сурово критикует; о родных пишет холодно и сдержанно.

20 сентября чудный солнечный день, а какой будет завтра? Брожу по Нескучному саду. Золотая осень. Все деревья нарядно раскрашены, листья еще держатся на ветвях — кленовые ярко-желтые, разлапистые, мелкие трепещущие листочки березы, словно нанесенные кистью художника-пуантилиста, алые, как костры, кустарники. Вся эта парадная золотая осень явилась как бы фоном для радостного, праздничного пребывания Игоря Федоровича на родине. Он много раз восхищался щедрой, яркой красотой осеннего убора и в Архангельском, и в Новодевичьем монастыре, и в пригородах Ленинграда.

Что же предшествовало его приезду? В августе 1961 года в «Огоньке» появилась статья Т. Хренникова. Привожу выдержки из нее.

«Мы направились в США на Международный музыкальный фестиваль. Мы — это композитор К. Кара-Караев, скрипач Игорь Безродный, музыковед Б. М. Ярустовский и я. Нам предстояло встретиться в Лос-Анджелесе с известнейшими музыкантами... Очень волнующей в нашей поездке была встреча с замечательным композитором Игорем Федоровичем Стравинским.

Сразу же по приезде в Лос-Анджелес мы узнали, что в фестивале примет участие Игорь Стравинский: под его управлением исполнялись Симфония псалмов и Концерт для скрипки с оркестром. Нас известили, что после концерта Игорь Федорович хотел бы встретиться с нами. Мы, взволнованные, пошли в артистическую. Навстречу нам поднялся с кресел невысокий, худощавый человек с очень подвижным лицом и внимательными, острыми

глазами. Это и был Стравинский. Он сразу же сказал нам, что счастлив видеть своих соотечественников. Ведь в продолжение почти сорока лет Стравинский ни разу не встречался ни с кем из советских музыкантов.

Игорь Федорович пригласил нас к себе домой. И вот в один прекрасный вечер мы отправились в гости к „живому классику“, к „живой легенде“ — Игорю Стравинскому. Этот вечер был действительно прекрасен. Этот вечер принес огромную радость и нам, и нашему хозяину. Собравшись все вместе, мы очень скоро разрешили печальное недоразумение, которое в течение десятков лет всячески раздували враги дружбы Стравинского с Советским Союзом. Стравинскому в те годы упорно внушали, что у него на родине, в России, не признают и не исполняют его музыку. И только от нас узнал Игорь Федорович правду... В свою очередь и мы спросили, зачем же Стравинский в своих интервью так нелестно и несправедливо высказывался о нашей музыке и о советских музыкантах. Ответ композитора столько же удивил, сколько обрадовал нас.

— Я никогда не говорил ничего плохого ни о советской музыке, ни о советских музыкантах, — заявил Стравинский. — Все эти высказывания приписывались в интервью со мной недобросовестными журналистами. У меня же не было ни сил, ни времени опровергать их. . .

Игорь Федорович несколько раз повторил, что счастлив начать дружбу с советскими людьми.

— Ведь эмигрировал-то я из царской России, — заметил он.

На мое приглашение посетить Советский Союз Игорь Федорович ответил, что он и сам мечтает поехать на родину. Он надеется, что ему удастся отмечать в Москве свое 80-летие, которое состоится 17 июня 1962 года¹. Я перескажу также кое-что из того, что мне рассказал побывавший тогда в Лос-Анджелесе Б. М. Ярустовский.

¹ «Огонек», 1961, № 32. В текст вкралась ошибка, день рождения Игоря Федоровича — 18 июня.

Первый Международный фестиваль современной музыки, о котором писал Т. Хренников, состоявшийся в Калифорнийском университете, продолжался дней шесть. По условиям фестиваля все композиторы, чьи произведения должны были прослушиваться, сами дирижировали ими. 5 июня дирижировал И. Стравинский (часть программы он, часть Крафт). После каждого концерта слушатели устремлялись в артистическую комнату, чтобы позжать руку, поздравить композитора-исполнителя. Было так и со Стравинским. Советским музыкантам тоже естественно было пройти к Стравинскому, но они были в нерешимости: как Игорь Федорович их встретит, захочет ли увидеться. Тогда инициативу взял на себя очень расторопный переводчик: растолкав толпу любителей автографов и других людей, жаждавших пробраться к Стравинскому, он проник к нему и вскоре же появился вновь с сообщением, что тот хочет видеть советскую делегацию. Возглавив группу, переводчик помог ей протиснуться через толпу и войти в артистическое фойе. Стравинский очень приветливо и хорошо встретил русских собратьев. Разговор был очень простой и дружественный, но публика за дверью шумела и отвлекала от него. Тогда Стравинский спросил: «А почему бы вам не прийти ко мне, ну хоть послезавтра?» Это было как раз по окончании фестиваля. 8 июня советские музыканты пришли к дому Стравинского и были удивлены, застав у дверей его дома группу корреспондентов. Войдя в дом, они и там встретили нескольких ретивых корреспондентов, которые тоже умудрились проникнуть туда. Им дали возможность сфотографировать хозяина и его гостей. Затем корреспонденты начали задавать вопросы.

— Мистер Стравинский, это верно, что Вы хотите ехать в Советский Союз?

Стравинский сказал, что хочет.

— Как же Вы хотите ехать туда, если Вас там не исполняют?

Советские музыканты возразили и перечислили исполняемые произведения композитора. Еще вопрос:

И. Ф. и Е. Г. Стравинские. 1937 г.

— Как же Вы хотите ехать, когда за исполнение Ваших произведений Вам ничего не платят? Стравинский как-то отшутился, и журналисты ушли. (Корреспондент, видимо, имел в виду, что у нас еще не была подписана конвенция об авторских правах.) Жена Игоря Федоровича Вера Артуровна принесла виски, вино, сэндвичи и, после выяснения взаимоотношений, о которых уже было сказано раньше, начался очень хороший дружественный разговор. Стравинский рассказывал о том, как он пишет, о таблицах серийной записи, о принципе неповторяемости. Когда ему сказали, что ведь это же слишком рациональный способ, Игорь Федо-

рович ответил, что сам Леонардо да Винчи тоже пользовался рациональным способом письма — разграфлял холст на систему квадратов, куда вписывал своих мадонн, свои модели.

Эта памятная встреча послужила предпосылкой к посещению Игорем Федоровичем в 1962 году своей родины. А что же было раньше? Переписка между нашими семьями — моими родителями, с одной стороны, семьей дяди Игоря — с другой, к 1937 году совсем заглохла. В 1939 году пришло официальное извещение из парижского издательства «S. A. Grandes Editions Musicales» о тройном горе, постигшем композитора в течение полугода: смерти дочери, жены и матери. В мае 1941 года умер мой отец Юрий Федорович Стравинский. Потом была война. . .

Пережив половину блокады в Ленинграде, а с августа 1942 года находясь в эвакуации, я с мамой и дочкой летом 1944 года вернулась в Ленинград. Нам очень хотелось разыскать дядю. Это было не просто, так как мы тогда даже не знали, в какой стране он находится. Наконец, благодаря любезности Д. Д. Шостаковича, был получен голливудский адрес Игоря Федоровича. Мама написала ему в 1946 году. Вот некоторые выдержки из сохранившегося черновика ее письма.

«...Знаешь ли ты, что 12 мая 1941 года скончался Юра. Умер он скоропостижно на службе. Мне позвонили по телефону, что ему дурно. Я известила дочерей, и когда мы приехали к нему, то он, не приходя в сознание, скончался. . . Последнее время он не работал по своей специальности и занимался научной работой по описанию исторических зданий Ленинграда. Умер перед самой войной, и похоронили его как следует, и не испытал он всех ужасов войны и блокады. . .

Очень хочется узнать обо всех вас. Как ты себя чувствуешь, как твое здоровье, твоя музыкальная деятельность? Как живут твои сыновья, дочь?

Здесь проявляют большой интерес к тебе и к твоему творчеству, спрашивают нас, когда узнают нашу фамилию.

И мы ничего не можем сказать, так как ничего не знаем. Твои вещи включены в репертуар филармонии этой зимой. Думаешь ли опять переехать во Францию или останешься в Америке?

В 1939 году получили твоё извещение о смерти Анны Кирилловны, Кати и Мики. Сколько пришлось тебе пережить и как тяжело было всем вам сразу так осиротеть...»

17 февраля 1947 года Игорь Федорович ответил. Вот его письмо:

Hollywood, Calif. II—17—1947

Дорогая Леля,

Спасибо за письмо (заказное), которое получил, когда отправлялся в очередное концертное турне.

О скоропостижной кончине дорогого Юры я был извещен тогда же, в 1941 году, летом, чужими людьми, доискавшимися меня по этому печальному случаю в Америке.

Живу я тут со своей женой Верой Артуровной уже 7-й год (в Калифорнии). Мы с нею стали подданными Соедин[енных] Штатов в прошлом году. Сочиняю и путешествую много и, с тех пор как переселился из Европы в Калифорнию, чувствую себя прекрасно.

К сожалению, просьбы твоей о присылке моей автобиографии исполнить не могу, ибо она лет 5 тому назад распродана и в английском переводе тоже. Печально было узнать о гибели отцовской библиотеки, или, вернее, того, что от нее осталось, как ты говоришь.

Этой весной собираемся месяца на 3, 4 в Европу повидать моих женатых сыновей и внуков. Федя с женой живут в Женеве. Они взяли к себе сиротку Китти (дочь покойной Мики), отца которой загубили немцы. Светик с женой и годовалым сыном Jean — в Париже. Милену с мужем (они бездетны, как и Федя) выписали сюда, где условия для их шаткого здоровья неизмеримо лучше, чем во Франции.

Дам в Европе (дирижирую в Париже, Лондоне, Швейцарии, Португалии и Голландии) ряд концертов и буду обратно в сентябре.

В Париже надеюсь повидать твою сестру, если она еще там и если обстоятельства моей сложной концертной жизни и короткого пребывания позволят.

Всем вам шлю далекий сердечный привет.

Игорь Стравинский

В сентябре 1948 года мама умерла. Переписка на этом оборвалась. Наступил тот период «холодной войны», о котором летом 1973 года, в Вашингтоне, во время встречи на высшем уровне, вспоминалось как о чем-то, к счастью, прошедшем. Стиль зарубежных корреспондентов соответствовал этому периоду. Игорю Стравинскому приписывалось пренебрежительное отношение к советской музыке, приписывали даже полное отрицание нашего искусства в целом, вплоть до циничного отмежевания от родины. Да мало ли что только не вкладывали тогда в его уста. Сам Игорь Федорович говорил мне в 1962 году, что он физически не мог читать все, что о нем печатала пресса, или тогда нужно было бы, читая и опровергая, бросить заниматься музыкой. Понятно, что его у нас почти не исполняли в те годы.

Пожалуй, «первой ласточкой» явился в 1959 году Л. Бернштайн с программой из произведений Стравинского («Весна священная», Концерт для фортепиано). В 1960 году в Большом зале Московской консерватории И. Маркевич дирижировал «Весной священной». В декабре 1960 года М. Юдина дала в Ленинграде концерт, где исполнялись сочинения Стравинского (Серенада и Концерт для двух фортепиано). В мае 1961 года Малый театр оперы и балета в Ленинграде поставил «Петрушку» Стравинского. В июне 1961 года английский балет привез «Жар-птицу». И вот известие, что Игорь Федорович приедет к нам в Советский Союз. Сообщение это, конечно, очень разволновало нас, и в ноябре я написала ему письмо.

Милый дядя Игорь!

Я очень обрадовалась, узнав, что ты собираешься приехать к нам в Россию в ближайшее лето и отметить тут свое восьмидесятилетие. Вот я и решила написать тебе, что тебя на родине ждут не только твои многочисленные почитатели, но и твои близкие. Очень печально, но со смертью папы и мамы наша живая связь с тобой и с твоим семейством совсем заглохла. Я об этом много с грустью думала — ведь ты мой самый близкий родственник, у меня сейчас почти никого из близких по крови (кроме моего с Таней потомства) не осталось. Последнее непосредственное известие от тебя было твое письмо к моей маме от 17 февраля 1947 года в ответ на ее письмо. Через год, в сентябре 1948 года, мамочка умерла (от инсульта). Большой горе постигло опять нашу семью в апреле 1957 года. В возрасте 52 лет от рака умерла Танюша. В 1950 году умер ее муж — очень мне близкий и родной человек. Это наши грустные события.

Сейчас у меня в семье все хорошо. Мы живем одним дружным домом: мой второй муж Александр Александрович Яковлев (архитектор), моя дочь Елена с мужем Сеовой и их сын трех с половиной лет — он же мой прелестный внук Игорь (видишь, мы тебя никогда не забывали). Я тоже архитектор, но сейчас уже не работаю. Мы живем все в том же доме на Крюковом канале (почтовый адрес с улицы Глинки, где твои родители поселились еще в 1881 году. Правда, не в той квартире, а в бывшей квартире Направника. Мы сюда переехали во время войны (та квартира была очень велика). Танюшин сын Роман — ученый, несмотря на свои 33 года. У него сын Юра — полутора лет.

На днях я познакомилась с Марией Вениаминовной Юдиной. Я бывала на ее концертах, знала, что она твоя большая и верная почитательница, но знакома с нею не была. Мария Вениаминовна была у нас, и мы много говорили с нею о тебе. Она показала твою книгу «Диалоги», что ты ей прислал. Милый дядя Игорь, напиши мне, пожалуйста, о себе, о твоих детях, Вере Артуровне. Я была бы так рада получить еще твои и всех твоих фотографии, а также «Диалоги». Ведь у меня нет никакой литературы о тебе, кроме книги Игоря Глебова.

Крепко целую тебя, дорогой дядя Игорь. Большой привет от меня Вере Артуровне и твоим детям. Поздравляю также вас всех с Новым годом и желаю благополучия и счастья.

Твоя племянница Ксения

Ответ от Игоря Федоровича я получила в январе 1962 года. Предыдущий год у Стравинских с Крафтом был полон разъездов. Сентябрь—ноябрь они провели в турне:

Финляндия, Швеция (где ставились «Похождения повесы»), Германия, Югославия, Швейцария, Англия. В ноябре, пролетев с остановками в Каире, Карачи, Калькутте, Бангкоке, Сингапуре, Дарвине, Сиднее, Стравинские прибыли, наконец, в Новую Зеландию, где провели 10 дней.

Затем последовали концерты в Австралии, три дня на Таити, потом Мексика и к концу декабря — Голливуд. Вот тогда Игорь Федорович написал ответ на мое письмо.

Голливуд. Дек[абрь] 29/61

Милая Ксеничка,

твои добрые строки меня тронули, взволновали и опечалили грустными событиями, кот[орые] только теперь до меня дошли.

Пишу тебе пока что эти строки, чтобы ты знала, что письмо твое получено. Напишу тебе в недалеком будущем, ибо сейчас продолжаем концертное турне и трудно отвечать на такое твое письмо впопыхах. В Россию, как предполагал, вряд ли попаду в июне, возможно, что приеду позже.

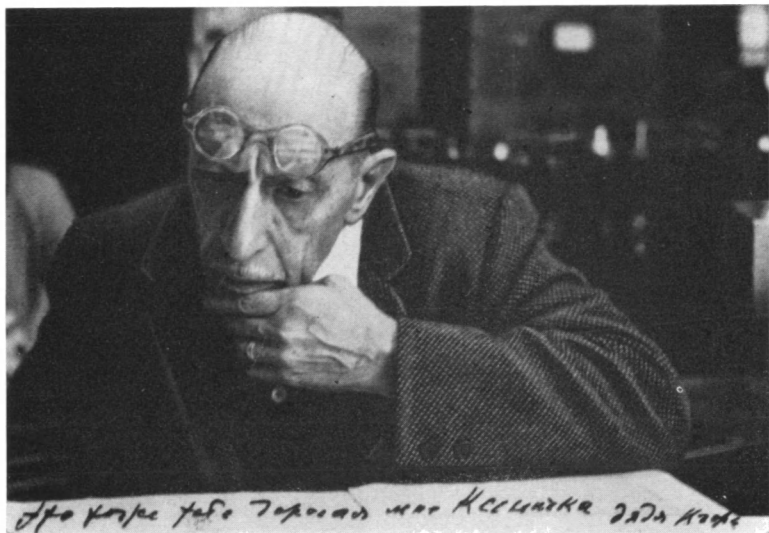
Велю тебе прислать мои 2 книжки из Лондона, где они изданы. Прилагаю тут 3 фотографии, чтобы ты знала, как мы выглядим. Пришли, пожалуйста, т[а]кже и твою. С Новым годом и сердечными пожеланиями тебе и семье твоей.

Твой дядя Игорь Стравинский

Из лондонского издательства пришли две книги: «Беседы с Игорем Стравинским» и «Мемуары и комментарии».

«В недалеком будущем» дядя, конечно, не написал. Подождав, в апреле я послала ему второе письмо.

И. Ф. Стравинский.

2 апреля 1962 г.

Милый дядя Игорь!

Я узнала от Марии Вениаминовны, приезжавшей в Ленинград к премьере твоих балетов, что ты уже вернулся из турне, и поэтому пишу тебе. Большое, большое тебе спасибо и за твое письмо с фотографиями, и за две книги «Диалогов» из Лондона. Я не знаю английского языка, но моя знакомая перевела твои книги. Сейчас эти переводы отпечатываются на машинке, и я смогу дать их прочесть своим друзьям и знакомым. Твое письмо и книги произвели на меня большое впечатление. Кстати, дом, где ты провел многие годы, совсем не был разрушен (тебя неправильно информировали), и наша семья в нем так до сих пор и живет. В него, правда, во время войны попало несколько снарядов, но эти разрушения были вскоре восстановлены. Выходящее к нашему дому крыло Мариинского театра было разрушено бомбой, но его отстроили уже в 1944 году.

Я половину блокады прожила в Ленинграде, и все это происходило на моих глазах. Парикмахерская, откуда ты в детстве наблюдал проезд шаха персидского, до сих пор тут же и находится, и мы все ею пользуемся. На меня очень большое впе-

чатление произвело то, что я прочла: твоя огромная (по значению) жизнь, наполненная музыкой, новой, особенной, твои реальные встречи с большими людьми искусства, которые для меня лишь абстрактный творческий образ...

Милый дядя, когда же ты приедешь? От Марии Вениаминовны узнала совершенно разноречивые сведения: 1) что ты в нынешнем году не приедешь и 2) что ты приедешь скоро «запросто», то есть просто навестить свою Родину. Сейчас, в связи с твоим приближающимся восьмидесятилетием, вокруг твоего имени большое оживление. Всюду исполняются твои произведения, читаются лекции. На днях мы были на премьере «Жар-птицы», «Орфея» и «Петрушки» в Михайловском театре (Малом театре оперы и балета). «Орфея» я плохо знаю, но он звучал еще совсем сыро. «Жар-птица» и «Петрушка» — хорошо и хореографическая часть, и художественная тоже. Вчера впервые слушали великолепно исполненную Итальянскую сюиту. На днях были в Малом зале филармонии на лекции Л. Энтелеса о твоём творчестве. После лекции состоялся концерт. Исполнялись: Септет и Октет, ария Иокасты из «Эдипа», «Весна монастырская» и еще другие вокальные произведения. Затем студенты консерватории А. Узгорский и Г. Тальрозе исполнили сюиту из «Весны священной». Переложение для двух фортепиано сделал Узгорский.

Опять встреча с Марией Вениаминовной очень много мне дала. Мы долго говорили о тебе, о твоей жизни, о книгах, посвященных тебе, которых у нее много. Она организует выставку к твоему юбилею. К этой выставке я тоже должна дать кое-какие материалы из своего семейного архива. (Я сейчас начала заниматься его разборкой и нахожу в нем много интересного.)

Я не теряю надежды получить от тебя обещанное более подробное письмо и ответы на многие интересующие меня вопросы. Ведь я так ничего и не знаю о своих кузенах — Феде, Светике, Милене — и о твоих внуках.

Крепко тебя целую, милый дядя Игорь. Жду с нетерпением от тебя письма. Большой привет Вере Артуровне.

Твоя племянница Ксения.

Р. С. Пошлю две программы и свои фотографии с мужем.

Ответа на это письмо я не получила. Игорь Федорович улетал через Париж в Южную Африку, где в мае давал концерты. Все же реакция па это мое письмо была в виде высказываний Игоря Федоровича, записанных с его голоса па магнитофонную ленту Г. Н. Рождественским в Канаде и передававшихся по советскому радио.

Игорь Федорович высказывался по поводу предстоящей поездки в Советский Союз. На вопрос Геннадия Николаевича «Остался ли у Вас кто-нибудь из близких на родине?» Стравинский сказал: «В Ленинграде я буду обязательно. Там я рос до двадцати семи лет, и там я воспитывался. У меня есть в Ленинграде родная племянница. Она мне пишет трогательные письма, мне это очень приятно. Несмотря на то, что я ее никогда не видел, я ее очень люблю. Я ее хочу увидеть на старости лет. Она уже бабушка, значит, я уже, так сказать, прадедушка». (Этот пересказ его слов привожу с трансляции.)

В июне Игорь Федорович, как он и писал в своем письме, приехать в Советский Союз не смог. Связанный гострольными контрактами, он вылетел в конце мая из Парижа в Южную Африку, в четырех городах которой прошли его концерты. Затем выступления в Риме. 18 июня, в день своего 80-летия, он был в Гамбурге, куда я послала ему поздравительную телеграмму.

Как я уже писала, в ноябре 1961 года состоялось мое знакомство с замечательной пианисткой Марией Вениаминовной Юдиной, перешедшее в очень сердечные и дружеские отношения. Ее концерт в Ленинграде в декабре 1960 года был интересен для меня вдвойне — ведь мы давно не слушали музыки Стравинского. Зал был полон, и успех был большой.

Мария Вениаминовна была знатоком и пропагандисткой творчества Стравинского, знала о последних десятилетиях его жизни, о том, что им за эти годы написано, о посвященных ему за рубежом исследованиях, о появившихся тогда «Диалогах» с Крафтом. У нее была дружественная и очень интересная переписка с живущим в Париже Петром Петровичем Сувчинским, музыковедом, философом, очень большим другом не только Игоря Федоровича, но и всей его семьи еще с петербургских времен, когда Сувчинский был редактором «Музыкального современника». Переписывалась Мария Вениаминовна и со Стравинским.

10 января 1962 года Юдина организовала и провела интересный концерт в Ленинградском доме композиторов, посвященный 80-летию И. Стравинского. Ею исполнялась Серенада для фортепиано, Концертный дуэт для скрипки и фортепиано (партию скрипки исполнил В. Пикайзен). Прозвучали Септет, Октет; «Пастораль для голоса», «Прибаутки», «Весну монастырскую» пела Н. Юренева; «Элегию» для альты соло сыграл Ю. Крамаров. Это была большая, насыщенная программа в исполнении первоклассных музыкантов; концерт, надолго оставшийся в памяти и, конечно, значительно расширивший узнавание Стравинского.

Стало известно, что в октябре 1961 года Игорь Федорович получил уже официальное приглашение Министерства культуры СССР. Однако его приезд ожидался не к 18 июня, к его 80-летию, так как, пока оформлялось приглашение, Стравинский оказался уже связанным рядом контрактов.

26 марта 1962 года в Ленинградском Малом театре оперы и балета состоялась премьера двух балетов Стравинского: «Орфей», «Жар-птица». Вместе с ними шел поставленный ранее «Петрушка». Спектакль прошел с большим успехом. (Кстати, на нем присутствовали музыканты из Венского оркестра, давшего на другой день концерт под руководством Караяна. Мне пришлось сидеть на спектакле в боковой артистической ложе над оркестром, в окружении венских музыкантов. Интересно, что они на сцену почти не смотрели, а только перед собой в оркестровую яму на оркестрантов.) Дирижировал С. А. Прохоров. Инициатором постановки «Орфея» была Юдина. Она же дала театру партитуру.

В начале осени приезд Стравинского стал уже реальностью. Возвращения Игоря Федоровича на родину, после 48 лет отсутствия, ждали с волнением очень многие и, надо думать, прежде всего, конечно, он сам.

Тут хочется сказать несколько слов об этих пресловутых 48 годах, так как о них многократно упоминалось в зарубежной прессе. Писали «о признании Стравинского

со стороны всех стран мира, кроме своей родины», забывая, что за эти 48 лет произошли грандиозные исторические потрясения. 1914—1918 годы — первая мировая война, когда Игорь Федорович был попросту отрезан от России. Февральская, затем Великая Октябрьская социалистическая революция — этот социальный катаклизм, интервенция, гражданская война (Игорь Федорович жил тогда в Швейцарии с семьей в составе 6 человек). В середине и конце 20-х годов мир уже залечивал свои раны, в Советском Союзе тоже налаживалась экономика, нормализовалась жизнь, и интерес к искусству (никогда, впрочем, не угасавший) получил широкий размах. Музыка Стравинского в то время исполнялась часто и советскими, и зарубежными музыкантами. В Ленинградском театре оперы и балета (тогда ГАТОБе) шли «Соловей», «Петрушка», «Жар-птица», «Байка про лису», «Пульчинелла»; Климов исполнял в Капелле «Свадебку» и «Царя Эдипа»; в филармонии О. Клемперер дирижировал «Пульчинеллой», Второй сюитой, Ф. Штидри — «Весной священной»; Э. Ансерме — Симфонией для духовых, «Весной священной» и отрывками из «Мавры». В Москве была музыкальная школа (и курсы) имени Стравинского. Помещалась она в Петровском переулке, 5 (бывший Богословский переулок).

В 30-е годы политический климат опять резко изменился. С 1939 года началась вторая мировая война, для нас с 1941 года — Великая Отечественная. Затем послевоенные годы. Отношение советской критики к творчеству Стравинского в эти годы (что греха таить) было отрицательным. На нее, конечно, оказывали свое влияние отдельные высказывания Стравинского (в то время мы еще не знали, что в них от Стравинского, а что привнесено зарубежными писателями от музыки). Все это не способствовало сближению Стравинского с родиной.

В первых числах сентября 1962 года из Москвы приехала Мария Вениаминовна Юдина для организации выставки, которая была ею первоначально намечена в фойе Малого театра оперы и балета, но ввиду отъезда театра

на гастроли в Москву и занятости фойе основной экспозицией там был устроен лишь небольшой стенд в простенке. Выручило Ленинградское отделение Союза композиторов: В. М. Богданов-Березовский, тогда заместитель председателя правления, предложил устройство выставки в стенах Дома композиторов. В. М. Богданов-Березовский, М. В. Юдина, директор Дома Е. Д. Выходцева и мы с мужем собрались 10 сентября в помещении Дома композиторов на улице Герцена. Собрание прошло довольно бурно. Дело в том, что у небольшого Дома композиторов единственная большая выставочная комната была занята экспозицией ленинградских композиторов, к чему-то приуроченной. Разобрать ее было бы нетактично. Мария Вениаминовна же считала, что приезд великого соотечественника после 48-летнего отсутствия — явление настолько важное, что все должно быть принесено этому в жертву. «Живой классик! Мировая величина, старейший русский композитор!» — говорила с жаром она. Спорить было, прямо скажем, трудно. Но нужно было также понять и Выходцеву. Валериан Михайлович проявил бездну дипломатии, чтобы разрешить эту ситуацию. Под выставку были отведены небольшая комната и кулуар.

Предотъездные дни прошли в хлопотах: в моем архиве отобрали фотографии и ноты для экспозиции русского периода; материалы дальнейших периодов жизни композитора давала Юдина — и свои, и те, что удалось достать. Эрмитажный фотограф должен был делать фотокопии, Мария Вениаминовна раздобывала для этого деньги. Группа художников приступила к оформлению выставки.

21 сентября в 16.30 в Москву прибывает самолет из Парижа. В 15 часов за мной заехала на такси Мария Вениаминовна. По дороге мы остановились на улице Горького и взяли с собой Константина Кирилловича Калининко, звукорежиссера радио, и еще одного молодого человека, хорошо знавшего английский язык. По пути

в аэропорт то нас обгоняют, то мы их,— открытые грузовики, полные солдат в наполеоновской форме 1812 года. Они едут на Бородинское поле, где идет съемка фильма «Война и мир».

16 часов. На Шереметьевском аэродроме собираются встречающие. Геннадий Николаевич Рождественский, Тихон Николаевич Хренников с женой и дочерью. Мария Вениаминовна все знакомит меня с кем-то и знакомит. Дочь Бальмонта — Нипа Константиновна Бруни-Бальмонт, мистер Паркер¹. Паркер знакомит меня с иностранными журналистами.

— Племянница? Архитектор?! В блокаду Вы были в Ленинграде?!!

Расспрашивают, записывают, фотографируют.

Все с большим нетерпением ждут прибытия самолета, народу собралось человек сто. Прилетает близкий по времени прибытия самолет. Все бросаются к нему и со смехом отступают — оказывается, из Брюсселя. Многие ждут с большим волнением. Н. К. Бальмонт говорит мне: «У меня колени трясутся, я с трудом стою». Калинин-

¹ Ральф Паркер приехал в сентябре 1941 года в Советский Союз в качестве военного корреспондента лондонской газеты «Таймс». Этот в ту пору 34-летний англичанин,— уже известный международный корреспондент, исключительно одаренный, широко эрудированный, владеющий блестящим пером,— был человеком прогрессивных убеждений. Он стал нашим другом и остался в Советском Союзе. (Умер в Москве в 1964 году.) Продолжая писать уже не для «Таймс», а для прогрессивной прессы, он отдавал дань делу борьбы за мир, искусству, литературе. Как крупного международного корреспондента, Паркера командировали на Нюрнбергский процесс. Он был большим знатоком живописи, театра и, конечно, музыки. Ральф Паркер состоял также представителем в Советском Союзе крупнейшего импресарио США Сола Юрока. Отсюда его постоянные контакты с Игорем Федоровичем Стравинским, чьим большим почитателем он всегда был. Когда Р. Паркер уезжал с Игорем Федоровичем из Ленинграда, он сказал мне, что будет посылать вырезки из английских и индийских газет, в которых сотрудничал. Благодаря его любезности я получила несколько раз статьи, где он описывал пребывание Игоря Федоровича в Советском Союзе.

ко тоже признается, что страшно волнуется. Сама я чувствую учащенное биение сердца, как перед экзаменом.

Наконец, с опозданием на 20—30 минут прибывает самолет из Парижа. Начинается страшная суматоха. Подъезжает трап, репортеры облепляют его, нацелив камеры и прожекторы. Под ногами резиновый кабель. Сначала из ТУ-104 выходят все пассажиры.

И вот появляется Игорь Федорович. Он снимает шляпу, приветливо машет ею, улыбается. На нем черное пальто, серая фетровая шляпа, темные очки. За ним Вера Артуровна и Роберт Крафт. Игорь Федорович спускается и полностью исчезает в толпе журналистов и встречающих.

Я стою в стороне, не пытаюсь пробиться. Весь этот живой людской «ком» медленно движется к аэровокзалу. Видны только спины фотографирующих, световые вспышки; по ногам скользят резиновые кабели. Наконец, сзади от «кома» отделяется Вера Артуровна. Она очень элегантна и красива. На голове у нее что-то совсем маленькое, подобие кусочка шляпы с вуалеткой, закрывающей лоб. На плечах — роскошный норковый палантин.

Подхожу к ней, называю себя. Она удивлена, что я в Москве. Целуемся. Хочу дать ей цветы, но она мне передает охапку своих, которые ей преподнесли встречающие. Не пытаюсь пробиться к Игорю Федоровичу. Только у входа в здание кто-то из моих новых знакомых тащит меня, расталкивая встречающих, и я перед ним: «Я — Ксения!» Он ласково меня обнимает и, согласно русскому обычаю, троекратно целует.

Со мной Мария Вениаминовна. Я знакомлю ее с дядей. Она тяжело опускается перед ним на колени и целует его руку. Игорь Федорович в смущении сам целует ей руки, обнимает, помогает подняться.

В зале его опять окружают. Он сидит с Верой Артуровной, Крафтом, женой и дочерью Т. Н. Хренникова и говорит в микрофон для радио. Вечером его слова уже

передавали в Ленинграде. Я опять вне окружения, поэтому не слышу его слов. Что-то о похоронах Чайковского и Рубинштейна, о России, где он не был 50 лет. Стравинским преподнесли много цветов, но самым прелестным было подношение от Нины Константиновны Бальмонт: какое-то маленькое причудливое произведение из бересты, колосьев, мха, каких-то полевых трав, что-то самобытно русское.

У Стравинских масса чемоданов разных размеров. Дядя справляется у Веры Артуровны: «Все ли тут? Главное, чтоб не потерять тот, где лекарства». Но все в порядке. Маленький чемоданчик в руках у Крафта. Клара Арнольдовна Хренникова много фотографирует. Все идет к машинам. Мария Вениаминовна меня спрашивает: «Вы, конечно, поедете с ними?» Вера Артуровна, услышав эти слова, говорит: «Да, конечно, с нами».

Я оказываюсь сзади, между Игорем Федоровичем и Верой Артуровной, перед нами Крафт и переводчица Александра Александровна Афонина, рядом с шофером Т. Н. Хренников. Ехать далеко. Вечереет. При въезде в город почти темно и вся Москва загорается огнями.

У нас с дядей сразу пошли семейные разговоры. Он спрашивал обо всех нас, отчего умерла моя сестра Танюша. Я расспрашивала его о детях.

У Феде в Женеве очень тяжело больна жена Дениз: туберкулез ноги, запущенный, она сейчас в санатории. Внучка Катрин — сирота, дочь умершей в 1938 году старшей дочери Людмилы, удочеренная Федором, — тоже в Женеве. Светик — младший сын Святослав Сулима — возглавляет фортепианный факультет в Урбане в США. Младшая дочь Милена — с мужем живут в Лос-Анджелесе. Игорь Федорович сказал мне также, что на присланной ему в апреле моей фотографии в 20 лет я очень похожа на Милену в этом же возрасте. Он поставил обе фотографии в двойную складную рамку и привез ее с собой, чтобы показать мне.

Рассказывает Игорь Федорович и про то, как в 1914 году, за месяц до начала военных действий, он приезжал

из Швейцарии на несколько дней в Устилуг и упаковал там в ящики наиболее ценные вещи — рукопись оркестровки «Хованщины» (выполненной Стравинским и Равелем), письма от Римского-Корсакова, портрет Врубеля работы Серова, рисунки Пикассо. Все это было отправлено в Полтаву, туда же, куда Белянкин отправлял все имущество Устилуга (выстрел в Сараево уже прозвучал, а Устилуг ведь у самой Австро-Венгерской границы). Были еще какие-то вопросы, беглые разговоры по-английски с Крафтом и переводчицей.

Хренников и Афолина показывают новые проспекты Москвы, рассказывают о них. Проезжаем улицы старого города, и, наконец, гостиница «Националь». Следом за нашей машиной приходит еще несколько. В них М. В. Юдина, семейство Хренниковых, Карен Хачатурян и другие.

Номер 115, который рекомендовал дяде Юрок, освободится только завтра утром, а сегодня ему с извинениями предоставляют вот этот из трех комнат. Если ему больше понравится, он может остаться здесь. В гостиной на столе шампанское, конфеты, бутерброды с икрой.

Читают телеграмму от Д. Д. Шостаковича. Он в Ленинграде на столетнем юбилее консерватории. В телеграмме приветствует прославленного композитора на родной земле (что-то в этом роде). Всего нас человек 15, всем не хватает места, Хренников разливает шампанское, настроение приподнятое, радостное. Представитель Союза композиторов Елизавета Дмитриевна Ростовцева ставит цветы. Их так много, что ваз не хватает.

Минут через 30 Тихон Николаевич встает: «Нам пора. Игорь Федорович и Вера Артуровна устали с дороги». Он приглашает всех (Марию Вениаминовну и меня — персонально) завтра на прием в Союз композиторов в 12 часов, после первой репетиции. Все уходят. Ко мне подходит Паркер и передает по-русски просьбу Крафта (я не владею английским языком), чтобы мы с Юдиной тоже ушли: Роберт очень оберегает покой Стравинского. Юдина нежно прощается с Игорем Федоровичем, а мне

дядя тихо говорит: «А ты останься, я хочу, чтобы ты с нами поужинала». Пришлось объяснить Крафту по-французски, почему я осталась. В дальнейшем мы всегда с ним говорили на французском языке.

О Роберте Крафте я уже была хорошо паслышана. В 1948 году Игорь Федорович познакомился в Нью-Йорке с этим молодым дирижером, который вскоре стал близким другом Стравинских. Он переехал в Голливуд, чтобы жить поблизости от них и работать в качестве ассистента и содирижера Игоря Федоровича. Энергичный и инициативный, Крафт внес живую струю в жизнь композитора преклонного возраста. Участились их совместные гастрольные поездки. Роберт начал записывать беседы с композитором, положившие начало известным «Диалогам» с Игорем Стравинским. Крафт способствовал приобщению композитора к двенадцатитоновой технике. Высокий, худощавый, еще молодой мужчина, с большим вниманием взирающий на все, что происходит вокруг, — таким я его впервые увидела.

Спускаемся в ресторан, в котором много иностранцев; рядом сидит известный английский певец Джером Хайнс, который завтра должен петь в Большом театре Бориса Годунова на русском языке. Он подходит к дяде и почтительно его приветствует. Дядя знакомит его со всеми нами.

За столом «троица» наших гостей, Александра Александровна, Паркер и я. Я сижу рядом с Игорем Федоровичем, и кроме общих застольных разговоров, почти сплошь, увы, на английском языке, мы с дядей говорим между собой. У меня такое чувство, что мы давно знаем друг друга, только очень долго не виделись и о многом нужно расспросить, рассказать. Он меня все расспрашивает о нашей семье, близких, я — о нем. После ужина расстаемся, и я возвращаюсь к подруге, у которой я остановилась в Москве. Звоню мужу в Ленинград, рассказываю о встрече, а потом часов до трех пересказываю подруге все пережитые за день впечатления.

22 сентября. К 11.30 я уже в «Национале». Стравинские перешли в номер 115. Юрок рекомендовал им остановиться именно в нем, он очень комфортабельный, и из пяти окон его большой полукруглой гостиной чудесный вид: Кремль, Красная площадь, гостиница «Москва», улица Горького и пересечение ее с проспектом Карла Маркса. Обстановка огромной гостиной, на мой взгляд, прямо чудовищная. В девятисотых годах этот номер, во вкусе богатеев-купцов или фабрикантов, казался, наверно, верхом роскоши и красоты. Плафон с амурами и девами на голубых небесах, золоченая мебель, огромный ковер, громадные вазы, картины, бронза. Даже высокие хрустальные вазы с позолотой и те не простые, а перевиты штопором. А рядом — большая спальная с гарнитуром в стиле «модерн» девятисотых годов и огромной кроватью. Только ванная-туалет вполне современна. Я как-то потом спросила дядю: «Тебя не шокирует эта купеческая роскошь? Ведь ты любишь все современное». Он ответил улыбаясь: «Нет, нет, все очень мило, это ведь старина».

Игорь Федорович и Крафт на репетиции в Большом зале консерватории. Первые два концерта будет исполнять Государственный симфонический оркестр СССР, которым руководил К. Иванов. Вернувшись после репетиции, Крафт (он кажется мне очень молодым) поднялся наверх в номер, дядя остался нас ждать в машине. Мы спускаемся и едем в Дом композиторов. По дороге дядя рассказывает, что очень доволен оркестром, репетиция была удачной.

У Дома композиторов его уже ждут на улице несколько человек, фотографируют. В гостиной накрыт стол.

С правой, длинной стороны стола садятся Игорь Федорович и Вера Артуровна. Вокруг них сгруппировались Э. Мирзоян, К. Кара-Караев, К. Хачатурян и другие, которых я не знала. Слева, против Игоря Федоровича — Т. Хренников, Д. Кабалевский, Ю. Шапорин и другие. Большой стол полон сидящих, а за ними сплошной стеной стоят те, что помоложе. В самый разгар вошел

К. Данькевич. Возгласы: «Данькевич приехал из Киева!» Шапорин говорит Игорю Федоровичу о тех его вещах, которые проходятся студентами консерватории, и передает список этих произведений. Игорь Федорович благодарит и прячет в карман.

Т. Н. Хренников обращается к Игорю Федоровичу: «Данькевич хочет получить подтверждение, что Вы приедете в Киев и дадите там концерт». Игорь Федорович с готовностью подтверждает. Он действительно очень хотел побывать в Киеве. Потом Шапорин, массивный, серьезный, выражает полущутя протест: «Что это Кавказ совсем завладел Вами, Игорь Федорович, ну-ка, пустите меня». Он переходит и садится рядом с дядей. Клара Арнольдовна начинает фотографировать. Все встают и группируются вокруг Игоря Федоровича. Я стою в стороне и наблюдаю. Группы перестраиваются, все хотят быть снятыми со Стравинским, веселая суета, кричат: «Обнимитесь с Шапориным!» Сняли. «Целуйтесь!» Крепкий поцелуй — готово! Многие эти фотографии потом были напечатаны в журнале «Советская музыка».

Едем домой, дядя приглашает пообедать вместе с ними. Стравинские почти не успели отдохнуть, как пришла машина и мы поехали осматривать город. Троица гостей, Александра Александровна, композитор Карен Суренович Хачатурян, прикомандированный Союзом композиторов сопровождать гостей. Распоряжалась Александра Александровна. Кто-то меня спрашивал: «Зачем Стравинским переводчик?» Но А. А. Афонина была и гидом, и распорядителем всего, что потребуется, и, конечно, идеальным переводчиком для Крафта. Она обдумывала накануне со Стравинскими меню завтрашнего дня и заказывала в ресторане гостиницы завтраки, обеды и ужины, она подписывала счета, заказывала машины, сговаривалась заранее о пропуске их всюду, где обычно нет проезда (в Кремле, в парке Архангельского). Она обеспечивала места в театре, она знала город, как свои пять пальцев, марки вин, сорта сыров, ассорти-

И. Ф. Стравинский и Т. Н. Хренников

мент и качество блюд. Была осведомлена в музыке, живописи, видела все новейшие театральные постановки. Эта молодая женщина с правильными, приятными чертами лица к тому же очень хорошо умела себя держать.

Долго ездили по городу. Александра Александровна и Карен старались показать гостям и исторические места старой Москвы, и новые, современные. Проезжая мимо интересных зданий и памятников, Игорь Федорович всегда расспрашивал о них. На площади Маяковского, около памятника, он спросил:

— А это кто?

— Маяковский.

— А я его не узнал, ведь я с ним был знаком и очень люблю его творчество.

Объехали вокруг университета. Игоря Федоровича все приводило в восторг и потрясало.

— Это теперь такие стали Воробьевы горы! А где то место, откуда Наполеон смотрел на Москву?

Подъехав к тому месту, мы вышли из машины и прошли на видовую террасу, где долго смотрели на панораму Москвы. Шофер что-то рассказывал, и Игорь Федорович с интересом слушал, расспрашивал. Оказывается, он совсем не знал Москвы, в молодости только проезжал через нее и не помнил города. Зато Вера Артуровна росла под Москвой, а затем жила в самом городе и все хотела найти места юности (где-то тут кондитерская Филиппова была, где продавали расстегаи...). Она помнила старые названия улиц, площадей и кое-что узнавала.

С обзорной площадки Ленинских гор вид действительно изумительный. Почти весь город с пиками высотных домов, массивами новостроек, с плотными кварталами старого города вокруг Кремля с его соборами и Иваном Великим, с панорамой Лужников на переднем плане,— все это расстилалось перед глазами. Под самой видовой площадкой, на склоне зеленого холма, мальчишки гоняли мяч. И тут же слева на излучине реки приютился, как островок древней Москвы, Новодевичий монастырь с колокольней, куполами, соборами, церквушками, окруженными крепостными стенами. Невольно Игоря Федоровича потянуло туда, и ему захотелось проехать к монастырю.

Наша машина осталась у ворот. Далеко ходить дядя не мог. Мы побродили близ входа, зашли в действующую церковь, которая оказалась малопримечательной: с убранством и иконами XIX века. Игорь Федорович побродил в притворе, останавливаясь и разглядывая иконы. Прошлись по старинному кладбищу, которое окружает церковь, разглядывая памятники ближайших могил. Есть среди них примечательные надгробия начала прошлого века и имена на них, много говорящие русскому человеку. Игорь Федорович очень восторгался небольшой часовенкой, увенчанной куполом-шлемом, ярко горевшим в лучах заходящего солнца. (Часовня, кстати,

не старинная, начала нашего века, в духе В. Покровского.) Пойти в замечательный Смоленский собор-музей просто уже не было ни сил, ни времени. Когда мы бродили по кладбищу, разговор почему-то зашел о «Похождениях повесы». «Повесы или мота? Как правильнее?» — спросили мы.

— В русском языке нет такого точного термина, — сказал дядя, — в английском у Хогарта «The Rake's Progress» звучит очень точно.

Возвращаясь уже в темноте, проезжали мимо освещенного огнями открытого плавательного бассейна.

Накануне Мария Вениаминовна Юдина очень уговаривала Игоря Федоровича (вернее, уговаривать его и не нужно было, он и сам хотел) поехать в Загорск, в Троице-Сергиеву Лавру и в музей Рублева — Андроников монастырь. Она даже договорилась с крупнейшим ученым-историком, знатоком русской старины, автором многих книг по архитектуре и искусству профессором М. В. Алпатовым, что он покажет Игорю Федоровичу 23 сентября музей Рублева. Но все, кто планировал посещения и поездки Игоря Федоровича в Москве, отговаривали его от этого: устанет, далеко, не нужно. Они предпочитали, видимо, чтобы он смотрел больше новое, а не старое. А жаль! Когда, года за три до этого, я впервые попала в Загорск, то была совершенно потрясена увиденным. Это подлинно русская, настоящая, изумительная по красоте старина, но не в печальном упадке, а тончайшим и бережным образом восстановленная. Словом, поездка в эти места так и не состоялась.

26 сентября должен был быть первый концерт, и я, конечно, волновалась, как достать нам с подружкой билеты. Т. Н. Хренников обещал распорядиться.

23 сентября, воскресенье. В этот день я в «Националь» не поехала, поскольку накануне о завтрашнем дне не было договорено. Может быть, мое присутствие дяде совсем не нужно. Я не хотела быть навязчивой.

В воскресенье, в середине дня, мы с подругой поехали в Андроников монастырь — музей Рублева. Оказывается, там с утра сотрудники и профессор М. В. Алпатов ждали Стравинских.

24 сентября. С утра позвонила в «Националь» Карену Хачатуряну — узнать про билеты на концерт в Большой зал консерватории. Он сказал, что билеты оставлены в кассе консерватории и что меня ждут. Утром Игорь Федорович на репетиции, а в два часа мы поедem в Кремль.

Несмотря на то, что билеты были оставлены, на их получение мне пришлось затратить довольно много времени. Рискуя опоздать, я схватила такси и попала в «Националь» к концу обеда. Когда я поздоровалась с дядей, он прежде всего спросил:

— Почему тебя вчера не было?

— Да просто боялась тебе надоест.

— Не смей так говорить, я хочу, чтобы ты приходила каждый день, ты ведь сейчас свободна.

А Александра Александровна и Карен меня просто огорчили:

— Почему Вас вчера не было? Мы ходили слушать «Бориса Годунова» в Большой театр. Пел Джером Хайнс, на Вас было оставлено кресло.

Договорились на дальнейшее, что меня всюду включают и обещали информировать заранее.

Стравинским «Борис Годунов» понравился. Постановка чудесная, польская сцена особенно хороша тонкостью европейского вкуса, элегантностью. Правда, Игорь Федорович посетовал, что опера по-прежнему исполняется в редакции Римского-Корсакова.

На рояле в гостиной стоял букет дивных роз. Вера Артуровна сообщила, что вчера у нее был двоюродный брат, профессор, с которым она не встречалась чуть не с юности. Но она не сказала мне тогда (об этом я узнала много позже), что брат сообщил ей о смерти в войну ее

матери, о которой она ничего не знала примерно 30 лет.

После обеда мы отправились в Кремль. В Кремль на машине, как известно, не проехать, но здесь все уж было договорено заранее. В автомобиле проехали по Кремлевской площади, вышли, посмотрели снаружи соборы и пошли в Оружейную палату. Там мы провели добрых два часа. Игорь Федорович с огромным восхищением и вниманием осматривал экспонаты. Экскурсовод отчеканивала, как положено, количество жемчужин на митрополичьем облачении, килограммы серебра и золота, хронологические даты и исторические имена. Вера Артуровна и Крафт уклонялись от этой энциклопедической статистики, заходили вперед или отставали, а Игоря Федоровича с трудом «оттаскивали» от поразивших его чудес:

— Ты только посмотри, какой изумительный переплет у этой библии! А ведь этим венцом венчали Пушкина, ты подумай!

Он с таким вкусом и смаком впитывал в себя все эти дивные дива, что все время, отведенное на Кремль, было исчерпано. На осмотр интерьеров соборов времени не хватило. Надо было торопиться в Малый театр.

В Оружейной палате Игоря Федоровича опять атаквали фотографы. Они появлялись из-за витрин-горок и витрин-пирамид, перебегали, садились на корточки. Администраторы их гоняли: «Здесь не разрешается фотографировать». «Да нас интересуют совсем не Ваши экспонаты», — и продолжали свою охоту за кадрами. Где теперь эти кадры? Нигде в печати я их так и не видела.

Вечером — Малый театр. «Маскарад» М. Ю. Лермонтова. У входа нас встретил директор, пригласил к себе в кабинет, мы у него разделись, и нас провели во второй ряд партера. Александра Александровна села рядом с Бобом (так все звали Крафта), потом Вера Артуровна, Игорь Федорович и я. Александра Александровна проявила в течение всего спектакля высший класс перевода

и буквально синхронно переводила весь текст. И какой текст! Это обстоятельство произвело на Роберта, по-моему, наибольшее впечатление. Дяде спектакль очень и очень нравился. После его окончания он сказал, что это «настоящий шедевр». Спектакль этот — замечательное творение театра, — «Малого» по названию, но большого по совершенству. Для нас, русских — Игоря Федоровича, Веры Артуровны и меня — Лермонтов это то, что впитано с детства и осталось на всю жизнь, а вот у американца Крафта сама драма вызвала какое-то недоумение.

Изумительна баронесса Штраль — Э. Быстрицкая, красивая до неправдоподобности. Арбенин — М. Царев. В антракте Игоря Федоровича и всех нас директор пригласил к себе в кабинет. Там были постановщик спектакля режиссер Евгений Рубенович Симонов, художник и еще кто-то. (К сожалению, бывая эти три недели с Игорем Федоровичем и видя его окруженным разными деятелями, я не знала многих из них.) В кабинете предлагали чай, фрукты, которыми, впрочем, никто и не воспользовался.

В следующем антракте мы не выходили, я разговаривала с Игорем Федоровичем, с которым сидела рядом. Зашел разговор о кино, о «Балладе о солдате» режиссера Чухрая, которая только что у нас прошла на экранах и произвела на всех большое впечатление. Игорю Федоровичу и Вере Артуровне этот фильм, виденный ими в Америке, не понравился: «растянуто, сентиментально». Я с жаром отстаивала «Балладу», говорила о переданных в фильме огромных трудностях и тягчайших переживаниях, которые все мы испытывали во время войны, даже вдали от фронта.

— Я преклоняюсь перед тем, что вам пришлось пережить, — сказал Игорь Федорович, — но фильм не удался, мы даже ушли, не досмотрев до конца. Вот японский фильм «Голый остров» — это большое творение. Там все однообразно — и сюжет, и музыка, но там нет ни одного лишнего кадра.

25 сентября. Каждое утро Игорь Федорович ездил на репетиции в консерваторию. Первую программу («Ода», «Весна священная», «Орфей») — два концерта — исполнил Государственный симфонический оркестр СССР. Оркестр ему нравился, многие музыканты — великолепны. Оркестранты очень сердечно и с энтузиазмом отнеслись к прославленному соотечественнику.

Днем Игорь Федорович с Верой Артуровной и Крафтом были с официальным визитом у министра культуры СССР Е. А. Фурцевой.

После визита они посетили Мавзолей В. И. Ленина.

Рассказывая мне на другой день о посещении Мавзолея и заметив мой живейший интерес к этому рассказу, дядя добавил:

— Ты знаешь, я очень уважаю Ленина. Это был великий человек!

Слова эти были произнесены Игорем Федоровичем с большой живостью и непосредственностью. В тоне его голоса чувствовалась неподдельная искренность.

Вечером — три балета Стравинского во Дворце съездов. Предыстория этого спектакля такова. В мае 1961 года Ленинградский Малый театр оперы и балета поставил «Петрушку», а в марте 1962 года — «Жар-птицу» и «Орфея». Все три балета исполнялись вместе. Декорации «Петрушки» были возобновлены по А. Бенуа. Декорации «Жар-птицы» выполнил А. Соломко, частично по А. Головину. Костюмы — Т. Бруни. Хореография на основе фокинской. Хореография «Орфея» в постановке К. Боярского, художники — Э. Лещинский и В. Купер. Дирижировал С. А. Прохоров, за год до этого приглашенный из Таллина. Дирижер серьезный, очень эрудированный, он много и добросовестно готовил с оркестром эти три балета. К концу сезона Прохоров ушел из театра, вместо него был приглашен известный болгарский дирижер А. Я. Найденов. Первоклассный дирижер и обаятельный человек, он сразу завоевал симпатии.

Сентябрь театр предполагал мирно трудиться в своем Ленинграде, как вдруг все неожиданно изменилось.

Новосибирский театр, который должен был гастролировать в сентябре в Москве, не смог приехать. На гастроли в Москву срочно выехал Ленинградский Малый театр оперы и балета. Возник вопрос: кто же будет дирижировать тремя балетами Стравинского? Оставались считанные дни. Естественно, предложили Найденову. Он много раз исполнял Стравинского. Но в этот раз наотрез отказался взять на себя «чужой спектакль» и с семи репетиций подготовить балеты в своей интерпретации, чтобы показать их в Москве, во Дворце съездов, да еще перед маститым автором... Найденов понимал, что справиться с этим «на высоте» он не успеет, а сделать кое-как — не хотел. Спектакль поручили другому дирижеру. 25 сентября я заехала перед спектаклем в «Националь». Игорь Федорович и Вера Артуровна рассказывали с увлечением о Е. А. Фурцевой. Она приняла их у себя в рабочем кабинете. Они и раньше были наслышаны о ней как о женщине умной и обаятельной. Встреча подтвердила это мнение. Дядя сказал: «О, это действительно *femme d'esprit*»¹.

Накануне мне звонила из Ленинграда М. В. Юдина, работавшая там над оформлением выставки к приезду Стравинского, и просила: «Бога ради, устройте так, чтобы Игорь Федорович не попал на первый балет — „Орфей“». Она еще не слышала нового дирижера, но даже у Прохорова «Орфей», это послевоенное сочинение, никогда еще у нас не исполнявшееся, ей не нравился. Переговорив об этом с Верой Артуровной и Александрой Александровной, мы вошли с ними в «сговор»: Игорь Федорович будет днем отдыхать, и его разбудят так, чтобы он опоздал на «Орфея». В соответствии с этим я приехала в «Националь» и чуть было не опоздала сама. Оказывается, Игорь Федорович уже проснулся и спешил к началу. Немного мы все же опоздали, балет уже начался. Подъехали к служебному подъезду, нас провели в директорскую ложу. Ложа! Это часть бал-

¹ Большая умница (*франц.*).

кона, человек на 30, много выше сцены. Артисты оттуда кажутся крохотными, биноклей не было. В темноте сели — Вера Артуровна, потом Игорь Федорович, затем я. Весь спектакль я сидела рядом с дядей и видела его голову в профиль на фоне сцены.

После занавеса мой первый вопрос со страхом:

— Ну, как «Орфей»?

— Не важно, но я понимаю, эту музыку у вас совсем не знают.

Ну слава богу и на том!

В фойе при ложе — небольшой зал, он был полон известными композиторами, дирижерами, музыкантами, музыковедами. Все сгруппировались вокруг Игоря Федоровича, у всех приподнятое оживленное настроение. Стравинский бесконечно прост, обаятелен, весел, что-то рассказывает, отвечает на вопросы. Царит атмосфера большого радостного события.

Звонок ко второму балету. «Петрушка». Только сели, десятки рук с программами потянулись снизу за автографами. Тянулись к окружающим, ко мне: «Пожалуйста, дайте подписать». Игорь Федорович с испуганным видом начал отклоняться назад, но не прошло и двух-трех минут, как весь зал, увидя его, встал и устроил ему овацию. Он кланялся публике. Когда свет погас, голос через микрофон со сцены объявил, что в зале присутствует автор исполняемых сегодня балетов композитор Игорь Федорович Стравинский. Вновь вспыхнули аплодисменты, снова все встали.

Но вот занавес поднялся, начался «Петрушка». То, что было хорошо на небольшой сцене ленинградского театра, в огромном пространстве планшета сцены Дворца съездов выглядело жалко. Где-то в его глубине двигалась, танцевала кучка людей. Это была совсем не народная толпа, а маленькая горсточка. Люди казались крохотными, лиц, мимики без бинокля почти не было видно. Достойно сожаления было также то, что в восстановленном балете массовые сцены на площади в общем не координировались с фокинской режиссурой и носили

даже какой-то случайный характер. После конца «Петрушки» я опять спросила: «Ну как?» Лицо у дяди было мрачное, расстроенное.

— Как им не стыдно. Почему они не могли разучить эту вещь? Я понимаю, «Орфей» — новый балет, но этот идет уже 50 лет! Это всем известная вещь! (Из скромности он не сказал «классическая»).

Я ему заранее в двух словах рассказала о сложившейся в театре ситуации, но то, что он услышал в оркестре, его глубоко расстроило.

Второй антракт прошел так же шумно, оживленно, и не все заметили непосредственную реакцию Игоря Федоровича после «Петрушки». В зал вошли в темноте. Началась «Жар-птица». Декорации выглядели мелко. В апофеозе, вместо сказочного города на фоне солнца — «самолетные сходни», по которым спускаются Иван-царевич и царевна. Чудесная балерина Л. Сафронова, как крохотная стрекоза, порхала по сцене. Впрочем, я больше смотрела на дядин профиль, проектировавшийся на светлом квадрате сцены. Лицо мрачнело, брови насупились... Не отзвучали еще последние ноты в оркестре, как он уже привстал и сказал:

— Пусти меня, скорее, скорее... идем!

Я пропустила его и бросилась за ним. Быстро, с палочкой он прошел к выходу. Я успела на ходу надеть на него пальто, и он вышел к машине. Сопровождающие едва догнали его, и все сразу уехали.

26 сентября. На другой день перед генеральной репетицией я зашла в «Националь». Дядя был серьезен и печален. Ласково, как всегда, поздоровавшись со мной, он сказал:

— Ты не представляешь себе, какой я вчера был несчастный!

— Дядя, по ведь Сафронова — прекрасная Жар-птица, декорации «Петрушки» — Бенуа, великолепная хореография — Фокин!

— Там Бенуа весь испорчен, а музыка, темпы не те, все ничего общего!

Не стоило углублять этот разговор. Ему нужно быть у нас счастливым. Эта история не получила резонанса. Все, кто видел и знал, — молчали. Дядя же прекрасно понимал, что его принимают в Советском Союзе как почетного гостя, а в гостях неприлично ругать, если что-то не нравится.

Жаль только, что после спектакля Игоря Федоровича зря ждали за кулисами участники балета. Пойти поблагодарить их было бы совершенно естественно; так было в других театрах, которые он посещал, — московских Малом и Большом, в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Но уж так кривить душой он не смог.

Позже мне рассказывал знакомый музыкант, что на другой день кто-то сказал оркестрантам, что Стравинский остался доволен спектаклем. Я спросила: «Поверили ли ему музыканты?»

— Мы просто решили, что Игорь Стравинский сказал это из вежливости, так как сами чувствовали, что музыка звучит плохо.

Уже в Ленинграде мне звонил кто-то из балета и спрашивал: «Почему Стравинский после спектакля не пришел на сцену? Его так ждали!» Мне пришлось ответить уклончиво.

Генеральная репетиция того же концерта прошла прекрасно. Еще 22 сентября на приеме в Доме композиторов Т. Н. Хренников спросил Игоря Федоровича, не возражает ли он, если на генеральных репетициях будет публика: надо дать возможность музыкальной молодежи, консерваторцам послушать его. Игорь Федорович сразу же с большой охотой дал положительный ответ. Народу, поэтому, было полно. Е. Д. Ростовцева, сотрудница Дома композиторов, сказала мне, что увидеть и услышать Стравинского приехали композиторы из других республик, из Средней Азии, из Сибири. Встретила я там и многих ленинградцев.

Вечером первый концерт. Я сидела в партере и в директорскую ложу заходила в антракте. Начался концерт «Одой», дирижировал Стравинский. Восторженно, горячо приняла публика появившегося на эстраде старого русского композитора. Конечно, для многих это была только сенсация, но для большинства — музыкантов, или как-то причастных к музыке, или любящих музыку — приезд Стравинского был большим событием.

На концерте были Е. А. Фурцева, Д. Д. Шостакович, Л. И. Прокофьева, Ираклий Андроников и многие видные музыканты, представители искусства, деятели культуры, дипломаты — словом, «концерт-гала».

В первом отделении «Одой» дирижировал Стравинский, «Весной священной» — Крафт. Публика принимала очень хорошо. Во втором отделении Стравинский дирижировал «Орфеем» и на бис исполнил «Эй, ухнем». Успех был огромный, многократные вызовы, все вставали, устраивая ему овацию. Игорь Федорович выходил на сцену, опираясь на палку. После исполнения низко кланялся на аплодисменты, улыбался и, уходя со сцены, пожимал руки музыкантам. После этого первого концерта он обратился к публике со словами:

— Вы не можете себе поверить, как я сегодня счастлив! Это не были светские слова. Он действительно в этот вечер был по-настоящему счастлив. Долго еще не смолкали аплодисменты, пока он в последний раз не вышел на вызовы в пальто. Так это бывало и после других концертов.

27 сентября. Поездка в Архангельское. Когда мы выезжали из Москвы, Игорь Федорович всем интересовался и восхищался. Одобрительные комментарии вызывали новые многоэтажные жилые массивы на окраинах:

— Какие чудесные дома!

Про домики московских пригородов, эти незамысловатые деревянные домишки с резными наличниками и карнизамы, он радостно говорил:

— Это русские избы, какая прелесть!

Тут же Игорь Федорович рассказал, что у него была в Париже в его библиотеке интересная литература о деревянном русском зодчестве и резьбе. Все это пропало в Париже, когда он спешно покидал Францию в 1939 году, уезжая в США. (Позже, после розысков у букинистов, я послала ему несколько книг о русском деревянном зодчестве.)

Вопрос о потере библиотеки вызвал у него воспоминания о том тяжелом времени конца 1938 — начала 1939 годов, когда одна за другой его настигала смерть близких: тридцатилетней дочери, жены, матери, когда сам он перенес тяжелый рецидив туберкулеза.

— Я был в ужасном состоянии от этих потерь, началась война, я должен был уехать. Я не мог остаться ¹.

Через ворота Архангельского парка мы проехали по его аллеям, под въездной аркой парадного двора и остановились у дворца. Нас встретил директор Архангельского и повел по залам, которые Игорь Федорович внимательно и с интересом осматривал — полотна Гюбера Робера в четырех угловых комнатах, великолепный круглый зал в центре дворца и другие покои. К сожалению, посещение Архангельского на этом и закончилось. Дворец прекрасен! И его ампирные интерьеры, и весь его благородный внешний ансамбль, но нельзя было ограничиваться только дворцом. Нужно было выйти на его южную сторону, поглядеть на главную достопримечательность Архангельского — на его прекрасные зеленые партеры, окаймленные высокими деревьями, ступенями спускающиеся к Москве-реке, террасы с мраморными баллюстрадами, скульптурой и гротами. А кругом Архангельского парка — уголок чарующей среднерусской подмосковной природы, да еще облаченной в яркий осенний парад. Но и на этот раз что-то прекрасное не было досмотрено. Опять надо было торопиться.

¹ В 1939 году Стравинский принял приглашение Гарвардского университета в Бостоне прочесть цикл лекций, опубликованных позднее под названием «Музыкальная поэтика».

На ступенях парадного фасада Стравинского уже атаковали фото- и радиокорреспонденты. Он говорил в микрофон о своих впечатлениях. Вера Артуровна пошла к машине, где ее окружили туристы — африканские негры, с которыми она беседовала на четырех языках. Кончив говорить для радио, Игорь Федорович тоже подошел к машине. Вокруг начал собираться народ, спрашивая, кто это, а узнав, уже начали действовать любители автографов.

Вечером за нами заехали в «Националь» и повезли в Большой театр на «Войну и мир» С. Прокофьева. Мы прошли в центральную (правительственную) ложу. В ней сидело несколько иностранцев. В антракте мы с Игорем Федоровичем вдвоем вышли в аванложу. Пышная гостиная, золоченые барочные завитки, алый плюш... Дядя, оглядевшись, весело обратился ко мне: — Ведь здесь цари сидели! Как ты себя тут чувствуешь?

Затем он с удовольствием начал говорить про знакомство с Прокофьевым, с которым у него были хорошие отношения. О музыке оперы он своего мнения не высказывал, но про спектакль сказал, что такую эпопею нельзя втиснуть в четыре акта, получаются эпизоды, клочки, нет драматургического развития. (Известно, что первоначально опера была написана С. Прокофьевым для постановки в двух спектаклях, но затем сокращена, «ужата» в один.) Только сцена неудавшегося бегства Наташи была оценена Игорем Федоровичем как интересная своим построением и развитием.

Вошел представитель дирекции. Любезно поздоровавшись, он обратился к Игорю Федоровичу со светским вопросом:

— Как Вам у нас нравится?

— Все очень нравится!

— Вам, наверно, так приятно было видеть свои балеты третьего дня во Дворце съездов? (!)

Игорь Федорович сделал немой жест, подняв плечи и разведя руки. Потом попросил:

— Мне хочется пить, нельзя ли попросить принести бокал шампанского?

Сейчас же были поданы шампанское и виноград. Дядя хотел заплатить буфетчице, по ему не разрешили.

— Нет, нет, вы наш гость!

Оставшись вдвоем, мы пили шампанское и вели чудесную беседу. Надо сказать, что мне с ним было очень просто и легко, я в нем чувствовала такого родного человека, и все мои страхи его знаменитости меня больше не тревожили. Он был со мной предельно прост. Встречая или просто проходя мимо меня, поцелует, обнимет или погладит. Наши разговоры были такие свои, семейные.

После третьего акта за гостями пришли и попросили пройти за кулисы для встречи с участниками спектакля. Так как Стравинские уже устали, то решили уйти, не дослушав оперу. Я осталась в ложе без них. После спектакля их снимали для телевидения, и вечером москвичи могли видеть Стравинских на своих экранах.

28 сентября. В первой половине дня дядино «трио» было в музее Скрябина. Перед концертом я заехала в «Националь». Игорь Федорович чувствовал себя неважно: посл днем жирных щей. Во избежание неприятностей он принял опий, а перед самым отъездом выпил виски. Концерт снимали и записывали для фильма «Новости дня». Всюду были расставлены «юпитеры», когда Стравинский начал дирижировать, их сразу зажгли. Прервать музыку он, конечно, не мог, но после исполнения «Оды» выразил протест, так как слепящий глаза свет мешал и ему и всему оркестру.

Первое отделение прошло хорошо. В антракте я сидела в аванложе, где велись оживленные разговоры. Антракт что-то затягивался. Прозвонили все звонки, публика уже сидела на местах, но оркестр не появлялся. В аванложу вошел Т. Н. Хренников и позвонил по телефону: «Кремлевская больница. Стравинскому плохо, вызов

врача». Я поспешила в дирижерскую комнату. Игорь Федорович во фраке лежал на диване. Тут же находилось человек восемь народу — свои и еще кто-то. Я сказала Крафту:

— Видимо, Вам придется дирижировать всем вторым отделением.

— Вы его плохо знаете, он очень силен духом, он будет сам!

Приехал врач, мы вышли, с волнением ждали, что будет дальше. Минут через пятнадцать Игорь Федорович уже встал у пульта и очень уверенно продирижировал «Орфеем».

Задержка была всего на полчаса, а весь антракт длился около часа. Ему много аплодировали, но «Эй, ухнем» на бис он не исполнял. Все второе отделение один из прибывших врачей сидел в «боевой готовности» у самого входа на эстраду, а другой — в ложе. К счастью, помощь их не понадобилась.

29 сентября. Утром мне позвонила Вера Артуровна и просила, не могу ли я приехать к четырем часам, чтобы посидеть с дядей, так как они с Крафтом хотят пойти в Кукольный театр Образцова, а Игоря Федоровича врачи уложили на день в постель.

Господи, конечно! Я и так собиралась навестить его. Когда я пришла в «Националь», Вера Артуровна рассказала, что со всех концов пришли телеграммы: из Америки, Швейцарии, Италии, Парижа и пр. Дети, друзья — все страшно взволнованы. Уже во всех газетах было сообщение, что у Игоря Стравинского чуть ли не произошел удар. Пришлось все утро отвечать на телеграммы и звонки. (Недаром, когда в 1958 году у дяди был церебральный тромбоз, даже у нас прошел слух о его смерти. Мне тогда звонил В. Н. Римский-Корсаков с вопросом: «Жив ли Игорь?»)

Просидела в «Национале» с четырех до девяти. Вера Артуровна с Робертом и Александрой Александровной

ушли в Кукольный театр Образцова. Я сидела у дяди, и о чем только мы не говорили с ним! Он отвечал на мои вопросы, рассказывал о своих семейных делах и много говорил о своих детях.

Старший сын Федор, очень хороший художник, портретист, график, работал для театра, занимался монументальной росписью. Отец говорил о нем с гордостью, чувствовалось, что Федор для него не только сын, но и друг. В войну Федор как русский был интернирован во Франции немцами. Когда его выпустили, им удалось с женой Дениз перебраться на ее родину в Женеву, где они с тех пор и живут. В 1948 году Федор выпустил книгу, посвященную отцу, «Le Message d'Igor Strawinsky»¹. Об этой книге он говорил с восхищением, как о первой, в полной мере радующей его, хотя тогда о нем было написано уже много книг.

В Женеве живет и Китти, удочеренная Федором его племянница, мать которой Людмила Игоревна умерла, когда девочке был всего год. Отец Китти писатель Юрий Мандельштам погиб во время войны в фашистских застенках.

Второй сын Светик, пианист Святослав Сулима-Стравинский (Сулима — его артистический псевдоним-приставка, взятый от фамилии предков) с женой-француженкой Франсуаз и годовалым сыном Джоном сразу же после войны перебрался в Америку. Святослав преподает в Урбане и продолжает концертную деятельность.

До и после войны Игорь Федорович много выступал с сыном, и Концерт для 2-х фортепиано написан И. Стравинским для совместного его исполнения со Святославом.

Младшую дочь Милену туберкулез продержал долгое время в санаториях Франции. Там же она вышла замуж за Андре Мариона. Они тоже после войны перебрались в Лос-Анджелес, поближе к отцу. Жилось им трудно,

¹ Очерк о Стравинском. Лозанна, 1948.

перепробовали разные заработки, пока Андре не устроился в транспортную контору. Отец, конечно, помог Милене переехать, приобрести дом.

Чувствовалось, как дороги ему дети, сколько нежности, любви и заботы он к ним проявляет.

Дядя попросил кое-что подшить ему: на ффрачных галстуках оторвались пряжки, у ффетровой шляпы — подкладка. Я сидела с этим рукоделием, и мы мирно и уютно болтали. Дядя был доволен моей немудреной работой: «Как ты все это хорошо делаешь», — говорил он.

Вернулась ненадолго Вера, делилась своими впечатлениями от поездки по городу. Поговорили об утренней гимнастике, которой им нет времени заниматься из-за постоянных гастрольных разъездов. Между прочим, несколько раз Игорь Федорович и Вера Артуровна говорили о чьих-то болезнях, смертях, о том, как и что у них лечат. И при всем этом в Игоре Федоровиче чувствовалась какая-то большая внутренняя жизнеутверждающая собранность. О своей престарелости он говорил даже весело, и никакой пессимистической тени не чувствовалось при разговоре на эту тему. Рассказал мне Игорь Федорович о том, как в октябре 1956 года у него случился в Берлине во время концерта приступ церебрального тромбоза — он дирижировал тогда своей симфонией. С трудом, но он провел концерт до конца. На другой день они уехали в Мюнхен, где его положили в больницу для серьезного лечения. Процесс был приостановлен, но нога стала частично чужой.

— Я усилием воли передвигаю свою ногу, и это даже не очень заметно, — сказал Игорь Федорович.

С тех пор за его кровью все время стали следить, каждую неделю делали анализы. Если кровь начинала густеть — лекарства и постель. У нас тоже, после случившегося с ним недомогания, у Игоря Федоровича чуть ли не через день брали кровь на анализ. Сколько у него было лекарств! Целый чемоданчик, полный пузырьков, баночек, коробочек. Он постоянно что-то принимал и капал.

Рассказывал мне Игорь Федорович о своем голливудском доме на Норт Уотерли, 1260. Дом этот небольшой, и очень не хватало гостинной, когда приходило много гостей. Пришлось сделать пристройку. Это отдельный павильон, соединяющийся открытой галереей с домом. Игорь Федорович сам придумал архитектурную идею этого зала и нарисовал мне, как перекрещиваются балки на потолке. Продольная стена, застекленная до пола, выходит прямо в сад. Я расспрашивала дядю про серийную музыку и про недавно написанный «Потоп». Он попросил дать его чемодан для ценностей, где хранились документы, деньги, рукописи, — чемодан с особо сложным замком, открывающимся набором. Игорь Федорович вытащил партитуру «Потопа» и показал, как в начале вклеены фрагменты с нотными сериями, на основе которых написано все произведение. Рассказал еще разные другие технические подробности, которые я не очень поняла и, к сожалению, не запомнила. Поговорили о предках, о которых он хотя и мало знал, но кое-что смог мне рассказать.

Так мы проговорили часа три, до тех пор, пока я не спохватилась.

— Ведь я тебя утомила, полежи один, а я пойду в соседнюю комнату и буду читать.

— Я действительно немного устал, но ты не уходи, возьми книжку, и мы будем оба читать, я хочу, чтобы ты была рядом со мной.

Мы так и просидели до приезда Веры. Вернулась она в восторге от образцовского театра и со смехом рассказывала разные эпизоды спектакля. Ушла я от них в девять часов. Хотя меня давно уже ждали друзья, но в этот приезд мне все прощали.

30 сентября. День именин Веры Артуровны. И накануне, и в этот день я бегала по магазинам, разыскивая, что бы ей подарить. Наконец купила вятскую игрушку, матрешку, куклу в русском костюме. Утром к Игорю

Федоровичу приходила Юдина, чтобы принести ему хорошего меда, для поправки после болезни, и антикварную книгу. Мария Вениаминовна давно мечтала о встрече с любимым композитором. Его приезд был для нее событием, казалось, что уже реальные встречи с ним и разговоры на самые душевные темы. Ведь она исполнитель всех его фортепианных произведений. Сколько скопилось вопросов, сколько нужно высказать ему... И все это почти свелось на нет! Попасть к Игорю Федоровичу было трудно. Репетиции, поездки, приемы, театры. Мария Вениаминовна же была занята организацией выставки в ленинградском Доме композиторов и приезжала в Москву лишь на концерты Игоря Федоровича.

Начатая с ним однажды беседа почти сразу была прервана чьим-то приходом. Юдина, боготворившая Стравинского, каждый раз при встрече с ним пыталась целовать ему руку. Это отнюдь не было, как многие думали, просто «чуждачеством». Мария Вениаминовна, очень передовой человек в области искусства, в формах проявления своих чувств была, так сказать, дочерью своего времени.

Когда я пришла, то застала Игоря Федоровича совсем поправившимся. Он отдыхал после обеда. Мы с Верой Артуровной расположились в гостиной. Несколько раз мы вот так оставались одни и вели очень хорошие беседы. Вера — такая гармонично-красивая, несмотря на свой возраст, спокойная. Казалось, ничто не может вывести ее из себя. Я пользовалась этим безлюдным временем и старалась расспросить ее о многом. Мне хотелось задать ей кучу вопросов, но на первый же она начинала не спеша и очень подробно рассказывать, и часто на другие уже не оставалось времени. Так я однажды спросила: «Правда ли пишут, что Игорь Федорович перешел в католичество?»

— Конечно, нет! Видно, в заблуждение ввело то, что «Месса», «Кантатум Сакрум» и «Трени» — католические сочинения Стравинского с латинским текстом, а также

то, что он встречался и беседовал с представителями католического духовенства¹. Православная церковная служба допускает только лишь вокально-хоровую музыку, без инструментального сопровождения. Стравинский же тяготел в своем творчестве к соединению вокального и инструментального начал. Короче говоря — творческие устремления побороли догматы православия.

Игорь Федорович тоже подтвердил мне однажды, что разговоры о его католицизме — один из многочисленных домыслов прессы.

Вера Артуровна рассказала мне также, что Игоря Федоровича выводит из себя американский закон о налогах. Он перешел в ту высшую категорию заработков, с которой взимают 90% налога. Это его так возмущает, что он об этом может говорить каждый день. Кинозвезды, которые работают как лошади, тоже платят этот огромный налог. Дядя и со мной пару раз касался этой темы. — Я ведь получаю очень большие деньги за издание моей музыки, концерты, и с меня берут за все 90%. Сейчас, когда я состарился и стал болеть, мне оставляют 5% на лечение и берут 85% налога. Вот у вас я за один концерт получаю 1000 долларов или 900 рублей русскими деньгами, что эквивалентно. Юрок, крупнейший американский импресарио, мой большой друг, понимая, что 900 рублей мне в России не истратить, заплатит мне в Америке долларами. Русские рубли ему нужны тут в его приезды в Советский Союз.

Я наивно сказала:

— Раз ты получил эти деньги у нас, то ты можешь не платить налога там, в Америке.

— Но это же незаконно, меня посадят в тюрьму!

Вера Артуровна рассказала мне о себе. В 1918—1919 годах она с бывшим мужем, известным художником С. Судейкиным оказалась в Крыму, в Ялте. В эти годы

¹ «Гантикум Сакрум» исполнялся в соборе Святого Марка в Венеции.

на выставках в Ялте экспонировались работы ее мужа. Мои родители, также находившиеся в это время в Ялте, были знакомы и встречались со многими художниками. На тех же выставках в Ялте была выставлена и мамина живопись. Возможно, что родители и встречались с Верой Артуровной Судейкиной. У меня сохранился каталог второй ялтинской выставки 1919 года, где выставались работы И. Билибина, С. Сорина, Н. Миллиоти, М. Волошина, С. Судейкина, В. Суреньянца, моей матери Е. Стравинской и др.

Рассказывала мне Вера Артуровна много о Милене, младшей своей падчерице, с которой они почти ежедневно встречались в Лос-Анджелесе и с которой у нее были очень хорошие отношения.

Около восьми часов вечера пришли Т. Хренников с женой и дочерью, И. Безродный с женой и Александра Александровна. Принесли кучу подарков, среди них — резной дымковский «мужичок-с-ноготок», вышитая скатерть, дулевские фигурки, жостевский поднос, палехские изделия и еще много премилых вещей. Словом, количество подарков начало расти. Сели ужинать, пили шампанское, вино, было очень уютно, приятно, весело. Клара Арнольдовна Хренникова, прекрасный фотограф, как всегда, много фотографировала, в том числе и дядю со мной — «специально для Ксении Юрьевны!» (эти фотографии я не получила). Сидели долго и разошлись поздно.

1 октября. Стравинские с Крафтом были на приемах. Завтрак в американском посольстве, куда приглашены были также Е. А. Фурцева и Т. Н. Хренников.

Обед — в отдельном зале гостиницы «Метрополь», по приглашению министра культуры Е. А. Фурцевой и Союза композиторов. На обеде были композиторы Д. Шостакович, А. Хачатурян, К. Кара-Караев, дирижер К. Кондрашин и др. Этот прием, по отзывам, был чрезвычайно интересен, и можно только пожалеть, что я там не была.

2 октября. В Москве ко мне несколько раз обращались, как к посреднику, с просьбой помочь. Кто хотел передать что-то Игорю Федоровичу, кто — встретиться или переговорить. Было столько желающих попасть к нему, не только корреспондентов, но и музыкальных деятелей или просто почитателей, что Стравинский попросту не имел бы ни сна, ни отдыха. Согласно просьбе Союза композиторов, коммутатор «Националя» не соединял с номером 115, а дежурная в коридоре туда не пропускала. Меня уже знали, поэтому и пропускали, и соединяли. Кто-то иногда «прорывался». Особенно напорист был один зарубежный журналист с усиками. Он со своим неизменным блокнотом врывается к Стравинскому во время завтрака или отдыха. Я его потом видела в самолете, в Ленинградской филармонии и гостинице. Второго октября мне позвонил звукорежиссер радио К. К. Калиненко, с которым я познакомилась в день встречи Игоря Федоровича, и просил посредничества. Он и его приятель загорелись желанием уговорить Игоря Федоровича оркестровать симфонию Чайковского, написанную вчера и не оркестрованную, которая должна была быть Шестой. В дальнейшем Чайковский раздумал и написанные фрагменты использовал в других произведениях.

Калиненко передал мне увесистый нотный том и фотографию П. И. Чайковского с подлинным его автографом. Эту святыню Калиненко решил преподнести почитаемому им И. Стравинскому. Я, конечно, с удовольствием взялась выполнить это поручение.

Днем Стравинские были приглашены в канадское посольство. Перед концертом дядя рассказывал мне, что у посла много интересных абстрактных картин. После приема они еще ездили на квартиру к одному коллекционеру, у которого небольшое, но великолепное собрание картин и есть прямо уникамы, например Кандинский. Последнего Игорь Федорович очень любил и говорил мне, что в Нью-Йорке в государственном музее имеется большое собрание его картин.

Вечером состоялся третий концерт. Оркестр уже другой — Симфонический оркестр Московской государственной филармонии. Игорь Федорович уже хорошо сработался с первым оркестром, который ему очень нравился, и была неясна произошедшая замена. Позднее он говорил, что первый оркестр был сильнее, но и в этом есть хорошие музыканты. Его опять трогало и радовало их празднично приподнятое настроение и энтузиазм. В программе — Симфония в трех движениях (дирижер Крафт), Каприччио для фортепиано с оркестром (солистка Т. Николаева, дирижер Крафт); «Фейерверк» — дирижирует автор; «Петрушка» (сюита из балета) — дирижирует автор. Концерт прошел с огромным успехом. Т. Николаева поразительно справилась со своей партией: буквально в несколько дней разучила эту технически труднейшую вещь.

В первом отделении, когда дирижировал Крафт, Игорь Федорович сидел в директорской ложе, где неизменно присутствовали Т. Н. Хренников с женой и дочерью, Л. И. Прокофьева, К. Хачатурян и еще многие видные артисты, музыканты. Дядя сидел сзади у стены, чтобы его не было видно из публики. В этой ложе и в фойе при ней — целый маленький мирок, так сказать, «сливки» музыкального и художественного общества. Пришла замечательная актриса, теперь уже в годах, Алиса Коноен, яркая звезда таировского Камерного театра. Кто из моего поколения не восхищался ее Адриенной Лекуврер? Оказывается, Вера Артуровна, тогда еще де Боссе, совсем юная, играла небольшие роли в этом начинавшем свою жизнь Камерном театре. Теперь эти пожилые женщины вспомнили свои молодые 1910-е годы. На первом концерте я познакомилась в этой же ложе консерватории с Линой Ивановной Прокофьевой, первой женой Сергея Сергеевича и матерью его сыновей. Она встречалась со Стравинскими еще во Франции, знала мою бабушку, тетю Катю — первую жену Игоря Федоровича — и принесла показать мне фотографии своего семейства и Стравинских. На третьем концерте она ска-

зала, что со мной хочет встретиться Елена Александровна Спендиарова, дочь композитора, та самая Ляля Спендиарова, с которой мы играли и дружили еще детьми в Ялте. Встреча состоялась, и я получила приглашение к ней на обед на завтра.

Когда после концерта машина, где сидели Стравинские, медленно проезжала через парадный двор консерватории, запруженный расходящейся публикой, сколько людей подходило к машине! Сияющие лица, улыбки, благодарности и просьбы: «Приезжайте к нам еще».

3 октября. В 2 часа дня, как было условлено, зашла в «Националь» с нотами для разговора о «Шестой симфонии» Чайковского. В номере Стравинских не оказалось, они были на парадном завтраке в ресторане гостиницы. Паркер принимал Стравинских и наших маститых музыкантов — Гилельса, Ойстраха, Безродного и других. Условилась с Афонинной, что зайду перед концертом.

На обеде у Спендиаровой я познакомилась с ее родственницей — известным композитором Зарой Левиной. В разговоре со мной она очень сетовала на то, что Игоря Федоровича так оберегали от могущих утомить его встреч, что очень многие композиторы, мечтавшие о знакомстве и общении со Стравинским, так и не смогли пробиться и осуществить это желание.

Пришла в «Националь» около семи. Вера со смехом и тревогой сказала: «Ты знаешь, Игорь так много выпил, что его привели совсем во хмелю. Вот уж два часа, что он спит. Прямо не знаю, как он будет дирижировать!» Как будто наперекор этим словам, Игорь Федорович вышел из спальни уже совершенно бодрый и с ясной головой. Я ему передала материалы о Чайковском и фотографию с автографом, которой он был очень рад. Выслушав все внимательно, он сказал, что посоветуется с Робертом. На другой день Игорь Федорович дал ответ: «Боб не советует, так как эта тема уже была использована Чайковским».

Итак, четвертый, последний концерт в Москве. Та же программа, что и в третьем. Концерт прошел с неизменным успехом. Горячие аплодисменты, многократные вызовы, масса цветов, приветствия. Весь зал встает и, стоя, без конца вызывает Стравинского. Это было фактически прощание москвичей с ним навсегда. . .

Государственный симфонический оркестр СССР преподнес Игорю Федоровичу палехскую шкатулку, оркестр Московской государственной филармонии — электросамовар. Игорь Федорович, оказывается, ничего не знал о знаменитом искусстве Палеха, и я ему подробно рассказала о нем.

В период пребывания Игоря Федоровича в Москве в наших разговорах были затронуты разные темы. После банкета у Е. А. Фурцевой, на котором был и Шостакович, я спросила Игоря Федоровича, как он к нему относится. У дяди сделалось серьезное лицо, и он сказал: — Ты знаешь, у нас с ним сложные отношения.

Я хотела расспросить его подробнее, но кто-то в этот момент вошел и помешал разговору. Сколько раз интересные расспросы и разговоры были таким образом оборваны.

Несколько раз Игорь Федорович возвращался к теме о прессе. Он начал говорить о ней с первых же дней. Всегда с жаром и с возмущением он ругал ее. Говорил, что во всех странах для сенсации или других соображений корреспонденты и журналисты все перевирают.

Мои прежние опасения о характере дяди, когда я ехала его встречать, за две недели постоянных общений с ним в Москве улетучились окончательно. Он, часто и с удовольствием рассказывавший о своих детях, и меня расспрашивал о покойных моих родителях, сестре, о моей семье. Роберт как-то говорил, что, получив от меня фотографию моего отца, одну из его последних, дядя взволнованно сказал Крафту: «Это мой покойный брат». В глазах его блеснули слезы.

Последний день в Москве закончился, на завтра мы все уезжали в Ленинград.

Прибытие П. Ф. Стравинского в Ленинград. Октябрь 1962 г.

4 октября. К десяти часам утра мы с чемоданами были в «Национале» — Александра Александровна, Карен Суменович и я. На Шереметьевский аэродром приехало еще несколько человек из Союза композиторов. Вылет задерживался, и мы поехали с внутреннего на внешний аэровокзал перекусить в ресторане. Настроение у всех было веселое. Перекусив, вернулись обратно и около 12 часов вылетели в Ленинград.

В самолете Игорь Федорович, Вера Артуровна и я сели в салоне вокруг стола. Рядом были Паркер и тот иностранный корреспондент с усиками, который все время появлялся около Игоря Федоровича. Афонина и Роберт сидели несколько в стороне и вели какие-то серьезные философские разговоры. Дядя рассказывал что-то про Петербург, молодость, семью, вспоминал своего брата

Юрия, моего отца и, обратившись к Карену, сказал: «Какой это был образованный и интересный человек — настоящий барин» (!!!). Мы с Кареном прыснули от смеха, не знаю, поняли ли они, почему.

А вот уже и мой Ленинград! Виллюминатор видна группа встречающих, помельше, чем в Москве. Среди них мои близкие. Стравинского встречают композиторы, музыковеды и его друг юности и сверстник — Владимир Николаевич Римский-Корсаков. Встреча была трогательная, и у Владимира Николаевича на глазах были слезы. Игорь Федорович не сразу его узнал, а только после того, как Владимир Николаевич назвал его уменьшительным именем Гима.

Я же бросилась здороваться и целовать своих. Беглый разговор... Муж сказал мне: «Ты все-таки познакомь нас с Игорем Федоровичем, а то, видишь, он уже в машине». Я представила дяде своего мужа, дочь с мужем и племянника — сына покойной сестры Тани — с женой. Машины тронулись, в одной из них мы.

В гостинице «Европейская» мы с мужем зашли посмотреть, как устроили Стравинских. Три небольшие комнаты (по контрасту с залом в «Национале») в третьем этаже, на углу улицы Бродского и площади Искусств.

Гостиная, спальная и угловая комната с роялем. Обстановка приятная — модернизированный ампир. Окна комнаты выходят на филармонию, и два дня спустя можно было наблюдать огромную очередь за билетами на концерты Стравинского. Собственно, записались на Стравинского еще год назад и ходили только на переключки, но за день до начала продажи установилась живая очередь, стоявшая с вечера всю ночь. Набрался парод, и мы ушли. Зашли в номер Карена Хачатуряна, где собралось человек пять членов Союза композиторов. Мы попросили при распределении времени Стравинских в Ленинграде учесть их визит к нам.

Итак, я вернулась в свой «брошенный дом». Дочь уезжала в командировку, а муж с зятем оставались со всем

Встреча И. Ф. Стравинского с В. Н. Римским-Корсаковым

хозяйством и с четырехлетним Игорьком, а вечерами, после работы, до глубокой ночи готовили экспонаты для выставки. Два стенда экспозиции были посвящены русскому периоду. Репродуцировались фотографии, отобранные из материалов моего семейного архива. Вечером мы с мужем пришли в Дом композиторов. Группа художников-оформителей работала вовсю. На щитах, которым постарались придать «модерновый» вид, были наклеены фотографии. Писались подзаголовки

В ленинградском аэропорту

и надписи. Рядом в зале шла репетиция Октета и Септета с участием и под руководством М. В. Юдиной. Я предложила одному из художников свою помощь.

— Проверьте тексты под фотографиями.

Проверила на «своих» щитах.

— Дайте тексты для других.

— Но я же не знаю их!

— Тогда, знаете, Вы лучше уходите и не мешайте работать.

Он был прав, и мы ушли.

Вечером Стравинские были в Театре имени Пушкина на спектакле «Живой труп». Они устали, а кроме того, сцена с цыганами навела на них тоску, и они ушли, не досмотрев спектакля.

5 октября. Еще до отъезда в Москву у меня был целый список тех, кто просил и кому необходимо было достать в Ленинграде билеты на концерты Стравинского. Я набралась храбрости и позвонила художественному руководителю филармонии О. С. Саркисову, изложив свою просьбу: 10 билетов на каждый концерт. Пауза...

— Вы знаете, этим заправляет директор Большого зала Краснобородов; без него никто ничего не может сделать. Позвоните ему завтра, я его подготовлю.

Назавтра я с трепетом позвонила Краснобородову. Никаких пауз, самым спокойным голосом:

— Пожалуйста, когда придет Игорь Федорович, я дам ему столько билетов, сколько он захочет.

В этот день состоялась первая репетиция в Ленинграде. Только благодаря любезной помощи дирижера А. Янсона, которого повстречала в филармонии, я получила пропуск на репетицию. Необычно пустой Большой зал. Крафт репетирует «Поцелуй феи». Рядом с дирижерским пультом на стуле сидит Афонина. Она переводит, согласно замечаниям Крафта, номера отрывков для повторения. Игорь Федорович с партитурой в третьем ряду, рядом Геннадий Рождественский и Карен Хачатурян. Я села сзади.

После репетиции мне предстояла серьезная операция — доставание билетов. Они нужны близким родственникам, друзьям, людям, которым я не могу не помочь. В дирижерском фойе я подошла к дяде. Он, как обычно, ласково меня поцеловал.

— О, милая, как хорошо, что ты пришла! (Вернее было бы сказать, пробралась.)

Подошла режиссер телевидения. Игорь Федорович стал объяснять ей, как нужно показывать «Поцелуй феи». Изложил содержание:

— Швейцарские горы, мужики в длинной одежде...

В это время в комнату заглянул директор. Я его не знала в лицо, но милый Карен уже все сказал и ему, и Игорю Федоровичу. Дядя любезнейшим образом обратился к директору:

— Это моя племянница, родная моя племянница, Вы, пожалуйста, устройте ей билеты.

Поцеловав дядю, я пошла с директором какими-то ходами и переходами, пока он меня не привел к Краснородову и передал слова Игоря Федоровича. Краснородов спросил:

— Деньги есть с собой? (А пужно было 80 рублей! Билеты оказались очень дорогими.)

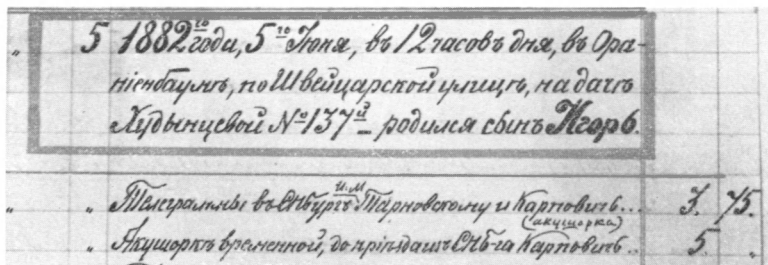
— Да, есть.

— Получите рядом.

Все мои двадцать билетов уже лежали в конверте с фамилией. Видимо, распоряжение было дано еще после моего первого звонка.

После репетиции «трио» Игоря Федоровича возили в Ломоносов, где он родился. Сопровождал директор музея Петродворца. По дороге проехали через Петергоф и прошлись по его парку. В Ломоносове (Ораниенбаум) проехали по главной его улице — проспекту Юного Ленинца, затем мимо Китайского дворца и Каталной горки. Тогда еще не было известно, где стоял дом, в котором родился Игорь Федорович. Попутно хочется рассказать, как это удалось установить.

У меня в семейном архиве сохранились толстые расходно-приходные книги деда — Федора Игнатьевича Стравинского, о которых я писала Игорю Федоровичу в 1965 году. Они долго не привлекали к себе внимания, но когда однажды мне пришлось заглянуть в них, то я уже не могла от них оторваться. Это оказалась семейная летопись за многие годы. Красивым ровным почерком Федор Игнатьевич не просто записывал расходы: тут шли подробные описания поездок, посещения музеев, театров, путешествия за границу со всеми деталями, списки приобретенных книг. . . Были радостные события и печальные. Записи о рождении сыновей обносились красной рамкой. В одной из таких рамок шли слова: 1882-го года, 5-го июня, в 12 часов дня, в Ораниенбауме, по Швейцарской улице, на даче Худынцевой № 137 родился сын Игорь.

Запись о рождении И. Ф. Стравинского

В семейном архиве сохранился также более чем скромный рисуночек, на обратной стороне которого рукой моего отца написано: «Дача в Оранненбауме, на которой мы жили приблизительно в 1883 г. Гектографировано с папиного рисунка. Ю. Стравинский». (Дата указана ошибочно — в 1883 г. Стравинские уезжали на лето в Павловку, имение Елачичей близ Бугульмы.)

Посетив в 1963 году бывшую Швейцарскую улицу, ныне улицу Восстания, я не нашла дома Худынцева. Только в 1973 году, благодаря энергии нового директора Краеведческого музея Александра Николаевича Бурака, а также записям Федора Игнатьевича в расходной книге и его рисунку, Александру Николаевичу удалось все-таки найти точное место, где родился И. Стравинский.

Опросив около тридцати старожил, он узнал, где находились дачи купца Худынцева, которые он сдавал на лето. Одна из старожилок указала точно место, где стоял дом, изображенный на рисунке. На этом участке сейчас находится трансформаторная подстанция, дом № 137 за ветхостью был спесеп в 1935 году. От него сохранился фундамент и ступени входа. Номер 137, под которым раньше значился дом, был общегородским инвентаризационным номером, маленькая улица от силы

имеет 10 домов. Называлась она Швейцарской, так как примыкала к небольшому живописному Швейцарскому парку с прудом.

1 июля 1974 года гостивший у нас с супругой Федор Игоревич, старший сын композитора (живущий в Женеве), посетил Ломоносов, побывал на бывшей Швейцарской улице. Он взял земли у фундамента дачи Худынцева, чтобы положить на могилу отца в Венеции.

Игорь Федорович в возрасте двух лет провел еще одно лето в Ораниенбауме. В расходной книге имеется также запись в красной рамке:

30-го июля 1884 г. в г. Ораниенбауме на даче генерала Свистовского по Лесной улице родился четвертый сын Гурий.

В тот же день, когда Стравинский побывал в Ломоносове, Соловьев-Седой предложил Игорю Федоровичу, после обеда, посетить могилу его отца Федора Игнатьевича в некрополе мастеров искусств. Стравинский под благовидным предлогом отказался. От близких я знала, что Игорь Федорович избегал посещения кладбищ и разговоров о смерти.

Вечером Стравинских и Роберта принимали в Доме композиторов. В соседней комнате Юдина и бригада художников срочно кончали экспозицию выставки, открытие которой назначено было на завтра.

6 октября. Пока Игорь Федорович был на репетиции, я зашла в гостиницу «Европейская» навестить Веру. Она поделилась со мной впечатлениями о поездке накануне в Петродворец и Ломоносов. Сегодня она одна ездила по городу. Вскоре пришли с репетиции Игорь Федорович и с ним Роберт, Паркер, Афонина. Пригласили меня пообедать с ними. За столом велись оживленные разговоры, хотя, увы, превалировал английский язык. Дядя за обедом выпил, это ему, видимо, не вредило. Еще в Москве, когда все куда-то собирались и мы с Верой закурили, дядя сказал:

На банкете в Ленинградском доме композиторов

— А ну-ка, Ксеничка, палей-ка мне тоже закурить. (Он бросил курить, когда болел церебральным тромбозом.) После обеда все собирались ехать в Эрмитаж, но Игорь Федорович немного «перехватил» и сказал, что ляжет поспать. Вера попросила меня проводить Игоря Федоровича в номер. Он крепко опирался на мою руку, в другой — его палочка, походка, как всегда, затруднена из-за ноги. Игорь Федорович прилег на кровать, я накапала ему какие-то капли, и он сразу заснул. Я уселась около него на коврик.

Когда я ждала дядю, то не знала, какой он. Меня очень пугало, что он знаменит. Я не принадлежу к тщеславным людям, которым импонирует общение со знаменитыми людьми. Наоборот, я никогда не стремилась к сближению с ними. Но ведь это был брат моего отца, которого я так любила! И вот дядя сразу «оказался» такой родной, свой, близкий. Уже через несколько дней я чувствовала, будто знаю его очень давно. Лицом Игорь Федорович не был похож на моего отца, но одновременно так неуловимо схож — и манерой говорить, и жестами. У него были совсем папины руки, говорил он таким же тембром, как у нас в семье. Кое-кто, слушая его по радио и телевидению, нашел, что Игорь Федорович говорит с акцентом. Это неверно. Его речь была такая, как говорила русская интеллигенция 50 лет назад. Так говорят старики-эмигранты на Западе. Так говорили мои родители, хотя их дикция постепенно осовременивалась. Словом, голос «родной крови» был так силен, что я все время ощущала радость и большое счастье, как будто обрела кого-то близкого, кого считала потерянным. Весь этот парад, шум и оживление, царившие вокруг Игоря Федоровича и в орбиту которых я была невольно вовлечена на время, — все это для меня был только интересный спектакль, который я смотрела как бы со стороны. В тот день я сидела на коврике, глядела на это спящее, старенькое, милое и бесконечно родное лицо и была счастлива. Ну как я уйду? Зазвонит телефон, придет кто-нибудь, ведь двери не заперты. . . Я уселась в соседней комнате в кресле с книгой, где и просидела часа два. Вера Артуровна, вернувшись, очень удивилась, что я была здесь. Я объяснила и хотела сразу уйти.

— Ах! эти самоотверженные русские женщины! Ну посиди, поговорим, покурим, потом ты пойдешь.

И опять спокойная, неспешная беседа. О Риме, где она любит бродить одна, о самой красивой бухте в мире — Неаполитанской, о Венеции, о том, как живет и работает Милена. . . Мне все это интересно, я с удовольствием слушаю.

Вечером вторая встреча в Доме композиторов: открытие выставки и концерт. Народу собралось очень много, маленький Дом композиторов переполнен.

Сначала Юдина провела гостей по выставке, которая отражала разные периоды жизни и творчества композитора. Русский период — детство, родители, отец в ролях, братья, любимая няня Берта. Первая жена Екатерина, дети. Петербург, Устилуг. Партитуры, ноты, изданные Беляевым, Юргенсоном. Затем французский и американский периоды. Театральные постановки от Дягилева до Баланчина. Фотографии друзей и соратников (Рамюза, Кокто, Элиота), ценимых Стравинским композиторов, среди них Штокгаузен. Игорь Федорович был приятно изумлен широтой и разнообразием материалов выставки. Многие фотографии русского периода он просто забыл. А был это результат колоссального труда, необычайной эрудиции и компетентности М. В. Юдиной. В устройстве выставки ей очень помогли художница А. А. Лепорская, В. М. Богданов-Березовский, профессор П. А. Вульфius, Ю. Я. Вайнкоп, Н. К. Бруни-Бальмонт¹.

На выставке я встретила художника-оформителя. Теперь он уже, конечно, был не в заляпанной красками блузе, а в костюме и галстукe. Мы приветливо поздоровались.

— Да,— сказал он,— Стравинский все-таки хороший композитор, не такой, конечно, как Бородин, но все же ничего.

Потом все пошли в зал слушать концерт. В программе Октет и Септет, музыканты те же, что в январе, только солирующую флейту в Октете исполнял не Д. Беда, а С. Пошехов. В этот вечер директор Дома композиторов, Евгения Дмитриевна Выходцева, Стравинских и Крафта усадила в четвертый ряд, нас — в первый, виртык

¹ При описании выставки, а также в характеристике деятельности Марии Вениаминовны в связи с приездом Игоря Федоровича я, естественно, повторила кое-что, рассказанное мною в статье для сборника, посвященного М. В. Юдиной.

*И. Ф. Стравинский и М. В. Юдина
в Ленинградском доме композиторов*

к эстраде. Когда все заняли свои места, публика устроила Стравинскому овацию; весь зал встал и долго ему аплодировал. Соловьев-Седой провел Игоря Федоровича на эстраду, он низко кланялся и радостно улыбался.

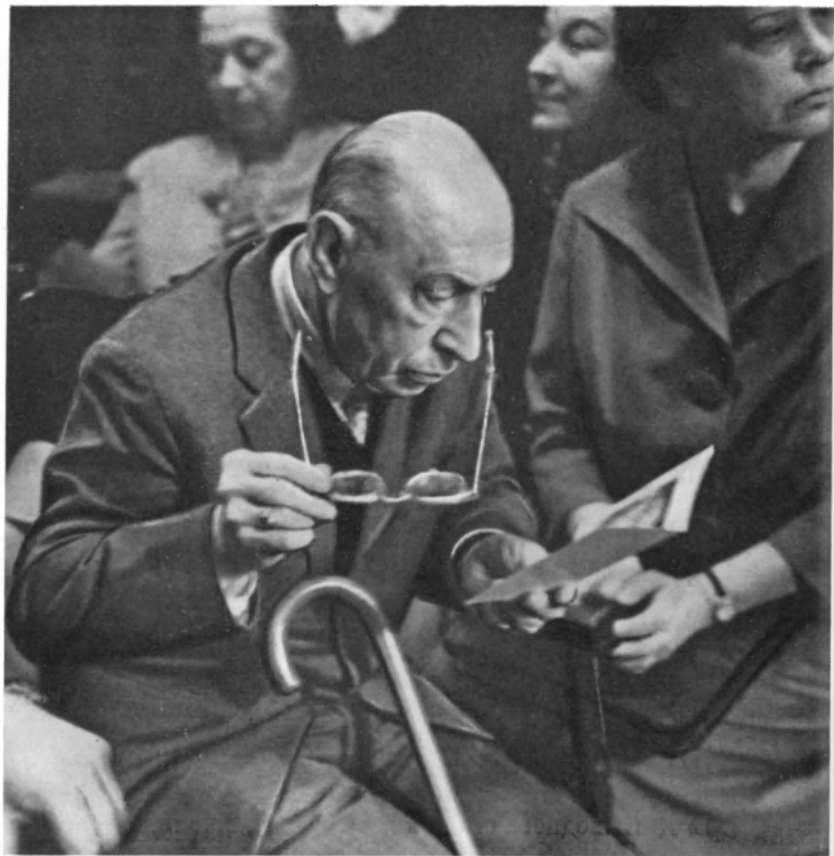
В атмосфере зала чувствовалась праздничность. Горячие аплодисменты, улыбающиеся лица, веселое возбуждение. Для многих была и какая-то неправдоподобность во всем происходящем: соединились образы того, еще молодого, смутьяна 20-х годов, вызывавшего и бурные восторги, и негодующее возмущение, но громко звучавшего с концертных эстрад, и этого реального маститого старого человека. Но старику было очень ра-

достно на душе, и это очень чувствовалось. (Приходит на память маленький, но красноречивый эпизод 20-х годов. Мой отец возвращался со своим добрым знакомым Л. П. Мэем с концерта, где исполнялась «Весна священная». Лев Петрович — скромный служащий, но страстный музыкант-любитель. В его доме собирались друзья, чтобы музицировать. Все деньги и время тратил он на посещение концертов. И этот человек, по-особому изысканно вежливый и даже застенчивый, вдруг изрек брату автора «Весны»: «Юрий Федорович, до сих пор я думал, что люблю музыку, но если это музыка, то я ненавижу ее!!»))

В маленьком зале, полном парада, было душно и места четвертого ряда слишком близкие, поэтому Игорь Федорович, а с ним и все мы пересели назад, где за последним рядом, уже в дверях, поставили стулья. Потом я узнала, что многим не понравилось и даже показалось странным, что Игорь Федорович как бы удалился и не стал сидеть среди публики.

После концерта Мария Вениаминовна подошла к Стравинскому, волнуясь, каков будет отзыв об исполнении. Игорь Федорович ее сначала похвалил, но затем сказал, что темпы были не те. Художник Т. В. Шишмарева, приютившись около внутренней лестницы, делала с Игоря Федоровича наброски. Фотограф тоже не терял времени.

После концерта, когда Стравинские и еще несколько человек перешли в комнату, где была выставка, директор Е. Д. Выходцева стала в дверях и больше никого не пускала. Игорь Федорович пробыл там с полчаса, беседуя с разными лицами, затем «трио» уехало. Многие, хотевшие встретиться и поговорить со Стравинским, не смогли проникнуть в эту комнату. Позднее мне говорили, что они были недовольны этим «отчуждением» Стравинского и решили, что инициатива исходила от него. А сам Игорь Федорович даже не подозревал, что его «оградили»! Только у входа на крыльце мне удалось наконец подойти к дяде и сказать об Эрмитаже и Кандинском,

*И. Ф. Стравинский
в Ленинградском доме композиторов*

которого он очень хотел посмотреть. В Ленинграде сохранились его полотна русского, вернее, польского периода: 15 холстов в запасниках Русского музея, 2 — в эрмитажных. В Доме композиторов я познакомилась с научным сотрудником Эрмитажа А. Н. Изоргиной, которая любезно предложила организовать осмотр Игорем Федоровичем эрмитажных полотен Кандицкого. Об этом я и сообщила дяде. Но на это опять не хватило времени. После отъезда Стравинских мы пошли с мужем в Эрмитаж, где сотрудник С. И. Великанова показала нам эти полотна. Одно из них огромное, и его спустили специально для Игоря Федоровича с четвертого этажа на второй, но, увы, — напрасно.

7 октября. Утром Стравинские слушали в Доме композиторов записи произведений Г. Свиридова, В. Салманова, Г. Уствольской, Э. Мирзояна. Для нас же это был памятный день — визит дяди с Верой и Робертом к нам в гости. Должны были быть только родственники: мы с мужем, дочь с мужем, племянник Рома с женой. Накануне Александра Александровна сказала, что они с Кареном не придут, чтобы были только свои. Роберт, по словам Афониной, и тот сомневался, приходить ли ему. Можно себе представить, что у нас только творилось дома в этот день! В комнатах, где жила наша семья, что-то переставлялось, выносилось, что-то доставалось из глубин буфета и сундука. На кухне было не меньше дел — еда должна быть сугубо домашняя. Ведь наш дом был единственный в России частный дом, который посетили Стравинские. Итак — пирожки с капустой, пирог с яблоками, домашнее варенье и, конечно, вино, водка и всякие закуски.

Все должно было радовать Игоря Федоровича, должно было предстать перед ним наилучшим образом. Сохранились кое-какие вещи — бронза, книжные шкафы, фарфор, портреты и др., — которые принадлежали его родителям и которые ему, без сомнения, приятно будет

увидеть как напоминание о детских и юношеских годах. Все лишнее убиралось. На столе в импровизированной гостиной было положено кое-что из материалов семейных архивов.

Словом, когда дым стоял коромыслом и последний лоск еще не был наведен, позвонила Вера: «Мы уже отдохнули и приедем немного раньше, нас ждут на „Лоэнгрина“ в Мариинском театре». Мой муж и племянник должны были заехать за ними в гостиницу и — о радость! — немножко задержали их, предложив сначала посмотреть Никольский собор. Этот шедевр XVIII века, созданный архитектором Чевакинским в пышном елизаветинском барокко, вызвал у Игоря Федоровича радостную реакцию. Затем они вошли внутрь собора. Дядя опустился на колени и отвесил земной поклон. Вера поставила свечку. Описав затем в машине небольшой круг по близлежащим улицам, они подъехали к дому № 6 по Крюкову каналу.

Дома я познакомила гостей с моим четырехлетним внуком Игорем. Дядя ласково поздоровался с праплемянником, как он его потом называл, и мы отвели Игорька к соседям, чтобы он не мешал нам. Приехав, Вера Артуровна сказала: «Только на полтора часа». Просидели они у нас четыре! Все было так просто, непосредственно, по-родственному, что время шло незаметно. Смотрели семейные фотографии, гимназические документы Игоря Федоровича, программы концертов, газетные и журнальные статьи, письма и др. Дядя отобрал фотографии, которых у него не было, и я потом отослала ему репродукции.

За столом велся веселый разговор, я же была полна хозяйских хлопот, радостно возбуждена и не вникала в него. Помню только, что Стравинские рассказывали о визите к президенту Кеннеди полгода тому назад. Игорь Федорович называл его и его жену — прелестными

Мурз Александровичу
1870 и далее
Иван Федоровича
1870 года 110 72
Копировать с него
по возможности, с
и др.
Иван Александрович
1870 года

1959
1962

молодыми людьми, говорил, что у них было очень весело и что он много выпил там. Вера вспоминала, как Милена срочно, самолетом, выслала из Голливуда в Вашингтон белое парадное платье. Пили за здоровье моей дочери Елены, которой как раз в этот день исполнилось тридцать лет. Было еще много и других тостов.

В этот вечер Мария Вениаминовна Юдина, уехавшая накануне вечером в Москву, исполняла в Колонном зале Концерт для фортепиано, контрабасов и духовых Стравинского. Мы слушали его по радио. Через полтора часа, как было условлено, за гостями пришла машина. Я спустилась вниз и пригласила Афонину присоединиться к нам. Так как оживленные разговоры, происходившие до ее приезда, велись по-русски, а говорившая по-английски молодежь тоже участвовала в этом общем разговоре, лишь иногда перебрасываясь отдельными фразами с Крафтом, то он немного скучал. С появлением Александры Александровны Крафт обрел язык. Они прошли в «гостиную» и занялись там просмотром архивов, которые па Роберта произвели большое впечатление. Он сказал мне:

— У Вас есть такие вещи, которых больше, пожалуй, нигде не пайдешь.

Стоя у окна, Игорь Федорович разглядывал жилой дом и Дворец культуры имени Первой пятилетки, выстроенные на другой стороне Крюкова канала, на месте, где раньше были тюрьма «Литовский замок» и Литовский рынок. Все совсем не то, и вместе с тем это — Крюков канал с знакомой решеткой... Дядя поделился своими мыслями об этом с Ромой. Тот не преминул сказать:

— Вот видите, Игорь Федорович, дом, в котором Вы находитесь, остался цел, несмотря на несколько снарядов, попавших в него, Вас неправильно информировали, что он разрушен во время войны.

— Откуда ты это взял?

*Перед концертом
в Ленинградском доме
композиторов*

— Но Вы пишете в «Диалогах», в «Мемуарах и комментариях», что дом больше не существует.

— Я этого не писал, ты ошибаешься! — воскликнул дядя.

Рома не счел удобным опровергать его.

С моим мужем у дяди почему-то зашел разговор об автомобилях. Муж спросил у него, какой марки его машины, и тот, назвав «Линкольн», как мне даже показалось, чуть смущенно сказал:

— Ты знаешь, Шура, я ведь все-таки очень знаменитый, и мне приходится иметь дорогие машины.

Гости рассчитывали попасть в театр на второе действие «Лоэнгрина». Когда минуло 10 часов, все сообразили, что идет уже, по крайней мере, четвертый акт. Когда я сказала дяде: «Но ведь это же Вагнер, ты успеешь!», он ответил со смехом:

— О да! хоть это и Вагнер, но ведь это Мариинский театр моего детства и нас там давно ждут!

Стоя в передней, я сказала дочери:

— Нужно срочно укладывать спать Игорька.

На это дядя заметил:

— Да, наверно, Игорек у себя, на своей половине.

Видимо, мы достигли желаемого, прием наш удался на славу.

Пока гости садились в машину и шофер ее разворачивал, мы с мужем и Ромой прошли пешком то небольшое расстояние, которое отделяло нас от театра. У директорского входа Стравинских уже давно ждали.

8 октября. Перед концертом мы заехали в «Европейскую». Там узнали, что после утренней репетиции в сценической гостиной филармонии с Игорем Федоровичем встретились молодые ленинградские композиторы и музыканты и у них была интереснейшая беседа. Стравинскому задавали вопросы, и он излагал свои взгляды на серийную музыку, говорил о технике композиции, контрапункте, гармонии, тональности. Полтора часа продол-

жалась эта содержательнейшая беседа, насыщенная высказываниями, чрезвычайно интересными для молодых композиторов.

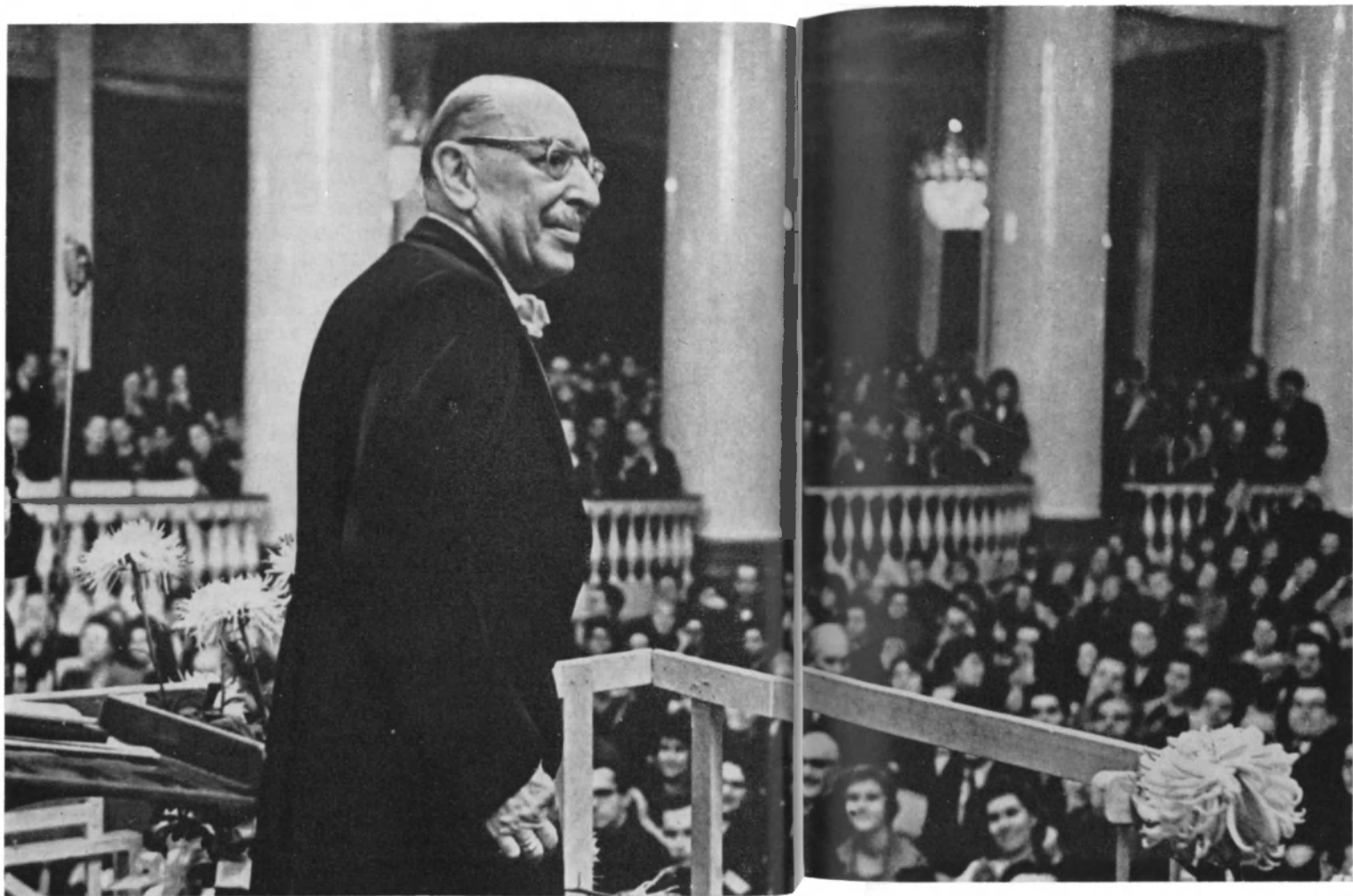
После беседы Стравинские проехали в город Пушкин, который бегло осмотрели.

В гостиницу к Игорю Федоровичу все время приходили различные лица, многие с подношениями. Принесли два небольших холста, деревянную резную птицу, книги, альбомы, письма, фотографии... Количество подарков все росло. Молодой художник-график Г. Израилевич принес свои цветные эстампы на тему «Жар-птицы». Конечно, ему хотелось хотя бы встретиться со Стравинским, но тот еще отдыхал. Мы посмотрели эстампы, они всем понравились, и Вера их сразу спрятала в чемодан. Так и не дождавшись пробуждения композитора, художник ушел.

Еще утром приехали из Харькова два молодых человека. Несколько студентов консерватории, почитателей Стравинского, мечтали попасть на его концерт. Денег у них было мало. Тогда они сообща собрали нужную для поездки в Ленинград на двоих сумму и бросили жребий. И вот двое выигравших счастливец обратились через К. Хачатуряна к Игорю Федоровичу. Лучшего они не могли придумать. Ведь билетов уже давно не было. Игорь Федорович распорядился: «Мальчики пойдут с нами». Словом, «свита» Игоря Федоровича увеличилась на два человека, все прошли через запретный для «простых смертных» директорский вход, а дядя все оборачивался и спрашивал: «А мальчики тут?»

В программе — «Фейерверк» (дирижирует автор), «Поцелуй феи» (дирижирует Крафт), Сюита из балета «Жар-птица» (дирижирует автор).

«Поцелуй феи» и «Жар-птицу» репетировал со вторым оркестром филармонии дирижер Игорь Блажков. К концу лета, когда уже определилась программа, возник вопрос о дирижере. Филармонические дирижеры были в отпуске. М. В. Юдина и Г. Н. Рождественский посоветовали пригласить молодого дирижера Блажкова,

*И. Ф. Стравинский на концертной эстраде
Большого зала Ленинградской филармонии*

*И. Ф. Стравинский с Е. Ю. Стравинской
и А. А. Яковлевым*

в 1959 году окончившего Киевскую консерваторию. Его дипломной работой была «Жар-птица». В декабре 1959 года он стал лауреатом конкурса молодых дирижеров Украины. С 1957 года состоял в постоянной переписке со Стравинским. Широко эрудированный музыкант, верный почитатель Стравинского, Игорь Блажков уже тогда был большим знатоком его творчества. С этого началась связь Блажкова с музыкальным миром Ленинграда. Ряд лет он с успехом выступал перед ленинградцами, привлекая внимание и завоевав признательность публики.

Я давно не видела такой знакомый Большой зал филармонии столь многолюдным, оживленно-приподнятым, нарядным. Приехали и Хренниковы. Я (в первый раз в жизни) сидела в первом ряду директорской ложи со

своим мужем, Хренниковыми и, конечно, Верой Артуровной.

Вышел Богданов-Березовский и в качестве представителя Союза композиторов (как в Москве это делал Хренников) сказал несколько приветственных слов. Когда на сцене появился Игорь Федорович, все встали и устроили ему овацию. После каждого его выступления весь зал, стоя, бурно аплодировал. И опять, как в Москве, на бис исполнялась «Эй, ухнем». (В 1917 году Стравинский переложил для Дягилева широко известную русскую песню для оркестра духовых и ударных. Дягилевский балет выступал тогда в Риме. В начале полагалось исполнять гимн. После Февральской революции и свержения царя срочно оркестрованная «Эй, ухнем» исполнялась вместо «Боже, царя храни».)

Под конец, как в Москве на своем первом концерте, Стравинский сделал знак публике. Когда воцарилась тишина, он сказал:

— Первый раз я был в этом зале с моей матерью 69 лет тому назад. Мы сидели вон там, направо в углу. Это был концерт под управлением Направника, в память Чайковского, через две недели после его смерти. А сегодня я впервые дирижирую на этой сцене. Это для меня большой праздник. (Пересказываю по памяти.)

Слова эти вызвали новый взрыв бурных аплодисментов. Еще и еще выходил старый композитор и, улыбаясь, отвешивал низкие поклоны своим землякам. Все, стоя, без конца вызывали и вызывали его, пока, наконец, он не появился одетым в пальто, тогда только публика его отпустила.

9 октября. Утром Стравинские посетили последнюю квартиру Пушкина, проехали по городу. Затем Вера и Роберт отправились в Эрмитаж, а Игорь Федорович, утомившись, вернулся в гостиницу, где я и застала его одного. Мне предстояла «серьезная миссия»: нужно было получить ряд автографов по особым просьбам разных

лиц. Дядя был, как и все время, в хорошем настроении, спокойный, бодрый.

Начала с милейшего И. Б. Семенова, музыканта и очень известного собирателя (музыка и музыкальный театр), одержимого своей благородной страстью. В его квартире-музее — тысячи ценнейших фотографий, гравюр, портретов, нот, автографов, книг и пр. Иван Борисович приготовил большую фотографию Игоря Федоровича за столом, а также подарок для него: маленький гравированный портрет Достоевского на синем паспарту. Остроумнейший подарок, ведь Игорь Федорович большой почитатель Достоевского, и, кроме того, подарок портативен. Дядя был восхищен и сказал, что повесит портрет над своим столом. Рассказав Игорю Федоровичу об Иване Борисовиче, я не забыла добавить, что у него есть рукопись дядиного «Фантастического скерцо».

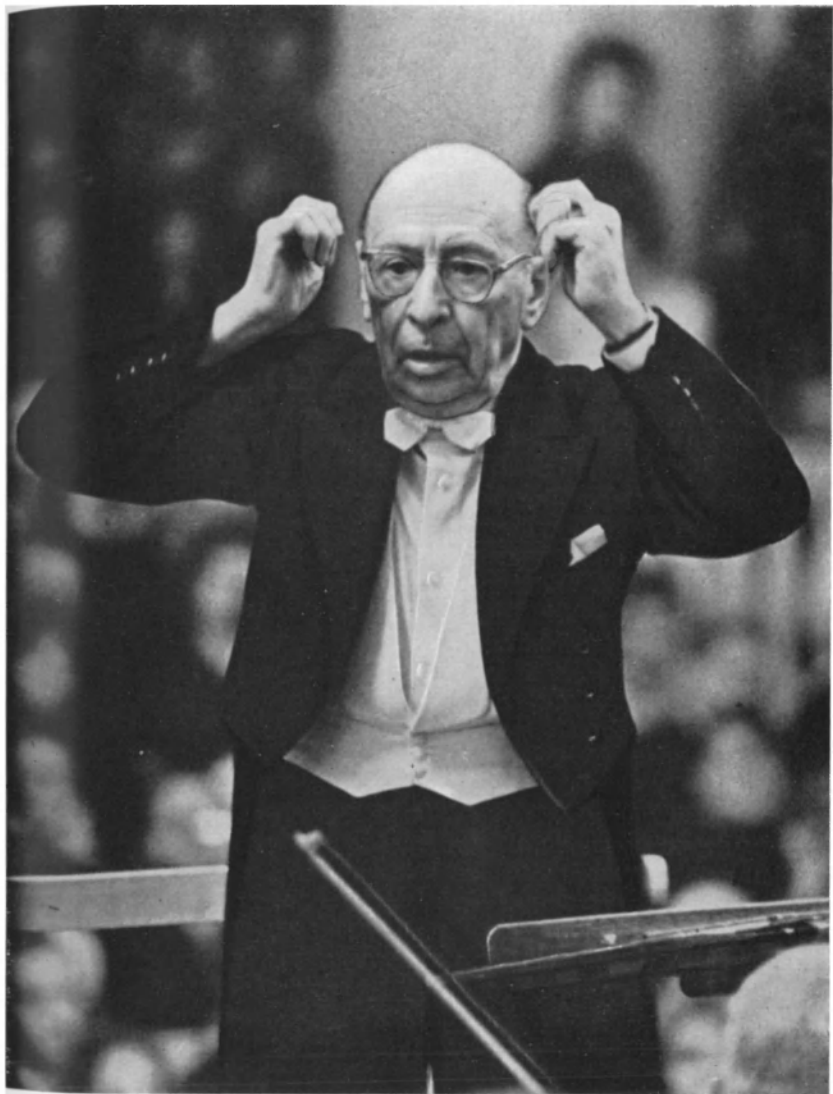
— А где он ее достал?

— У Финдейзен, дочери известного музыкального критика и издателя.

— Как же, как же, я его прекрасно помню! Ты скажи Семенову, чтобы он берег эту рукопись, ты знаешь, они теперь очень дорого ценятся. Многие мои рукописи хранятся в сейфе Библиотеки Конгресса, и, представь себе, с них, как с валютной ценности, тоже взимают налог.

Затем на приготовленной фотографии Игорь Федорович, по просьбе Ивана Борисовича, написал нотную строчку из «Петрушки» и слова: «Ивану Борисовичу Семенову на добрую память от автора „Петрушки“. Игорь Стравинский, Ленинград, окт. 9/62 г.». И еще на партитуре «Петрушки»: «На добрую память. Игорь Стравинский. Окт. 9/62». Позднее в газете и журнале, описывая коллекцию Семенова, приводили и эти автографы.

И так, не спеша, отвлекаясь разговорами, он подписывал еще несколько фотографий для ряда лиц. А я сидела как на иголках — сейчас нагрянет народ и он не успеет кончить, но дядя невозмутимо спокойно проделал все до конца. Потом, действительно, пришло много народу, и Игорь Федорович начал надписывать фотографии для

Клары Арнольдовны Хренниковой, еще для кого-то и все так же бодро, весело. Таким он оставался до конца пребывания в Ленинграде, чего нельзя было сказать о Вере Артуровне и Роберте: они были утомлены и под конец совершенно измучены этой трехнедельной круговертью, с ее обилием встреч, осмотров, приемов, посещений, знакомств, разговоров и, конечно, репетиций, концертов. Оба были как выжатые, постаревшие на несколько лет. Но Игорь Федорович не проявлял признаков усталости. Я видела его все время бодрым, радостным и даже как-то помолодевшим. Мы все понимали, что после этих счастливых, радостных эмоций, этой нервной приподнятости, этой колоссальной перегрузки у восьмидесятилетнего человека потом, после отъезда, наступит реакция усталости. Потом, пока накапливались эти «положительные эмоции», которые все-таки продлевают жизнь. Вечером мы зашли за Игорем Федоровичем, чтобы вместе идти в филармонию на второй, последний концерт. Программа была та же. Вера Артуровна не пошла:

— Устала, нужно укладываться, да и я это много раз слышала.

Опять переполненный зал. Овацией, бурными аплодисментами публика встречает прославленного земляка, горячо реагируя на каждое исполненное им произведение. Стихийная овация возникает и под конец концерта. Весь зал, стоя, аплодирует, радостные лица, улыбки, крики «браво». Стравинский многократно выходит, низко кланяется, счастливо улыбается. Таково было расставание с родным городом, ленинградцами. После концерта множество музыкантов, композиторов, артистов устремились в «голубую гостиную» пожать руку, благодарить, проститься с композитором.

Но пора было уже «домой», в гостиницу. Через два часа отъезд. Принесли ужин, но в номер пришло столько народу, что Игорь Федорович долго не смог присесть за стол. Наконец все ушли, остались только свои, и дядя пошел укладывать вещи. Мой муж предложил помощь.

*Проводы в московском
аэропорту Шереметьево*

— Что ты, я всегда это делаю сам.

И начал очень аккуратно раскладывать по чемоданам свой фрак, ноты, разные мелочи туалета и пр. Вернулся он в гостиную бодрый и веселый. Опять мне пришлось просить у него автограф — для болгарского дирижера Найденова («который исполняет в Болгарии твои произведения»), и опять этот неспешный, спокойный ритуал. Когда все были готовы к выходу, кто-то принес еще две картины. Игорь Федорович просто всплеснул руками. Посмотрел на них — облезлые фасады домов, задворки. — Нет, я их не возьму, ну что я с ними буду делать? Возьми их себе, если хочешь.

Игорь Федорович все время говорил:

— Я еще приеду!.. Мы скоро увидимся.

И только Вера Артуровна выражала сомнение в реальности этих утверждений:

— Ну как он это обещает! Ведь у него на два года вперед все уже расписано. — И обращаясь ко мне:

— Нет, уж лучше ты к нам приезжай.

— Но ведь это совершенно невозможно для меня.

— Если очень захочешь, то все возможно.

В машине сжали вместе. На вокзале Игоря Федоровича обступила группа молодежи, у всех букетики васильков. Его еще в Москве очень тронули васильки среди гор садовых букетов и корзин с хризантемами. У вагона «Стрелы» опять человек 20 провожающих — музыканты, деятели театра, почитатели. Сердечные слова, объятия. Последние поцелуи в купе.

— Мы еще вернемся!.. До скорой встречи!..

Поезд трогается, кто-то бежит, машет. . . В соседнем вагоне уезжали М. В. Юдина и И. И. Блажков.

Игорь Федорович был такой веселый и радостный, он сам искренне верил, что обязательно приедет еще, поэтому не было тяжелого чувства разлуки надолго. Навсегда?! С такими же чувствами он уезжал из Москвы. И так же, улетаая, Игорь Федорович говорил:

— До скорой встречи!!

В Москву я уже не поехала.

Переписка

со

СТРАВИНСКИМИ

1962—1970 гг.

1962 год был для композитора насыщен путешествиями. В начале года многочисленные гастролы по городам США и Канады, май — Южная Африка, затем Европа, Америка и наконец — СССР. Родина.

11 октября Игорь Федорович покинул СССР с надеждой еще вернуться. В октябре у него были концерты в Риме, Перуджии, затем выступления в Венесуэле, Нью-Йорке, Торонто, и только в декабре он вернулся домой в Голливуд. К Новому году мы обменялись поздравительными телеграммами. В феврале мне позвонил из Москвы приехавший туда Сол Юрок. Игорь Федорович попросил его связаться со мной, так как, кроме телеграммы, давно не имел от меня известий. В январе, правда, я написала дяде и Вере, но мое письмо еще не дошло, когда уезжал Юрок. Вот оно:

Милый, родной мой дядя Игорь!

Надеюсь, ты уже прочел ту гору корреспонденции, которая ждала тебя по возвращении домой, и это мое письмо не утонет в ней. Я хочу сказать тебе о той большой радости, о том счастье, которое пережила в те яркие дни с 21 сентября по 9 октября прошлого года. Я ждала с радостью и волнением твоего приезда, но не знала — какой ты? Как ты ко мне отнесешься? Я боялась твоей знаменитости. В «Диалогах» ты иногда был суров в оценке пережитого в детстве. Ехать ли мне в Москву? Нет, конечно, я бы здесь не усидела. Я решила, что все будет хорошо. Но наша встреча и все, что я от нее имела, оказалось намного лучше моих оптимистических прогнозов. Ты «оказался» не просто милым, обретенным мною дядей. Ты стал мне сразу таким родным, таким любимым, как будто папа мой вернулся ко мне. Я уже не то юное существо, которое можно завоевать ласковым словом. Много прожито и много тяжелого пережито. Но тут ты сразу вошел в мою душу, как будто мы знали друг друга всю жизнь. Спасибо тебе, родной, за чистое светлое счастье, которое меня не покидает до сих пор! Я очень скучаю по тебе и верю, что мы еще скоро увидимся.

До сих пор звучит еще резонанс от твоего приезда. У нас появилось много новых знакомых и даже друзей из музыкального мира. Еще до сих пор приходят к нам, чтобы послушать о тебе, в частности, киевский дирижер Игорь Иванович Блажков. Я получила от него длинное письмо, а затем познакомилась с ним. Он дважды дирижировал в филармонии и был у нас. Это

талантливый молодой музыкант, он так же, как Мария Вениаминовна, твой верный почитатель. Блажков ездил в Устилуг. Сейчас это западная Украина, у самой польской границы. Ваш дом сохранился, но сильно перестроен. Кругом огромные деревья. Когда Блажков попал в Устилуг, ему сразу показали «дом Стравинского». Нашел он стариков, которые вас всех хорошо помнят и рассказывали о тебе и о дяде Грише¹.

Здесь в консерватории и в других библиотеках Игорь Иванович разыскивал твою утраченную «Погребальную песнь», написанную на смерть Римского-Корсакова. Увы, безуспешно. Я ему рассказала, что знала с твоих слов о ящике с драгоценными рукописями и другими вещами, отправленными тобою в 1914 году в Полтаву. Он просит сообщить подробно, куда, кому, как это было отправлено, так как не теряет надежду разыскать потерянное. Он хочет поехать в Печиски, где умер Рома. В феврале в Киевской консерватории должна состояться «Неделя Стравинского», где будут исполняться твои произведения, читаться доклады о тебе и будет открыта большая выставка (больше, чем в Ленинграде). У них много материалов — нот, книги, фотографий, но почти ничего о петербургском периоде, детстве. У меня был киевский музыковед — устроитель выставки — и отобрал много материалов, которые я отдавала переснять. Тут и фотографии бабушки и дедушки, родных, твои, начиная с раннего детства, программы, афиши, статьи и прочее. Всего 82 фотографии².

В декабре слушали «Весну священную», которая прошла с очень большим успехом. Дирижировал Светланов. Посылаю программу, а также переснимки с тех фотографий, которые ты у меня отобрал, всего 16 штук. Большое спасибо за новогоднюю телеграмму. Мечтаю иметь третий том «Диалогов», который я видела у Боба.

Крепко, крепко целую...

Hollywood. February 6 1963

Родная, дорогая Ксеничка, как благодарить тебя за твое такое доброе письмо и за фотографии, кот[орые] я получил несколько дней тому назад. Сегодня, как и в ближайшие дни, я сильно занят и не смогу писать писем, так же и Вера. Но как только освободимся, напишем тебе.

¹ Григорий Павлович Белянкин.

² «Неделя Стравинского» не состоялась.

У нас пока все благополучно и надеемся, и у вас так же и что все болезни кончились у вас.

Тебя и всех твоих обнимаем. Я так рад твоему письму!

Твой, очень любящий тебя

Дядя Игорь

Это был относительно продолжительный период, который Игорь Федорович провел дома в Голливуде за работой над «Авраамом и Исааком».

9 апреля 1963 г.

Милый, родной дядя Игорь!

В начале марта получила твоё маленькое письмо, которое меня и обрадовало, и огорчило. Рада была, что получила его, и огорчена, так как это была только коротенькая карточка. Я думала, тебя заинтересует то, что я пишу об Устилуге и о попытке Блажкова разыскать утерянный ящик... Словом, я подождала, подождала обещанного письма с ответами и решила написать сама. Мне так хочется узнать о вас, а все мои сведения исчерпываются тем, что сообщают знакомые музыканты. Так, В. М. Богданов-Березовский (ленинградский композитор и музыковед) сообщил мне, что в мае вы будете на международном фестивале в Загребе и что А. А. Афонина получила от вас с Бобом длинное письмо, где вы пишете, что рассчитываете быть в 1963 году в России. Она написала статью о твоём пребывании в Советском Союзе в журнале «Советская музыка», который, наверно, вам уже послала.

4 апреля я отправила тебе книгу о деревянном русском зодчестве. Ведь ты хотел иметь такую взамен пропавшей. Эту книгу, уже давно распроданную, достал мне папин знакомый букинист. Он ещё подыскивает для тебя книги. Напиши, пожалуйста, что вы с Верой хотели бы ещё иметь. 20 февраля из Москвы звонил мне Юрок. Говорили о тебе. Мария Вениаминовна Юдина жива-здоровая. Она ездила в концертные туры на Кавказ, а недели две тому назад получила квартиру в новом доме.

Вскоре после вашего отъезда слушали и видели «Агона» у Баланчина, а «Аполлона Мусажета» — не удалось из-за болезни Жака д'Амбуаза. Правда, поправившись, он приехал в конце гастролей, и «Аполлона» неожиданно дали, но мы об этом узнали лишь задним числом. Ужасно обидно!

Сейчас дома у нас все хорошо и у Ромочки тоже, но для меня зима была не совсем удачна: я много прихварывала, и это выбивало из строя. Сейчас, когда все здоровы, я наверсты-

ваю потерянное время. Ведь мне нужно вплотную засесть за семейные архивы. Институт музыки начал на меня в этом отношении наседать. Пришли мне, пожалуйста, адрес Феди, я сама попрошу прислать мне его книгу. . .

В мае получила письмо из Гамбурга от Веры Артуровны.

Гамбург. Май 1963 г.

. . . Мы получили оба Ваши письма, и Игорь очень жалел, что мало Вам писал, но Вы не можете представить, какая у нас спешка и торопление — все время, непрерывно. Этой зимой, когда мы были дома (4 месяца), мы собирались завершить много всякого дела — и действительно много было сделано, но как это было утомительно! Игорь закончил сочинение своей кантаты, я заготовила выставку своих картин (в New York осенью), но вместе с тем нам надо было организовать всю домашнюю жизнь, а это в Hollywood не так легко, когда за каждой спичкой надо ехать на машине — это ужасная трата времени, и это главным образом касалось меня.

Кроме того надо было и хотелось повидать своих друзей, рассказать про свои поездки — ведь мы в этот раз отсутствовали 8 месяцев. Боб тоже был дико занят писанием статей и заметок, проверкой 4-й книги¹, и мы все надеялись, что когда будет посвободнее, мы отдохнем, будем писать письма милым друзьям, будем читать много — не тут-то было. Я лично дико раскисла и впала в непреодолимую лень — так было на пароходе, [места на] кот[орый] мы взяли в New York, чтобы ехать в Гамбург, где мы сейчас находимся. Перемена часов тоже действует на все состояние. Между Гамбургом и Hollywood 9 часов разницы, и привыкнуть к этому нельзя в одну неделю. После Гамбурга у нас предстоит целый ряд концертов в Budapest'e и Загребе, Милане, Скандинавии, и мы только в июле попадем домой. Но, пожалуйста, пишите нам домой, п[отому] что Милена нам пере-

¹ Четвертая книга «Диалогов».

сылает вовремя все письма. Я это время читала очень волнительную книгу о блокаде Ленинграда и теперь очень жалею, что недостаточно Вас расспросила о том времени — ведь Вы там работали все время и наверно переживали очень тяжелые моменты.

Дорогая Ксюша, если Вас интересует что-нибудь, напишите мне, поставьте вопросы, я с удовольствием пришлю Вам что-нибудь или отвечу поподробнее на всякие вопросы... Крепко Вас целую и шлю сердечный привет всем Вашим.

Ваша Вера

В Норвегию, Берген, Игорь Федорович не поехал из-за небольшой простуды. О его болезни сообщалось в западной печати, о чем узнала М. В. Юдина и, встревоженная, звонила Сувчинскому в Париж. Беспокойство улеглось, и мы узнали, что Игорь Федорович, поправившись, улетел из Парижа в Лондон, отдыхал немного в Дублине, давал концерт в Милане и в июле вернулся ненадолго в Голливуд.

В июле я встретила с Т. Н. Хренниковым на его авторском концерте. Он сообщил о своем телефонном разговоре со Стравинским и о его приглашении Игорю Федоровичу приехать осенью отдохнуть в Крыму или на Кавказе. Но сложность его жизни «на колесах» (вернее, на крыльях самолета) не дала ему, увы, воспользоваться этим приглашением.

16 июня 1963 года, ко дню рождения Игоря Федоровича, я послала ему поздравительную телеграмму на адрес Ла Скала в Милан. В ответ пришло письмо:

Hollywood. 6-VII-63

Ксеничка дорогая, родная, лишь два слова благодарности за твою телеграмму к моему рождению и за оч[ень] ценную книжку русского зодчества. Не сетуй на меня (и Веру), что не пишем. Если бы ты только знала, как сложно живется нам в этих бесконечных концертных турне и как мало времени на корреспонденцию с

близкими. К счастью, все пока благополучно в смысле здоровья. Надеюсь, что и у вас с Шурой также.

Получил много телеграмм из Советской России, в том числе и от М. В. Юдиной, которой шлю сердечный привет (передай ей это — самому невозможно писать — просто времени нет!) Т[а]кже и обоим Хачатурянам, Хренниковым и Блажкову.

Продолжаем гурне в Америке с наездами на короткое время домой, где надеемся только в середине января усесться.

Обнимаю тебя, родную, всех твоих дорогих, вплоть до праплемянника Игоря.

Твой дядя Игорь

4 июля 1963 г.

Милый, родной мой дядя Игорь!

Надеюсь, что письмо и книжки вы застанете по приезде к себе домой. «Русское деревянное зодчество» я уже давно выслала, а сейчас посылаю книжку о скульптуре Ленинграда для Веры и «Деревянную резьбу» — тебе. Очень разволновалась, узнав о твоей болезни в конце мая. Не сразу удалось заставить в Москве М. В. Юдину. Дозволившись в Париж, она написала мне успокоительное письмо. . .

7 июня в Большом зале филармонии состоялся концерт Т. Хренникова — его симфония, фортепианный и скрипичный концерты. После концерта Тихон Николаевич рассказал нам о своем разговоре с тобой по телефону и о приглашении тебе отдохнуть у нас после болезни. Ну, слава богу, ты уже здоров! Тихон Николаевич сказал, что ты приедешь к нам не раньше ноября. Если без концертов, только пожить и отдохнуть, то и на Кавказе и в Крыму зимой совсем не интересно. Какие же твои планы?

Я по-прежнему получаю вырезки из прессы. В Ереване поставили «Царя Эдипа», прошедшего с большим успехом, так же, как и в Тбилиси, где его показывали на гастролях. В будущем году Большой театр в Москве ставит «Петрушку», «Жар-птицу» и «Весну священную». Узнала, что Богданов-Березовский был в Загребе на фестивале и виделся с тобой — к сожалению, по фактам и поэтому ничего не послала с ним для тебя.

От Верочки из Гамбурга получила чудесное письмо. Игорек живет на даче с детским садом — здоров, весел, загорел. Алеушка на все лето уехала на свою научную базу на озеро в лесу. С увлечением работает, живя в окружении чудесной природы. Мой Шурик все свободное время пропадает на яхте. . .

Hollywood 6-VII-63

Ксения Фаргал, родная лишь два слова бла-
годарности за твою телеграмму к моему
рождению и за очень ценную книжечку рус-
ского Зодчества. Не сетуй на меня (и
Веру) зато не пишем. Если бы ты только
знала как сложно живется нам в этих
Госконечных концертных турне и как мало
времени на корреспонденцию с близкими.
К счастью все пока благополучно в
смысле здоровья. Надеюсь что и у вас
с Шураи также.

Получил много телеграмм из Со-
ветской России, в том числе и от М.
В. одной которой было сердечное
приветие (передай ей это - самому нево-
зможно писать - просто времени нет!)
так же и одним калагуром, Хрен-
никовыми и Блажкову.

Продолжаем турне в Америке
с неездами на короткое время долее
где кадемез только в середине января
уезжает. Обнимаю тебя родную
всех твоих дорогих вплоть до тра-
педальника ИГОРЯ

Твой Дядя Коля

Летом я написала первое письмо в Лос-Анджелес Милене. У нас завязалась душевная переписка, продолжающаяся и поныне. От нее я стала получать известия об Игоре Федоровиче, Вере Артуровне, Роберте, о всех членах семьи Стравинских. Милена начала писать мне по-русски, но я предложила ей не «воевать» с русской орфографией (а мне с французской), и теперь я читаю ее письма на французском языке, а она мои — на русском. У нас с Миленой уже 14-летняя дружба, десятки писем, но... мы так никогда и не видели друг друга! Осень у Игоря Федоровича прошла опять в разъездах — Бразилия, США, Сицилия, Рим, Нью-Йорк. Под новый 1964 год я послала Игорю Федоровичу поздравительную телеграмму. Ответ пришел в январе.

New York. 25 Dec. 1963

Обнимаю тебя, твоего мужа, дочку и внушонка Игоря и желаю самого счастливого Нового года.

*Твой дядя Игорь, кот[орый] тебя оч[ень] любит
Романа с женой целую сердечно.*

(Написано на визитной карточке)

Первые три месяца 1964 года Стравинским действительно удалось «усесться» дома. Игорь Федорович писал «Элегию Дж. Ф. К.» (Элегия, посвященная памяти Дж. Ф. Кеннеди) и «Фанфары для нового театра» (посвященные Линкольну Кирстайну и Джорджу Балагчину). К концу марта я отправила дяде письмо:

25 марта 1964 г.

Мой родной, милый дядя Игорь!

Как я давно от тебя ничего не имела, только маленькую записочку к Новому году. Спасибо за нее! И ведь это я во всем виновата — не писала тебе так долго. Ты можешь подумать, что я померла, а думаю я о тебе все время. Мы надеялись, что вы все-таки приедете к нам еще. Где вы были, где будете? Как твоё и Верино здоровье?

А моя жизнь так складывалась, что я никак не могла написать тебе. Ведь я не могу и не точу писать мимоходом. Много раз садилась за письмо, так они и лежат, как свидетели моих

постоянных с тобой (увы, письменных) бесед. Все эти месяцы я подолгу не принадлежала себе: болезни внука (скарлатина), мои, операция у Шуры (аппендицит) и т. д. Скучно даже писать об этом! Сейчас все здоровы, я — относительно.

2 недели своего отпуска 1963 года Шура провел в плавании на яхте в Ладожском озере, был на Валааме. А потом мы с ним на несколько дней поехали на Онежское озеро. Это было совсем особенное путешествие. Полуторасуточная поездка на пароходе по Неве, Свири и Онеге до Петрозаводска. Это большой современный город. Там мы пересели на маленький пароход и через два часа были у цели нашего путешествия — заповедника у Кижского погоста. Мы попали в совсем другой мир. Огромное синее озеро, кругом сотни зеленых островов: больших, с деревнями, колокольнями, и маленькиx, крошечныx, с одним деревом.

Церковь Преображения в Кижях ты наверно видел еще у Грабаря. Ее знают во всем архитектурном мире. Это уникальная церковь начала XVIII века с 22-мя главами. Она вся рубленая без единого гвоздя. В послевоенные годы ее реставрировали, заменив уродовавшее ее кровельное железо куполов на деревянную черепицу — лемех. Там живет старик-умелец, реставратор, который по старым традициям все делает одним топором. На этот длинный остров свезены, кроме того, многие интересные деревянные постройки из Заонежья.

Еще на пароходе мы познакомились с молодой парой, направлявшейся туда же. Это был художник Сергей Чехов (внучатый племянник Антона Павловича) с женой. Мы сразу, несмотря на разницу в возрасте, очень подружились и три дня провели не расставаясь. Спали на дебаркадере в помещении для приезжающих. Сойдя с парохода, мы сразу помчались к погосту. Длинный, узкий, пустынный остров, высокая трава и на фоне нежно-чистого неба, среди полной тишины стоит это чудо из чудес. Чешуйки куполов из белой осины дают серебряные переливы, и купола как будто горят слабым светом. С каждой новой точки церковь какая-то иная. Вторая — Покровская церковь — тоже очень интересная. Внутри замечательные старье иконы и как бы купольное деревянное перекрытие.

Начало вечереть, все проголодались, надо было что-то поесть. Мы расположились на берегу вокруг врытого в землю стола. Наши новые друзья со смущенным и таинственным видом сообщили, что сегодня их юбилей и у них припасена бутылка вина — сегодня ровно месяц, как они поженились. Положили на стол, что было взято с собой. Была только одна кружка, которую мы пустили по кругу. Небо стало розовым, наша Преображенская церковь заиграла новыми красками и тенями. Кругом — ни души, тишина, и только иногда в озере плеснет рыбка и прожурчит вода. Так мы сидели очарованные,

пока совсем не стемнело. А на другой день научный работник музея-заповедника возил нас на моторке на другие островки, где тоже расположены замечательные церквушки и избы. Избы там высокие, просторные, двухэтажные, с гульбищем и крытым двором.

Места эти очень пустынные. Во время войны они были захвачены, многие жители угнаны, места разорены, да и уклад жизни теперь совсем другой,— люди не хотят возвращаться к старому. Но все эти интересные строения находятся под охраной, их реставрируют. А места там — потрясающие, северный неяркий приглушенный колорит. Я давно уже не испытывала такого замечательного ощущения, когда ты как-то растворяешься в окружающей тебя природе. Вот островок — Подвельники (или Волк-остров). Скалы, среди них пробивается высокая трава, вековые ели и под ними старенькая церквушка, куполок, сверкающий все той же серебряной чешуей. Мы с Чеховыми все время вспоминали раннего Рериха. Но и здесь современность вторгается звуками моторов лодок. Лодки — «кижанки» местного старого образца, нос прорисован, как у ладьи, а на корме... мотор. И вот сидит за мотором древний дед с рериховской бородой.

Мы много фотографировали. Посылаю тебе несколько фотографий и книжечку-путеводитель, а также книжку «Сцены русской народной жизни» по гравюрам Эрмитажа, под редакцией нашего доброго друга В. М. Глинки.

Ромочка с января в Каире, куда он поехал на полгода читать лекции на английском языке. Осенью он был в Болгарии. Мария Вениаминовна очень болела, лежала два с половиной месяца в больнице, ей делали операцию грыжи, и у нее сорвалась концертная деятельность на ближайшее время. Игорь Блажков часто выступает с успехом на концертах. Его хорошо принимают и хвалят. В будущем сезоне он будет дирижировать многими твоими произведениями. Игорь Иванович обращается к тебе с большой просьбой. Нельзя ли снять копию с твоей и прислать ему? Бываем часто в филармонии и уж, конечно, посещаем все концерты, где исполняются твои произведения. На днях выйдет перевод «Хроники моей жизни», уже анонсированный в газете. Сгораю от желания получить четвертый том «Диалогов». Кое-кто его уже получил. А я — нет! Если возможно, очень хочется иметь твои диски «Потопа» и др., которых тут нет...

Написала я и Вере. Письмо содержит почти сплошь вопросы семейного характера. В ответ получила письмо от Игоря Федоровича.

Голливуд. 12 апреля 1964 г.

*Ксеничка, родная,
твои письма мне и Вере были большой радостью нам.*

Так же утешительно было узнать, что сейчас все здорово и неутешительно было прочесть: «я — относительно». Хочу надеяться, что за этой фразой ничего серьезного не скрывается. Очень прошу хотя бы в двух словах ответить.

Наша жизнь продолжает быть той же, что в последние годы,— то в концертных поездках, то дома. Через две недели на месяц в поездках тут в Америке, а в июне в Лондоне. Здоровье прилично. Моя кровь пока в порядке.

Очень интересно, что ты пишешь о Ладоге, Валааме, Онеге, Кижях, брошюрку которых получил отдельно от письма. Впечатлен фотографиями Кижей. Спасибо за присылку и описание их. Но «Сцены русской народной жизни», о кот[орых] ты пишешь, что присылаешь мне, еще не получил. Вторую книжку о русском зодчестве и скульптуре Ленинграда в свое время получили, и мне помнится, что я тебя благодарил короткой записочкой.

От Сувчинского знаю, что бедная Мария Вениам[иновна] Юдина имела грыжную операцию и что концерты ее сорвались. Очень жаль ее. Будешь писать ей или увидишь, скажи ей, что постоянно думаю о ней и от всего сердца желаю ей полной поправки.

Игорю Блажкову скажи, что оркестровую партитуру моей «Мавры» получить невозможно. Она в скором времени будет гравироваться в Лондоне, и я свой экземпляр со всеми исправлениями держу у себя, ибо через две недели наигрываю «Мавру» на граммоф[онные] пластинки «Колумбия» в Торонто (Канада). Другие экземпляры оперы мой издатель не выпускает из рук: они полны ошибок и оч[ень] скверно изданы бывшим издательством Кусевицкого.

Должен кончать свое писание. Горячо обнимаю тебя с Шурой и всех твоих.

Твой любящий тебя дядя Игорь

Надеюсь, Игорек совсем поправился. Шлю ему мой прадединский поцелуй.

*(Напечатано на машинке,
приклеена фотография Игоря Федоровича)*

В апреле началась моя переписка с Федором. Мне повезло встретиться с ним во Франции в 1970 году и принимать его с женой у нас в Ленинграде в 1974 году. Мы стали с ними по-настоящему, по-братски близки и полюбили друг друга.

Ко дню рождения я послала дяде письмо:

7 июня 1964 г.

Милый мой, родной дядя Игорь!

Поздравляю тебя с днем рождения и желаю здоровья, радости и благополучия. Спасибо тебе большое за твое письмо с фотографией, как всегда доставившее мне большую радость. Пишу тебе не из дома: уже несколько дней, как я гощу на даче под Гатчиной у нашего знакомого. Здесь хорошо. В саду, под окном цветут яблони и сирень, я отдыхаю, гуляю и отрешаюсь от «семейного купороса» (т. е. хозяйства, которое мне очень надоело). Игорюшка уезжал на дачу со своим детским садом. Об мужчинах заботится Аленка. Шура пропадает все свободное время в яхт-клубе. Спешу отправить письмо, чтобы оно пришло вовремя. Жду с нетерпением четвертый том «Диалогов»...

С мая и до конца 1964 года у Стравинских опять продолжались турне, по Новому и Старому Свету. В сентябре они переехали в новый дом в Голливуде — неподалеку от старого, в более обширный и комфортабельный.

15 декабря 1964 г.

Милый, родной мой дядя Игорь!

Поздравляю тебя с Новым годом и от всего сердца желаю многих счастливых и плодотворных лет, доброго здоровья тебе и всем твоим близким. Очень грущу, что так давно от тебя ничего не имею. Только один Игорь Блажков приносит иногда сведения о тебе. Твое последнее письмо было в апреле. Боже, как давно! Так хочется знать, что у тебя там происходит.

В середине августа мы поехали с Шурой в отпуск. Сначала по приглашению Блажковых в Киев. Там я была в детстве у бабушки и дедушки Новоселовых (маминых родителей). Последний раз я была там с папой в конце 1916 года. Шла война, дядя Гурий приехал с фронта и остановился у Новоселовых. Это было последнее наше с ним свидание. Ведь через полгода он погиб на фронте. Дом сохранился, и я его узнала. Киев нас совершенно очаровал — красивый, нарядный, зеленый, многолюдный город. Каждая улица обсажена рядами акаций, каштанов, пирамидальных тополей, придающих городу особый южно-русский характер. Город сильно пострадал в войну. Одна сторона Крещатика была взорвана немцами и разрушена. При восстановлении улицы сильно расширили. Замечательна прибрежная часть города — Владимирская горка, где парк следует за парком, и крутые извилистые улицы сбегают к Подолу, и на высоких холмах стоят церкви. Полдня провели в древнем храме св. Софии, где мозаика XI века и где ты себя чувствуешь в Киевской Руси. Были в замечательных музеях. В общем, город полностью восстановлен и все окрainsы — это уже новые города. Кругом журавли-краны и остовы огромных домов. И всюду зелень, зелень и красавец Днепр.

Четыре дня мы погостили в Киеве и полетели потом в мою любимую Ялту, где нас ждал гостеприимный кров моей школьной подружки. Три недели мы купались, ездили на катерах в ближайшие курортные места — Алуэку, Гурзуф и др. Ходили, конечно, в горы. Ведь я очень люблю и могу много ходить и лазить по скалам.

В середине сентября приехали в Москву, и в первый же день мы попали в театр Ла Скала, гастролировавший тогда в Москве. Это было большое культурное событие, и попадали туда только счастливицы. Билеты достать было безумно трудно, но мы достали. Помог ты. Фамилия «сработала» (как у нас говорят). Мы попали на «Турандот». Впечатление было огромное — и звучание оркестра, и голоса, хоры, художественная часть (Николай Бенуа)!!! Тебе все это стократ известно, а для нас — открытие, счастливые минуты глубокого эстетического восприятия. Шура уехал, так как кончался его отпуск, а я остановилась у той же подружки, что два года назад, и все напоминало Москву 1962 года, радость и счастье твоего приезда.

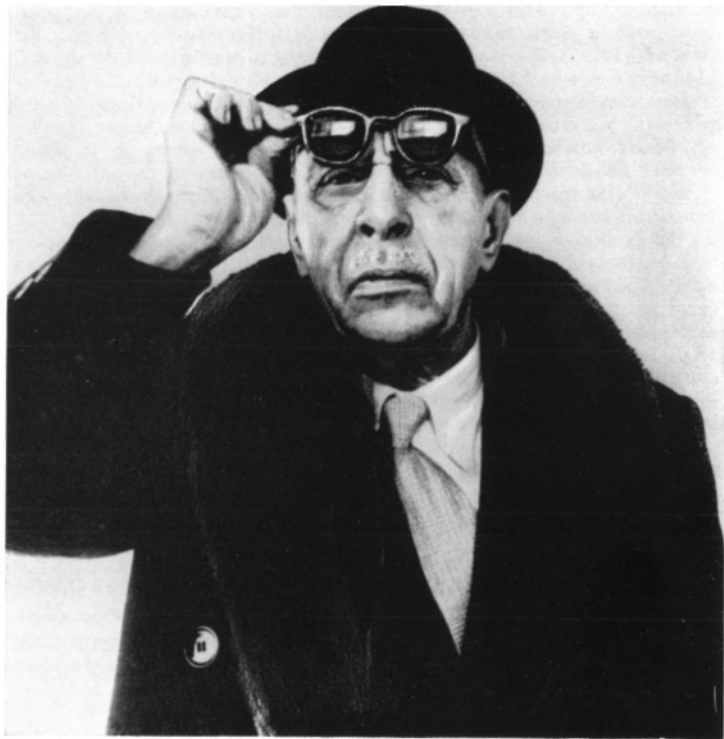
В Москве я провела две недели и с утра до полного изнеможения питалась «пищей духовной», забывая иногда о земной. Была в церкви Троицы в Никитенках с открытыми недавно фресками Симона Ушакова, изумительными по краскам и композиции. Была на выставке древнего деревянного зодчества и в музеях: «Терем Нарышкиных», «Палаты бояр Романовых», полностью восстановленных, с экспозицией прикладного искусства. Очень интересна выставка театральных постановок

Ла Скала, привезенная из Милана. В Кремлевском Архангельском соборе видела вскрытие гробницы Иоанна Грозного и его сыновей, которая сейчас реставрируется, а также скульптурный портрет Иоанна Грозного, сделанный по его черепу С. Герасимовым. Была в нескольких музеях, театрах и навестила друзей, которых у меня много. Заходила к Марии Вениаминовне. Она всегда кого-то выручает, помогает больным. Говорила, конечно, о тебе. Ей, видимо, очень горько и больно, что ты ей не пишешь. Радость твоего приезда, к которому она так готовилась, ждала, положила столько сил, пожинали другие.

25 сентября я вернулась в Ленинград, и потекла моя обычная, полная труда и забот жизнь, бываем часто на концертах. Е. А. Мравинский с большим успехом исполнил «Аполлона Мусагета» и «Петрушку». Г. Н. Рождественский — «Рег-тайм», раньше мы слушали у него же «Игру в карты». И. Блажков тоже исполняет твою музыку, он наверно послал тебе программы. Игорь и его милая жена Галя стали нашими большими друзьями, хотя и годятся нам в дети. Они часто забегают поделиться известиями, твоим письмом, книгой о тебе. Ему присылают отовсюду много журналов и книг. Надо кончать, а то тебе надоест читать мое письмо. . .

В моем письме к Вере я комментирую статью Крафта из лондонского журнала «Энкаунтер». В этой статье (также и в 4-м томе «Диалогов») Роберт Крафт описывает свои впечатления о пребывании в Советском Союзе. Много им написанное — приводило в недоумение, удивляло несообразностями. Юдина, этот вернейший, преданнейший почитатель и пропагандист Стравинского, изображалась в насмешливых выражениях («запечатлела мокрый поцелуй» и др.). Описывая посещение оперы С. Прокофьева «Война и мир», Крафт пишет о Кутузове, возглавлявшем русскую армию, освободившую Россию, а затем и Европу от наполеоновского нашествия, в ироническом тоне, называя «героем стратегических отступлений». Дворец в Архангельском — великолепное здание русского классицизма конца XVIII века, увенчанное изысканным бельведером, — у Крафта: «тяжеловесное здание, крытое куполом. . . подобно дымовой трубе на океанском лайнере».

К Новому году от дяди пришла телеграмма, а следом за ней — письмо.

*И. Ф. Стравинский.
Фотография прислана в 1961 г.*

Телеграмма.
Голливуд. 1 января 1965 г.

Тебе и твоей милой семье наши лучшие новогодние пожелания и поцелуи. Дядя Игорь, Вера и Боб

(Перевод с английского)

Голливуд. 17 января 1965 г.

Дорогая, родная Ксеничка. Спасибо за письма мне и Вере — мы тут после двухмесячного пребывания в New York 2 недели были больны гриппом. Мы переехали в новый дом (адрес тот же, т. е. улица) № 1218. Переезд все еще продолжается, ибо после 25 лет жизни в нашем старом доме перетаскивать библиотеку, ноты, мебель и всякую всячину оч[ень] долгое дело. Когда будет время, напишу опять. Пока же завален всяким делом и корреспонденцией. Мы тут до середины апреля. Потом на 2 недели — концерты тут, в Америке.

Обнимаем вас обоих и всю семью.

*Твой дядя Игорь
(Приклеена фотография)*

В мае 1965 года Игорь Федорович и Крафт давали концерты в Варшаве. По совету И. Блажкова я послала Стравинским телеграмму с номером нашего телефона. 29 мая дядя позвонил мне. Состоялся короткий разговор, сперва с Игорем Федоровичем, потом с Верой. Они поделились впечатлениями о пребывании в Варшаве.

30 мая 1965 г.

Милый, родной мой дядя Игорь!

Спасибо большое за твое январское письмецо с фотографией.

Недавно к нам приходил сотрудник из охраны памятников, чтобы мы помогли ему разыскать дом в Ломоносове, где ты родился. Меня осенила счастливая мысль: с антресолей были сняты дедушкины толстые книги — записи расходов. Начинаются они в 1864 году и кончаются 1902 годом. Эти грассбухи, к которым мы всегда относились по принципу — пусть лежат, благо никому не мешают,— оказались суццм кладом. Это был

дневник, в котором попутно записывались расходы. Вся жизнь вашей семьи отражена день за днем. Как вы ехали по Волге в Павловку и остановились у родственников в Нижнем Новгороде. Поездки в Брагин и Горваль, в Париж и на воды в Гомбурге. Деньги на венок и извозчику на похоронах Достоевского и Тургенева... Если произошли какие-то события, то описание их с излишним чувств. («Боже, дай силы пережить этот жестокий удар судьбы...» — смерть Ромы.) Если болезнь, то какая, кто лечил. Если покупка платья, то какое и где куплено («Голубое с оборками для Нюты в магазине О Бон Марше»). Масса точных сведений о различных родственниках, знакомых, даты рождений и основных событий.

В красных рамках даты рождения сыновей. Так: «1882-го года, 5 июня, в 12 часов дня, в Ораниенбауме, по Швейцарской улице, на даче Худынцевой номер 137 родился сын Игорь».

Дальше и в последующие дни делались записи:

Телеграммы в СПбург И. М. Тарновскому и Карнович	
(акушерка)	3.75
Акушерке временной, до приезда из СПб-га Карнович	5
Телеграммы в Бугульму и Ялту о рождении ¹	3
Корыто купить новорожденного	1
Кормилице Татьяне Яковлевой, взятой для Игоря	37
Акушерке Софии Аркадьевне Карнович, принимавшей сына Игоря	75
Корзинка для ребенка (временно вместо кровати)	0.60
Шампанское, губка, присыпка	

Крестил тебя в Петербурге священник Илья Кедров, из Никольского собора, крестивший также папу и Гурия. Записи об их рождении в таких же красных рамках.

Дальше — черной траурной рамкой обнесено имя Ромы, дата его смерти, скорбные слова и трогательные эпитеты. Последние записи о смерти дедушки Феди написаны рукой бабушки. Столько прошло лет, но без волнения невозможно читать эти строки. Болезнь и смерть дедушки, безмерная боль и отчаяние, страстные призывы к богу, чтобы он ее взял к себе. Это четыре толстых тома, записанных сплошным текстом. Нужно много, много времени, чтобы досконально прочесть и выписать наиболее интересное из этой летописи жизни семьи. Если буду жива — непременно этим займусь.

¹ Сестрам — Софье Кирилловне Елачич и тяжело больной Марии Кирилловне Носенко, умершей через четыре месяца после того, как была отправлена телеграмма.

Нахожусь под впечатлением вчерашнего телефонного разговора с вами. У меня было к вам много вопросов, но, к сожалению, вы меня плохо слышали. Спасибо тебе большое за эти счастливые минуты. Крепко тебя и Верочку целую.

Твоя любящая Ксения

Из письма Веры Артуровны:

Чикаго. Июнь 1965 г.

...Сейчас мы находимся в Чикаго, где у Игоря и у Боба будет концерт. После Европы мы были дома всего 10 дней, и мне пришлось много работать по хозяйству и вообще по дому, и о писании писем не могло быть и речи. Вот такая у меня жизнь.

Доктор в New York нашел, что у меня сердце немного переутомлено, и все говорил: «Вот приедете домой, отдохнете». А дома у меня куча всяких забот, особенно после долгого отсутствия. Дом у нас очень приятный, со всеми удобствами американского стиля, в кухне машина, которая автоматически моет посуду, другая, которая «проглатывает» всякие отбросы и т. д. Сад полон цветов и «купальный бассейн»...

Я так была рада, дорогая Ксеничка, поговорить с тобой по телефону — но сообщение телефонное было очень плохое...

Игорь (и я тоже) очень устал от всей поездки, ведь ему стукнуло в этом году 83 года, ему следовало бы отдохнуть дома как можно дольше и сочинять, а не разъезжать по белу свету. Полеты ему тоже вредны из-за высоты.

Дорогая Ксюша, я так долго не писала тебе, потому что мы были действительно дико заняты, а может быть также потому, что мы стареем и уже не успеваем делать все то, что раньше было очень просто и естественно. Как ни распределяй время — но в конце концов его не хватает и вечером только и думаешь, как бы лечь в постель, почитать и спать. Я даже в свое новое atelier не хожу, нет времени, и уже 8 месяцев не занимаюсь живописью. Этот год был ужасный: мы 6 раз перелетали

Атлантический океан, были в Лондоне и Париже, и в Иерусалиме, Берлине, а в это время перестраивался наш новый дом, кот[орый] мы купили (старый думаем про-давать), и [...] мы возвращались на 2 недели, чтобы да-вать указания. Эти перелеты очень вредны для здоровья, и Игорь, у которого кровь почти никогда не бывает нор-мальной, должен после каждого полета делать анализы крови и часто кровопускания. А я страдаю от перемены времени — между New York'ом и Калифорнией 3 часа разницы, а между Лондоном и Калифорнией — 9 часов, где же тут нормально заниматься своими делами. Про-сыпаешься в 3 часа ночи, и больше не хочется спать. Я встаю, делаю себе кофе и дожидаясь утра, и мне нуж-ны по крайней мере 3 недели, чтобы привыкнуть к ино-му времени. Только привыкнешь — а тут уже надо ехать в Италию и там привыкать к другому времени. Потом удивляемся, почему нервы стали в таком плохом виде...

9 июня 1965 г.

Милый дядя! Поздравляю тебя с днем рождения и желаю хорошего здоровья и многих радостных лет. Через 2 недели я уеду в литовскую деревню примерно на месяц. С Шурой мы будем отдыхать врозь, так как он на целый месяц уходит в море на яхте. Сначала «Балтийская регата», а потом в Калинин-град.

13-го и 15-го этого месяца Игорь Блажков дирижирует «Вес-ной священной». Он, конечно, с головой ушел в работу. Послед-ние два месяца у него было много успешных концертов...

Из письма Вере Артуровне:

9 июня 1965 г.

...Я понимаю — какая у вас сложная жизнь в разъездах... Быть женой великого человека это счастье, но и такая большая нагрузка! Я редко пишу Вам и дяде, только когда есть что-ни-будь сообщить.

С большим интересом прочла статью в журнале «Америка» с описанием вашей жизни и нового дома. Мне только непонят-но, почему вы переместили свое насиженное гнездо на новый дом?

К Новому году мы послали друг другу телеграммы. 5 февраля 1966 года в Большом зале филармонии состоялся концерт. Дирижировал И. Блажков. После концерта он встревоженно сообщил мне: «О Игоре Федоровиче плохие вести: Стравинский тяжело болен». Я сразу же написала в Голливуд.

8 февраля 1966 г.

Милый, родной дядя Игорь!

Вчера узнала о твоей декабрьской болезни. Это известие меня очень разволновало. Если ты сейчас чувствуешь себя лучше, ответь мне, пожалуйста.

Еще в июне отправила тебе длинное письмо, где описывала свою «находку»: сведения и подробности о твоём рождении в дедушкиных расчётных книжках. Не забыли ли его тебе передать? Ответа на него я не получила.

В декабре я ездила с Шурой в Москву специально, чтобы посмотреть «Весну священную» в Большом театре. Напишу тебе об этом в следующий раз, а сейчас хочу скорее отправить свое письмо. Послала тебе 3 книги — о Кижках и др. . .

Голливуд. 16 февраля 1966 г.

Дорогая моя Ксеничка,

Конечно, это невыносимо иметь таких родственников, которые месяцами молчат. Но что же нам делать? Я лично писем больше не могу писать — на это, правда, нет больше времени. Здоровье мое оч[ень] прилично. Если в январе и был болен, то это, как все: инфлюэнца, температура, 2 дня в постели и все. . . Я в постоянных концертных турне, отчего времени на нормальную жизнь, при которой люди пишут друг другу письма, не имеется. Пишу эти строчки и думаю — скорее кончить, ибо Милена сейчас придет мне помогать укладываться — едем завтра на недельное турне, потом на 2 дня домой, потом на неделю опять уезжаем и т. д. и так далее.

Не сердись на меня, а просто пиши и люби, как я тебя люблю.

Твой дядя Игорь

Из письма Веры Артуровны:

Голливуд. 16 февраля 1966 г.

Дорогая Ксеничка, ты, наверно, здорово на меня сердишься, что я никак не могу написать тебе письмо. В утешение могу сказать только, что я никому не пишу. Когда я получила сегодня твое письмо, то мне стало стыдно, и я сейчас же хотела начать письмо, не тут-то было: каждые 5 минут телефон (Игорь никогда не отвечает). Дом у нас большой, и телефонов пять — у Игоря в студии, у меня в спальне (это верхний этаж), в кухне и в прихожей (внизу) и в комнате у прислуги. Я была несколько месяцев без кухарки, и мне приходилось ездить на рынок, закупать в разных местах и готовить. Живопись свою я совсем забросила, а у меня готовятся две выставки, одна здесь, другая в декабре в New York. Иногда я успеваю поработать 2 месяца и написать несколько хороших картин, но тогда я работаю непрерывно. Теперь я нашла кухарку, но она была недовольна слишком маленькой комнатой, и пришлось нам прибавить вторую комнату — ее гостиная, они все очень избалованы — у нее своя машина, кот[орую] нужно поместить в наш гараж, а места нет. Все время сложности. Последний год мы были заняты кинематографом. Одно американское общество (C. V. S.) делало съемки нас, нашего дома, наших поездок, разговоров Игоря с разными людьми и не только в Америке, но и Париже, в Швейцарии и других странах. Это было интересно, но утомительно для Игоря. Он легко устает, очевидно — старость (как он не любит этого слова!). Я тоже устаю от этой жизни и часто жалуясь.

Этот film занял у нас много времени, но был еще один другой, немецкий, очень хорошие были снимки, но американский более разнообразный.

Сейчас мне надо укладываться, завтра мы летим в San Francisco на 8 дней, потом вернемся домой на 5 дней и летим в New York на 15 дней и затем домой на полтора месяца. Милена сейчас придет помочь

Игорю укладываться. Его очень утомляет собирать вещи и нагибаться. Милена такая милая, она всегда поможет и мне, и Игорю.

Здоровье Игоря сейчас хорошее, но он часто схватывает либо простуду, либо что-н[ибудь] с кишечником; все это не страшно, а иногда очень кстати, когда можно отказаться от всяких обедов и так называемых здесь «party», они всегда неинтересны, слишком много народу, пьют, галдят и все стоят со стаканом в руке и ставят Игорю глупые вопросы...

Голливуд. 22 марта 1966 г.

Ксеничка, родная, как тебя благодарить за чудные советские издания: К и жи, Новодевичий монастырь, Троице-Сергиевская лавра!!! Я оч[ень] счастлива иметь эти издания изумительного русского зодчества.

Спасибо, спасибо, спасибо.

Любящий тебя дядя Игорь

У нас все хорошо. Только что вернулись из концертного турне. Тут — месяца на 2. Потом снова концерты. Сейчас сочинительство. (Заупокойное песнопение «Requiem Canticles». — К. С.) Бесконечная корреспонденция (все письма, записки сам сочиняю — отчего времени больше нет). Дела, адвокаты, налоги, все отбирающие, и т. д. . . Жизнь сегодня сложное дело! Целую.

7 июня 1966 г.

Мой родной дядя Игорь!

Поздравляю тебя с днем рождения и желаю многих счастливых, радостных лет и хорошего здоровья. Спасибо тебе большое за 2 твоих письма, которые для меня всегда такая радость. Одно — от 16-го с маленьким нагоняем за беспокойство и о твоём здоровье и второе с извещением о получении книг. Я сама тебе теперь редко пишу. Эта зима у меня была трудная: Игорек пошел в школу. . .

И все-таки в декабре я словчилась, и мы поехали с Шурой в Москву смотреть «Весну священную». Она никогда не шла у

нас. Поставили ее в Большом театре летом прошлого года. Я знала, что постановщики Касаткина и Василёв изучали материалы, относящиеся к древней Руси, и составили новое либретто. Газеты писали о спектакле как о выдающемся. По-моему, Геннадий Рождественский был на высоте. В части хореографической далеко не со всем можно было согласиться. Но в общем танцы производили большое впечатление. А вот художественная часть заставляла неоднократно вспоминать Рериха, декорации и костюмы которого я знаю по репродукциям. Спектакль прошел с огромным успехом. Посылаю тебе аннотацию.

В феврале впервые слушали «Свадебку» в исполнении Московской капеллы. Художественный руководитель и дирижер А. Юрлов «Свадебку» давали в Москве, Горьком, а теперь у нас. Успех был очень большой, много интересной прессы. На меня «Свадебка» произвела огромное впечатление, раньше я слышала ее только в записи.

Сейчас так много исполняют твою музыку, что мы уже не можем побывать на всех концертах. За последние месяцы получила вырезки из печати об исполнении твоих произведений в Минске, Костроме, Ростове, Горьком, Киеве, Луганске, Риге, Благовещенске-на-Амуре, Кишиневе, Сыктывкаре, Орджоникидзе и др., а главным образом, конечно, в Москве и Ленинграде.

Крепко тебя обнимаю и целую.

Твоя Ксения

Посылаю одновременно пластинку «Ростовские звоны».

10 июня 1966 г.

Милая Верочка!

Вы не представляете себе, какую Вы мне доставили радость своим письмом! Столько интересного Вы мне сообщили. На днях вся моя молодежь улетела в отпуск в Крым. Я осталась вдвоем с Шурой. Всяких запущенных дел невпроворот. Я так понимаю Вашу занятость. Я только не могу понять — зачем нужно так много ездить по свету? Это огнижает столько сил, так вредно для здоровья. Ведь каждому возрасту присущ свой образ жизни. У вас новая комфортабельная вилла, чудесный климат. Дядя мог бы столько писать музыки за это время. Словом, я что-то недопонимаю. На днях смотрели в Доме архитектора фильм о Лос-Анджелесе. Город очень красив, но удручающее впечатление произвела эта жизнь в автомобиле — ни шагу без него. Автострады — с сонмами мчащихся машин.

Моя жизнь очень изменилась. Года прибывают, сил и здоровья меньше. Игорек пошел в школу и еще берет уроки фортепиано. За год он сделал большие успехи, у него оказался неплохой слух, чувство ритма...

*И. Ф. Стравинский с женой и детьми Миленой и Святославом.
Голливуд, 1965 г.*

В первое полугодие 1966 года у Игоря Федоровича были концерты в различных городах США. В мае — Париж, Афины, Лиссабон. В июне — Париж и Нью-Йорк, в июле — трехнедельный фестиваль в честь Стравинского в Линкольн-центре в Нью-Йорке. В трех симфонических и в трех камерных концертах были исполнены главные сочинения основных периодов творчества композитора, а также произведения предшественников, оказавших влияние на творчество Стравинского, и произведения тех композиторов, на которых сказалось влияние Стравинского. В числе нескольких дирижеров был К. Кондрашин, «Симфонией псалмов» дирижировал автор. Во время фестиваля Игорь Федорович с Крафтом улетали на несколько дней в Голливуд, где тоже давали концерт. Это были последние выступления Стравинского в Нью-Йорке и в Голливуде.

Весь остаток 1966 года прошел так же активно. После передышки в конце лета, когда сочинялся «Реквием», опять гастроли по городам США, Канады, на Гавайях. Осенью И. Блажков получил письмо от Крафта, где тот сообщал, что Стравинские и он хотят приехать в Советский Союз. Я сразу написала Крафту, и у нас завязалась с ним переписка, продолжавшаяся два года и затем заглохшая: Роберт не ответил на мое последнее письмо в 1968 году.

Из моего письма Игорю Федоровичу:

22 ноября 1966 г.

...Спасибо добрым друзьям: вчера позвонил Игорь Блажков. Он только что получил письмо от Боба и поспешил сообщить мне о вашем намерении приехать на лето к нам и в Киев. Вот это новость! Если бы не телефон — я бы расцеловала Игоря. Он милый человек, что бы я без него делала! То он звонит, что в варшавском журнале напечатано о твоём летнем Нью-Йоркском фестивале; то о твоей жизни в новом доме и т. д. и т. п. Недавно я получила польский прошлогодний журнал с описанием

твоего пребывания в Варшаве. Перевел его, опять-таки, Игорь. Знаю теперь, как день за днем прошло ваше пребывание в Варшаве. Между прочим, первое известие о Нью-Йоркском фестивале пришло ко мне с Камчатки (вырезка из газеты).

Приезжала из Москвы и была у меня музыковед Ирина Вершинина, которая написала книгу о твоих первых балетах. Тут она работала в ленинградских книгозранилищах над твоими письмами. Я обещала подготовить ей кое-что из моих материалов.

Я обычно пишу тебе осенью, после нашей очередной летней поездки, когда есть что-то интересное рассказать. Нынче все полетело вверх тормашками. Вместо интересного путешествия в древние города и монастыри я серьезно заболела и провалялась два месяца. Оказалась стенокардия. Три недели лежала бревном от страшной слабости, удушья и тяжелых болевых приступов. Когда мне стало легче, мы поехали в Зеленогорск, в наш дом отдыха архитекторов. Шура много ходил по лесам, я — чуть-чуть, больше сидела на воздухе. Кругом пылала золотая осень всеми желто-красными оттенками, немыслимо-оранжевыми рябины и осины. Воздух чудесный! ..

Голливуд. 12 декабря 1966 г.

Дорогая моя Ксеничка,
на днях вернулся на неделю из концерт-тура, который мы продолжим до конца января. С любовью и со страхом читал твое письмо от 22 ноября. Пишу «со страхом», ибо был очень напуган твоей болезнью. Очень прошу, напиши сейчас, как теперь [себя] чувствуешь.

О себе (или вернее о нас) писать скорее сложно (слишком много подробностей, когда редко пишешь) — концерты, концерты, полеты, полеты... но за здоровьем слежу: доктора из-за моего полнокровия прибегли теперь к новому лечению лучами X (рентген), кот[орые] уменьшают количество белых кровяных шариков, доходивших до миллиона (полагается половина).

Вера тебе на днях тоже напишет, а я на этом должен покончить, ибо времени больше нет. Тебя крепко, крепко обнимаю и всех твоих.

Любящий тебя и постоянно думающий о тебе твой дядя Игорь.

Игорю Блажкову сердечный привет, также Юдиной, о которой больше не слышно. Почему?

(Напечатано на машинке, приклеена фотография Игоря Федоровича)

Из моего письма:

28 февраля 1967 г.

... Спасибо тебе большое за ласковое письмо с фотографией, которое я получила в конце декабря. Ты просил сразу написать тебе о моем здоровье. Я этого, правда, не выполнила, так как с сердцем у меня сейчас не так плохо. Но со здоровьем в эту зиму мне не везет. Выражаясь языком музыки, у меня нынче нет болезни-солиста, а имеется небольшой ансамбль из 6—7 болезней. Сильная ангина, 3 гриппа, несколько аккордов печени, 2 фортиссимо ударных (приступы многочасовых сердцебиений), скрипичные пассажи — мой радикулит, длящийся все время, и, наконец, бессонница — это, наверно, когда тухнет свет во время исполнения и монтер никак не может его наладить. Словом, эта «милая» сюита длится с декабря с двумя антрактами по 4—5 дней. Из-за болезни пропустила концерт Булеза и привезенного эстонцами «Царя Эдипа» в концертном исполнении. Обидно до злости! Сейчас у меня забота — быть здоровой к твоему приезду.

Как сейчас твое здоровье? И зачем это тебя лечат рентгено-терапией? Это такая коварная штука! Как теперь ведут себя твои лейкоциты?

Кстати, о статье в журнале «Америка», где написано о твоём прадеде, что он в 111 лет перелезал через забор. Эту ошибку сделал Роберт еще в своей статье в лондонском журнале «Энкаунтер» в 1963 году. Боб видел у меня фотографию глубокого старика 111 лет, твоего прадеда Ивана Ивановича Скороходова. А пугает Роберт этого старичка, умершего праведником, с Игнатием Игнатьевичем Стравинским, твоим дедом, умершим 84 лет. Вот этот, кажется, и был жизненным и греховодником. А в общем, может быть, я наивно обсуждаю то, что пишется исключительно для юмора, для красного словца.

Марию Вениаминовну мы слушали 5 января, после пятилетнего молчания. Играла она Бетховена, Шуберта и Мусоргского. Мы с ней много говорили о тебе. Ее отношение к тебе ты знаешь, но было много для нее горького. В двух словах не напишешь...

В 1967 году силы и здоровье Игоря Федоровича начали сильно сдавать. В первые четыре месяца были еще выезды в несколько городов США — записи и выступления. В марте приезжал из Женевы Федор. Он провел у отца 10 дней и нашел его очень постаревшим и слабым. Игоря Федоровича постоянно мучила спина, ухудшалось состояние ноги, он начал пользоваться креслом на колесах. В феврале появились головокружения.

В апрельском своем письме Роберт писал мне о готовящемся в издательстве «Бузи и Хоукс» факсимильном издании «Весны священной», о новой записи «Свадебки», о четвертом томе «Диалогов», уже в новом издании. Ничего из этих интереснейших вещей я, увы, не получила. Начиная с этого письма, Роберт присылал мне ответы на многие вопросы, которые я ему задавала. У нас готовился к изданию сокращенный перевод четырех томов «Диалогов» Стравинского — Крафта. Книга вышла в одном томе в 1971 году в Ленинградском отделении издательства «Музыка» в переводе В. А. Линник. Автор комментариев и именного указателя обращался ко мне с вопросами, часть которых я задавала Крафту.

17 мая 1967 года в Торонто состоялся концерт, на котором Игорь Федорович первый и последний раз в жизни дирижировал сидя. Это был его последний концерт.

Из моего письма:

7 апреля 1967 г.

... Мое последнее письмо очень задержалось, так как Милена сообщила, что вы уже уехали. Рождение у Китти дочки Светланы — радостное событие (и имя она ей дала русское). Я от души поздравляю тебя с появлением на свет маленькой правнучки...

2 июня 1967 г.

... Сегодня ко мне обратился профессор М. С. Друскин. Ты с ним встречался в Ленинграде в 1962 году. Он — ответственный редактор «Диалогов», однотомника с некоторыми сокращениями. Михаил Семенович просит тебя написать коротенькое обращение к советским читателям. Книга пойдет по всему Союзу, и будет так хорошо, если ей будут предпосланы твои непосред-

венные слова. Я тоже от себя очень прошу об этом. С подобным обращением в 1963 году вышла у нас твоя «Хроника моей жизни».

В своем апрельском письме Роберт написал, что возможно ты позвонишь мне в свой день рождения. Эта идея Боба очень счастливая, и я буду на седьмом небе, если она осуществится. Поскольку завтра я уезжаю на дачу, то 16-го приеду в город и с вашего утра до вашего вечера буду ждать твоего звонка. . .

Телеграмма.

Голливуд. 14 июня 1967 г.

Телефонный разговор откладывается так как в конце недели буду в путешествии письмо последует Стравинский

(Перевод с английского)

Голливуд. 12 июня 1967 г.

Ксеничка, родная, спасибо за письмо.

Я, к сожалению, не смогу 18 июня тебе отсюда телефонировать, ибо тут меня не будет: мы на несколько дней отсюда уезжаем, чтобы избежать многих визитов, телефонов, поздравлений и всяких обязательств, связанных с моим 85-летием.

Мой возраст разрешает мне не давать обещаний, в исполнении которых я не уверен; поэтому и ты сама не жди от меня известий, ибо не знаю, смогу ли я тебе написать письмо, которое тебя заинтересует: такое письмо берет время, а его как раз у меня нет.

По той же причине профессору Друскину не могу сочинить вступительную статью к «Диалогам», как он о том просит, очень сожалею и извиняюсь.

Всем твоим и Шуре сердечные поцелуи, а тебе кроме этого и объятия.

Твой дядя Игорь Стр[авинский]

Это было последнее письмо, которое я получила от дяди. . .

21 августа у Игоря Федоровича произошло язвенное кровотечение, его положили в больницу, где он пробыл две

недели. (Это было повторное обострение подобного рода, первое произошло еще в 1958 году.) Выздоровление шло медленно, из-за осложнения с загустением крови.

В середине октября в Голливуд приезжал П. П. Сувчинский. Лондонское издательство «Бузи и Хоукс», публикующее музыкальные произведения Стравинского, хотело снять микрофильмы со всех архивных материалов композитора. Сувчинский, самый большой и самый старый друг Игоря Федоровича, знал весь его русский период еще с 1908 года. Этому эрудированнейшему музыковеду, писателю, философу поручено было каталогизировать весь русский архив Стравинского со всеми его семейными и другими письмами, фотографиями, программами, вырезками из прессы. Для Игоря Федоровича было очень радостно повседневное общение со старым верным другом.

1 ноября — новая болезнь и угроза: гангрена пальцев левой руки. Опять больница. Причина в давнишней полицитемии, неправильное предварительное диагностирование и лечение. В результате загустения крови, в ноябре Игорь Федорович перенес три малых удара. Принятые в больнице методы лечения предотвратили ампутацию руки, и 28 ноября его выписали поправившимся. Но общее состояние его неуклонно шло к ухудшению. Ухудшался и слух, и зрение. При Игоре Федоровиче находились (по очереди) две медсестры для ухода и проведения процедур и упражнений.

Я еще продолжала писать дяде, по ответов больше не получала.

Из моего письма:

Декабрь 1967 г.

... У нас большая новость: месяц тому назад мы переехали на новую квартиру. Уехали из дома, где Стравинские жили 87 лет, а я с 1923 года (с приезда из Ялты). Правда, с 1942 года мы жили уже не в той 66-й квартире, а в соседней, бывшей Направника. Теперь у нас отдельная квартира, где живет только наша семья. Самое замечательное, что мы остались в своем

старом городе, в той его части, которая называлась Колодной, в 3-х кварталах от старой квартиры. Шура и Сева работали, как столяры, возводили полки для книг и папок, красили, прибивали. Сколько интересных семейных материалов, старинных бумаг было обнаружено.

Посылаю тебе фотографию с акварели моей мамы, рисованной в 1912 году из окна вашей квартиры 66. Это то, что ты описываешь в «Диалогах» (Литовская тюрьма). Я рассчитываю, что ее включают в издаваемый у нас том. . .

Февраль 1968 г.

...Сейчас известная музыковед Л. М. Кутателадзе делает книгу о дедушке Феде. Я очень рада, так как о нем давно и мало писали. У меня сохранилось много материалов о деду. . .

15 февраля 1968 года Игорь Федорович присутствовал на концерте Крафта в Окленде. 21 марта — в Фениксе, где смотрел «Похождения повесы»; оперой дирижировал Крафт. В мае Игорь Федорович присутствовал на концертах в Сан-Франциско, где пробыл 12 дней.

Я теперь узнавала об Игоре Федоровиче от Милены, Федора, от Крафта (до конца 1968 года) и изредка от Веры.

Из письма Милены Игоревны Марион:

Лос-Анджелес. 15 июля 1968 г.

...А папа бедный! Беда в том, что он уже почти совсем не может ходить! Он теперь еле-еле двигается. Доктора настаивают, чтобы он непременно старался как можно больше, много раз в день ходил бы по комнатам, даже в саду, конечно, с чьей-либо помощью. Но потому, что ему трудно и это его утомляет, он становится совсем ленивым и почти не ходит. Все сидит или лежит. Кроме того, у него спина стала болеть вокруг пояса. Как будто бы сначала было люмбаго, а потом радио[рентген] показал, что один позвонок. . . в плохом состоянии, потому что кость стала мягкой и она как-то села. Это часто бывает у старых людей. Для этого ему пришлось носить

специальный корсет, который держит спину ненадежно. Это только временно, приблизительно на три месяца, после чего доктор надеется, что кость укрепитя. Все это, конечно, ему очень тяжело и грустно.

Я сама уже давно ничего интересного не делала... Я к ним почти каждый день хожу после обеда... Теперь они, из-за здоровья отца, уже никуда не ездят, уже целый год, даже больше года. Приходится их постоянно навещать, чтобы развлечь их хоть немножко...

6 сентября Игорь Федорович присутствовал в зале Лос-Анджелесского музея на концерте «в честь Стравинского». 24 сентября, проведя две недели в Нью-Йорке, Стравинские и Крафт прибыли в Цюрих. После провели около месяца в Париже, несколько дней в Нью-Йорке и в начале декабря вернулись в Голливуд.

Из письма Федора Игоревича Стравинского:

Женева. 17 ноября 1968 г.

...Мы с Дениз провели несколько дней с ним в Цюрихе. Я не могу тебе описать его состояние, это душевнораздирающе! Он теперь пленник кресла и ассистирующей при нем медицинской сестры, потому что его бедное тело ему не подчиняется, иначе говоря, он больше не может теперь ходить, но его разум абсолютно сохранился. У него неизменно сохранилось его острое восприятие вещей, но это — восприятие страдания, не только морального, но и физического, он должен принимать успокоительные, которые изрядно действуют на сонливость. В Цюрихе они пробыли около трех недель и оттуда поехали в Париж. Вчера мы получили телеграмму от Веры, извещающую нас, что они летят обратно в Америку, в Голливуд, но на пути остановятся 8 дней в Нью-Йорке...

В октябре 1968 года в Москву приезжал Николай Набоков — композитор, музыковед, друг Стравинских и встречался там со многими нашими музыкантами — друзьями

*П. Ф. Стравинский
с праправнучкой Светланой. 1968 г.*

Игоря Федоровича, в том числе с Кареном Хачатуряном и Игорем Блажковым. Последний рассказал, что Набоков навещал в Цюрихе Стравинских. Они хотят навсегда покинуть Голливуд и водвориться в Европе, для чего приехали в Швейцарию. Я знала, в каком сейчас состоянии дядя, и с болью понимала, что у меня нет больше шансов когда-нибудь увидеть его. Но Швейцария! В начале ноября я написала Роберту, просила сообщить подробности и мотивы переезда Стравинских. Написала ему, что я все еще не переставала думать о встрече с Игорем Федоровичем у нас. Сейчас это, конечно, отпадает. Значит, только если мне приехать к нему в Швейцарию. В Америку было бы для меня невозможно (большие деньги, незнание языка). Просила написать, насколько это реально и хотят ли дядя и Вера, чтобы я навестила их. Ведь Игорь Федорович уже перестал писать, Вера писала редко.

В октябре 1968 года я вновь написала дяде:

... Как бы мне хотелось навестить тебя. Я очень грущу, что так давно тебя не видела... Я уже вынула карту Швейцарии, фотографии Цюриха и мысленно брожу по этим местам. Роберт прислал мне книгу о тебе «Браво Стравинский»¹ (альбом фотографий.— К. С.). Я погуляла по твоему дому в Голливуде, посмотрела, как ты работаешь, рассматриваешь Верины этюды...

Сейчас вовсю идет работа над книгой о твоём отце — дедушке Феде. Два автора проделали огромную работу, разыскивая различные материалы, письма, рисунки во многих рукописных хранилищах Ленинграда и Москвы. Найдены интересные письма Стасова, Римского-Корсакова, Направника и др. Много ценного почеркнуто из моего архива. Какой это был гениальный артист, образованнейший человек, замечательный рисовальщик...

В этом же письме я спрашивала Веру Артуровну:

... Узнала через третьи руки от Набокова, что вы в Швейцарии. Я совершенно поражена. Чем это вызвано? Рекомендациями врачей или желанием переехать в более родную обстановку?...

¹ Bravo Stravinsky. The World Publishing Company Cleveland and New York, 1967.

В конце ноября от Крафта пришло письмо из Голливуда. Они действительно планировали переезд в Европу, но план отпал, когда они узнали, как дорого будет купить дом и как трудно переехать. Далее Роберт писал, что дядя был бы счастлив принять меня в любое время, что он всю зиму будет в Голливуде и пришлет деньги на дорогу. В Нью-Йорке меня встретит кто-нибудь из Юрок-офиса, так как там все говорят по-русски. Просил узнать, какие потребуются формальности, на чье имя нужно адресовать приглашение. Выяснив все необходимые подробности, я сразу послала Игорю Федоровичу ответ:

Декабрь 1968 г.

...Роберт сообщил мне потрясающую вещь — что ты приглашаешь меня посетить вас в Голливуде. Не знаю, как и благодарить. Возможность повидать тебя вдруг принимает реальные формы. Я так взволнована этим, что еще не могу даже привыкнуть к этой мысли. Я выяснила необходимые формальности и пишу подробно обо всем этом Бобу. Сейчас очень многие ездят по приглашению к своим родственникам за границу, и существует специальное учреждение, занимающееся этими вопросами...

Из письма Веры Артуровны:

Голливуд. Декабрь 1968 г.

...Какая вышла путаница. Кто выдумал, что мы переселились в Швейцарию? Набоков? Он видел нас в Цюрихе и в Париже, и в New York, и, может быть, я сказала такую фразу: «хорошо бы иметь дом в Париже», о Швейцарии я никогда не говорила, потому что Швейцария скучная страна, мы попали на 3 недели в Цюрих, чтобы подышать свежим воздухом, как вы ездите в Крым или на Кавказ. Потом мы поехали в Париж, чудный красивый Париж, тоже на 3 недели, а потом домой через New York. Все это мы проделали, чтобы Игорь освежился бы после своей долгой болезни. Но он еще не в очень хорошем здоровье. Целый ряд недомоганий

его мучает. Доктора продолжают его навещать. Он, к сожалению, не мог наслаждаться Парижем, все больше сидел в *hotel*. Дома ему лучше, потому что больше ухода за ним — и сестра (медсестра. — К. С.), и секретарша, и Милена приходит помогать.

Я должна приняться за живопись, так как мне приходится отказывать все выставки. Я ведь целый год из-за болезни Игоря не работала. Дом у нас хороший, только друзей стало мало — все покидают *California* из-за плохого воздуха (туманы и *smog*). Зимой еще лучше, а летом невыносимая жара. Но где же жить? В больших городах всюду стало хуже.

Как устроить, чтобы ты могла нас навестить? Учись английскому языку, это всегда пригодится.

Я хочу скорее отправить это письмо, поэтому кончаю крепкими поцелуями. Игорь и Боб часто говорят о тебе и поездке в СССР. До сих пор вспоминают всякие подробности...

Я еще не успела прийти в себя от потрясения в связи с предстоящей поездкой в США (хоть и читано и слышано столько об Америке, но волновали необычность ее жизненных темпов, совсем чуждый русской душе образ жизни и мышления и, главное, незнание языка), как пришли известия о новых болезнях Игоря Федоровича.

Из письма Милены:

Лос-Анджелес. 3 марта 1969 г.

...Вначале я была так рада, получив твое письмо, где ты говоришь, что возможно приедешь в Лос-Анджелес по приглашению папы и Веры. Я так радовалась, что наконец узнаю тебя.

Но вот теперь я даже не знаю, когда и как это будет возможно, потому что папа чувствует себя плохо, он был очень болен после возвращения их из Парижа, и неизвестно даже, останутся ли они тут. В декабре

у него был опоясывающий лишай. Это очень сильное воспаление нервов, вызывающее появление сыпи вокруг поясницы и на спине. Это очень болезненно, длилось несколько недель и совсем его разбило. Все это его очень обессилило, он совсем подавлен, почти ничего не ест, и требуется много заботы, чтобы вернуть ему силы.

Затем в январе у него сделалась закупорка артерий левой ноги. Нога сильно болела и стала совершенно белой и холодной. Врач, специалист по сосудам и кровообращению, сделал инъекции непосредственно в артерию ноги, чтобы растворить сгустки крови и этим спасти ногу. Но вся эта процедура чрезвычайно утомила отца, который уже был очень слаб. Были дни, когда папа совершенно ничего не говорил. Он совершенно не может ходить, и его нужно почти нести.

Ты видишь, милая Ксения, какой сейчас никуда не годный момент. Вера очень устала от всего этого, и я думаю, что сейчас навестить их — совсем не время. Папа и Вера хотели опять ехать в Европу. Отец думает, что в Европе он будет лучше себя чувствовать, потому что все друзья, которых он любит, находятся в Европе. Здесь нет почти никаких интересных ему лиц. Итак, надеются, что он наберет достаточно сил и его можно будет повезти в Европу. Но дату предвидеть почти невозможно, так как состояние все время меняется. Один день у него чуть-чуть лучше аппетит, он лучше ест, немножко больше говорит, и все мы полны надежды, что он будет поправляться; а на другой день ему опять хуже, он даже не пытается говорить. Через несколько часов ему опять немного лучше. Эти перемены — все время. Но если ему действительно будет лучше и он поправится, то они уже наверно уедут сперва в Нью-Йорк, а потом в Европу. Вот Вера просила тебе все это объяснить, она так устала, что писать даже не может...

(Перевод с французского)

В апреле Стравинские приехали в Нью-Йорк, где Игорь Федорович присутствовал на посвященном ему торжестве в университете Стони Брук. 27 апреля он последний раз появился в концертном зале. В мае Игорю Федоровичу стало совсем плохо. Болезни нарастали. Из письма Милены:

Лос-Анджелес. 18 июня 1969 г.

... Когда папе стало лучше, они решили ехать в Нью-Йорк и отправились туда 20 апреля. Действительно, общее состояние отца было лучше, но нога — не очень. Как я тебе писала, у него был сгусток крови в артерии ноги — закупорка, и это вызвало инфекцию в палец ноги. Через 10 дней по приезде в Нью-Йорк инфекция обострилась настолько, что стало необходимым оперировать отца. 3 мая его поместили в больницу. Операция длилась 3 часа. . . Отца, конечно, усыпили, и он очень хорошо перенес эту операцию. Но назавтра пришлось сделать вторую операцию, так как обнаружили второй сгусток и нужно было переместить нерв, который давил на вену и задерживал кровообращение. Эта вторая операция длилась тоже 3 часа!

Папа хорошо перенес и эту вторую операцию, но это был очень большой шок, и физический, и моральный. Первые дни после операции папа как будто поправлялся хорошо, а потом улучшения не последовало, и он до сих пор, вот уже три месяца, как в больнице. Он почти ничего не ест, невероятно слаб, ничего почти не говорит, и силы к нему возвращаются крайне медленно.

Вера еще не теряет надежду поехать в Париж, если папа выздоровеет, так как таков был их проект в прошедшем апреле. Боб, пока у него еще нет времени писать, попросил секретаршу Мерилин. . . написать тебе, чтобы рассказать вкратце, что произошло, и она сказала мне, что написала тебе. . . (письмо это я не получила. — К. С.).

19 июня. Вчера Вера мне звонила из Нью-Йорка. Все рады, что папа дома, но он страшно слаб. Он все время молчит и совершенно не может ходить. Я надеюсь, что папе будет лучше, но, откровенно говоря, у меня на это слабая надежда. . .

(Перевод с французского)

В больнице отца навестил его младший сын Святослав. Встревоженный Федор тоже хотел прилететь из Женевы, но врачи просили повременить, так как боялись эмоционально перегружать тяжелобольного.

Из письма Веры Артуровны:

Нью-Йорк. 28 июня 1969 г.

... Вот уже два года, что он все болеет то одним, то другим. Когда мы в прошлом году вернулись в Hollywood из Парижа, у него сделался лишай. . . Это очень болезненно, даже для молодых людей, потому что затрагивает концы нервов, но это он пережил. «Что будет теперь?» — спрашивали доктора, потому что Игорь не выходил из болезней. И что же — левая нога закупорилась, то есть прекратилось кровообращение из-за сгустка крови, и доктора очень забеспокоились, говорили мне, что такого рода закупорка кончается ампутацией ноги. Они вливали прямо в артерии специальное лекарство, и нога потеплела — а то была ледяной. Когда было настолько лучше, что Игорь мог передвигаться, мы поехали в New York, где очень хорошие доктора, а потом решили поехать либо в Швейцарию, либо в Париж. . . Не тут-то было — у Игоря началось воспаление в пальцах ноги, которое превратилось в гангрену, и его отвезли в госпиталь и ночью же оперировали, вытащили все кровяные сгустки из артерии и на второй день опять оперировали — хирург был замечательный. Таким образом спасли ногу. Все доктора изумились, как Игорь хорошо вынес операции, которые каждая продолжалась 3 часа. Семь недель в госпитале, и наконец его перевез-

ли в Hotel Pierre, но он еще очень слаб и беспомощен, день и ночь у него сестры. Уход за ним хороший, но что можно сделать с человеком, которому 87 лет и кот[орый] перенес столько болезней.

Я тоже скисла за это время. Мое сердце стало шалить, и мне прописан отдых, не волноваться, не курить и не пить. Легко сказать!

Скоро мы вернемся домой... Надеюсь, мы долго там не останемся. Игоря и меня тянет в Париж. Если он окрепнет, может быть, и поедем, но все это мечты...

Мне приходится теперь заниматься всеми делами, иметь все деловые разговоры с адвокатами, агентами и т. д. Боб мне очень много помогает, потому у нас так мало времени на письма...

11 июля 1969 года Стравинские вернулись в Голливуд, где прожили два месяца. Силы у Игоря Федоровича, видимо, восстанавливались, хотя опять произошел сильный подъем температуры с отеком легких. Врачи считали, что открылись старые туберкулезные очаги. В сентябре они навсегда покинули свой дом в Голливуде и уехали в Нью-Йорк. 14 октября переехали из гостиницы в апартаменты в Эссекс Хаус, где они прожили почти до самой кончины композитора.

В бытность Стравинских в Голливуде Милена Марион постоянно бывала в доме отца, а при его болезнях ежедневно приходила помогать ухаживать за ним. Игорь Федорович называл добрую, заботливую, боготворившую отца дочь своим «ангелом-хранителем». Ее муж Андре помогал своему тестю по бухгалтерской части. Между ними были также самые доброжелательные и сердечные отношения. У Андре хранился ключ от сейфа с драгоценными рукописями Стравинского.

Когда Стравинские переехали в Нью-Йорк, они стали пользоваться услугами нового адвоката (т. е. поверенного в делах) Вейсбергера. По-другому сложились и отношения с четой Марион. Дом и часть имущества были проданы. Из Голливуда, друзьями Стравинских,

были перевезены в Нью-Йорк все архивы, библиотека, манускрипты и имущество. Марионы не принимали в этом участия.

Из письма Милены Марион:

Лос-Анджелес. 30 декабря 1969 г.

...Месяц назад Федор приезжал в Нью-Йорк навещать отца, и это благодаря ему мы имеем о папе известия. У него теперь совсем парализованы ноги, он совсем не ходит и не может даже стоять без помощи. Он сидит в кресле на колесах, почти ничего не говорит и не потому, что не может, но, видимо, от подавленного состояния и сильной меланхолии. Он совсем плохо слышит, спит почти весь день. Между тем у него еще ясное сознание, но он не может проследить разговор целиком, не может больше связать его отдельные части. Он отдает себе прекрасно в этом отчет, что заставляет его очень страдать. Папа сильно теряет память, он сейчас же забывает, что только что происходило. Когда кто-нибудь его навестит, он уже на другой день об этом не помнит. Прошлой зимой, ровно год тому назад, приезжал его навещать Сулима (сын Святослав.—К. С.). Но уже спустя несколько дней после его отъезда папа все полностью забыл и не мог вспомнить про посещение своего сына...

(Перевод с французского)

Из письма Федора Стравинского:

Женева. 27 января 1970 г.

...Несколько слов об отце: я гостил у него в Нью-Йорке две недели в ноябре. Они теперь совсем покинули Голливуд (продают дом) и поселились временно в Нью-Йорке, на год наняв квартиру в отеле. Из Нью-Йорка в Париж ведь теперь 7 часов полета. А Вера и Крафт ждут не дождутся лететь в Европу, как только это будет папе возможно... Что касается папиного здо-

ровья, его крепкая физическая конституция и великолепное сердце помогли ему оправиться после его тяжелых прощелогонных операций — хотя все это, разумеется, относительно. Ходить он совсем уже не может и невыразимо худ и слаб. В таком состоянии, конечно, он требует непрерывного ухода. Чередуются днем и ночью около него 4 медсестры — уход первоклассный, и за это я Вере очень благодарен. Но главная беда в мозгу. Он все понимает и даже, бывает, в общем разговоре остроумное замечание вставит или шутку, но уже ничего не запоминает... Не может координировать все это в голове — и в этом он вполне сознателен. Это трагично. Конечно, в ежедневной жизни и делах никакой инициативы он уже иметь не может...

В январе повторилась блокировка кровообращения в ноге, вскоре успешно устраненная введением медикаментов. В начале апреля радио принесло очень тревожное известие о тяжелой болезни Игоря Федоровича. На мою телеграмму Вера Артуровна ответила письмом:

Нью-Йорк. 14 апреля 1970 г.

...Игорь все еще в госпитале, и не знаю, когда его выпустят. У него было начало воспаления легких, потом сердце устало, потом почки плохо работали и т. д. Бедный, бедный — он очень так ослабел и похудел. Мы собирались в Париж — и так все не выходит. Мы покинули навсегда Калифорнию... сняли маленькую квартиру в гостинице Esseks-House и пока что живем тут. Боб с нами и очень много помогает, без него я бы пропала, потому что я никогда не занималась делами, а теперь все на мне... Как твоя поездка в Париж? Когда ты поедешь? ..

В больнице Игорь Федорович пролежал с 6-го по 29 апреля.

Из письма Федора Стравинского:

Женева. 14 апреля 1970 г.

...Со стороны же папы довольно плохие известия: воспаление левого легкого, что в его возрасте и при общем его состоянии — очень серьезно. Вера писала, обещает держать нас в курсе дела. Получили от нее телеграмму, будто лучше. Если папа еще раз одолеет, а к тому же если доктора позволят, то они приедут в Париж, очевидно, во второй половине мая. Пока, конечно, никто ничего предсказать не может. . .

Федор и Дениз (только что перенесшие тяжелую болезнь и смерть матери Дениз) вылетели вскоре в Нью-Йорк к отцу, положение которого продолжало оставаться очень тяжелым.

В мае Игорь Федорович постепенно поправлялся, и 11 июня Стравинские, Крафт и медсестра Рита Христиансен улетели в Эвиан — фешенебельный курорт на французском берегу Женевского озера — Леман. Эта их поездка дала возможность осуществить мою последнюю встречу с дядей, так как в июне я тоже уезжала во Францию.

*Последние
месяцы
жизни*

И. Ф. СТРАВИНСКОГО

1970—1971 гг.

Летом 1970 года я уезжала в Париж. Меня пригласила семья троюродного брата Георгия Николаевича Елачича. Думаю, уместно рассказать вкратце об этой семье, так как она была самой близкой Стравинским не только по родственным связям. Родство идет от четырех сестер, урожденных Холодовских:

Марии Кирилловны, жены Гаврилы Трофимовича Носепко, матери Екатерины, первой жены Игоря Стравинского;

Екатерины Кирилловны, жены Николая Францевича Елачича;

Софьи Кирилловны, жены Александра Францевича Елачича;

Анны Кирилловны, жены Федора Игнатьевича Стравинского, матери Романа, Юрия (моего отца), Игоря и Гурья Стравинских.

Сестры Софья и Анна, погодки, были близки так, как бывают близки близнецы. Их дружба с самого раннего детства продолжалась всю жизнь.

Прадед Александра и Николая Елачичей — Лука происходил из славного хорватского рода, прибыл в Россию в 1742 году, стал военным врачом, участвовал в трех русских экспедициях в Китай. Его внук Франц Иосифович — профессор Казанского университета, видный врач, друг Лобачевского (крестившего половину детей Франца Елачича). За сыном Франца Иосифовича, Александром, и была замужем Софья Кирилловна.

Александр Францевич, юрист, основатель русского статистического комитета, музыкант-любитель с абсолютным слухом. Об этом дяде Александре Елачиче Игорь Федорович многократно вспоминал добрым словом в «Хронике моей жизни», в «Диалогах». Обросшие детьми, оба семейства по-прежнему оставались близкими друг другу. Все домашние события переживались сообща. Стравинские езжали летом в имение Елачичей — Павловку Самарской губернии, а также встречались с ними в Устилуге или Печисках — имениях двух других сестер Холодовских (у Стравинских имения не было).

Братья Стравинские и Елачичи, подрастая, виделись на семейных празднествах, играли, ставили летом спектакли, как водится, задирали более младших. Георгий Николаевич, внук Александра Францевича Елачича, в 1916 году юнцом попал на войну, а затем в Париж. Это уже третье поколение дружественной «ниточки», которая протянулась теперь и на четвертое.

Перед выездом в Париж я встретила в Москве с Кареном Суменовичем Хачатуряном. Он знал о желании Стравинских переехать в Европу и поручил мне переговорить с Игорем Федоровичем — предложить ему переехать на свою родину. Это исходило, конечно, не лично от Карена Суменовича, а от руководящих организаций, чьи пожелания он мне передал. Стравинского так радушно принимали на родине в 1962 году, он был этим тогда по-настоящему счастлив. Теперь ему могли бы предоставить самые благоприятные условия: он сможет поселиться, где захочет, его будут обслуживать лучшие медицинские силы. Я ответила К. Хачатуряну, что все это не реально. Насколько я знаю из писем близких и от тех, кто видел Игоря Федоровича, он находится сейчас в таком состоянии, что уже не может решать подобные вопросы, а «alter ego» композитора — американца Крафта, неизменно находящегося при Стравинских, — конечно, не устраивает переезд в чужую иноязычную страну. 14 июня 1970 года я приехала в Париж, где провела три летних месяца. От Сувчинского узнала, что Стравинские уже в Эвиане. Петр Петрович и его обаятельная жена Марианна Львовна (племянница Тамары Карсавиной) приняли меня с большой сердечностью как соотечественницу и представителя близкой им семьи. Сувчинский, о котором я уже была хорошо наслышана, при свидании оказался очаровательным человеком, душевным, умным, интересным. В ближайшие дни он собирался поехать в Эвиан и обещал договориться с Верой Артуровной о моем визите к ним. (После возвращения в Ленинград и по сей день мы состоим с Петром Петровичем в переписке, очень ценной для меня.)

Мое недолгое пребывание в Париже было насыщено ярчайшими впечатлениями, эмоциями, открытиями, встречами.

Встретиться со мной из Женевы приехали Федор и Де-пиз. После шестилетней переписки, душевно нас очень сблизившей, мы наконец увидели друг друга. Конечно, вспомнился 1925 год, когда между Федей и моей сестрой Таней загорелось юпошеское чувство, которое быстро пришлось потушить. Милый пожилой Федя сразу стал для меня совсем родным.

Встретилась с младшим Игоревичем — Святославом, проездом паходившимся в Париже. На русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа посетила могилы бабушки, тети Кати, Мики Стравинских.

Из Эвиана вернулся Сувчинский. Проведя у них несколько часов, я узнала много подробностей о состоянии и положении Игоря Федоровича. Составитель и редактор готовившейся в Лепинграде книги о Федоре Игпатьевиче Стравинском поручили мне привезти от Игоря Федоровича обращение к советским читателям. Был даже составлен небольшой текст этого обращения, чтобы Игорь Федорович, прочтя, хотя бы подписал его. Но Петр Петрович, которому я об этом говорила, сказал: «Не советую, текст для него слишком сложен. Ограничьтесь самыми скуными словами — „Радуюсь появлению этой книги“».

15 июля мне позвонила Вера, и через три дня я уехала в Эвиан. За этот месяц во Франции столько было увидено и пережито! Я готовилась рассказать дяде о моем путешествии по Луаре, где побывала в 12 городах, осматривая их знаменитые замки. Это путешествие осуществилось благодаря доброй фее, моей племяннице Наташе Елачич, возившей меня повсюду на своей машине. О вечере, проведенном в обществе Сергея Лифаря и заполненном его увлекательными рассказами о жизненных коллизиях, рассказами, переданными с фонтанирующим темпераментом. О многом еще. Готовилась поведать, но... не пришлось. Хотя письмами близких, а

И. Ф. Стравинский и Н. Н. Сувчинский. Эван, 1970 г.

затем рассказом Сувчинского я была подготовлена ко многому, но встреча с дядей меня глубоко потрясла. Каждый вечер из четырех дней, проведенных в Эвиане, я записывала все услышанное и увиденное. Вернувшись в Париж, я сразу заполнила подробностями свои свежие впечатления только что пережитого.

Выехала я из Парижа в 9 утра. Бургундия, тоннели. Дижон — готический собор. Широкая Сона. После Бурга пачипаются горы Юра́, похожие на крымские, по выше. Маленькие станции, городки. В Клузе стояли долго — переформировывался состав на три направления. Рона — вода в реке красивого мутно-зеленого цвета уходила раньше под землю, теперь построили плотину...

Бельгард, стоянка 40 минут. Альпы — совсем как на маминых этюдах Давоса. Горный хребет Альп с Монбланом в облачке вдаль, скалистые уступы, лежащие подчас косыми складками. Дома с высокими крышами, увитые диким виноградом. Ехали вдоль границы Швейцарии, огибая западную ее часть. От железной дороги Швейцарию отделяло только шоссе с вереницей автомобилей. Швейцарские флаги у таможен и много, много тоннелей. Милые попутчики — французская супружеская чета — дорогой все мне рассказывали и объясняли. Эвиап. 17 часов 22 минуты. На маленьком вокзальчике меня встретили Вера и Крафт. Вера Артуровна за эти годы, конечно, несколько постарела. У нее модная прическа — полудлинные светлые волосы, огромные серьги, ярко-красное с белым платье, на шее алый шарфик и много бус. Веки подкрашены голубым. Роберт мало изменился. Встречали они меня на привезенном из Америки их роскошном «Линкольне». (Из Гавра в Эвиап машину переграла гостившая у них приятельница.)

Прошли с Верой к Игорю Федоровичу в его комнату в первом этаже по французскому счету (у нас этот этаж считается вторым). Игорь Федорович сидел в глубоком кресле около окна-двери на балконе. С волнением я подошла к нему. Дядя производил очень тяжелое впечатление. Неимоверно худ, прозрачен. Нос казался большим, и губы как-то собраны. Особенное волнение вызывали его глаза; в прошлую с ним встречу в 1962 году — глубоко глядящие, даже часто сверлящие, а в интимной беседе смягченные, но всегда зоркие. Здесь же в его общем облике самое впечатляющее (для меня даже страшное) было не это безмерно слабое, прямо-таки — выражаясь блокадным языком — дистрофичное, почти бесплотное тело («кожа да кости»), не его разрывающая сердце беспомощность, нет — прежде всего его глаза. Это были глаза человека словно из иного мира. Эта мысль неотступно преследовала меня. Он сидел с нами, но его как бы не было. Иногда, когда к нему обращались и задавали вопрос, взгляд его как-то возвращался, делался

мучительно напряженным и после короткого ответа очень тихим голосом опять растворился, погасал и ух-дил куда-то в небытие.

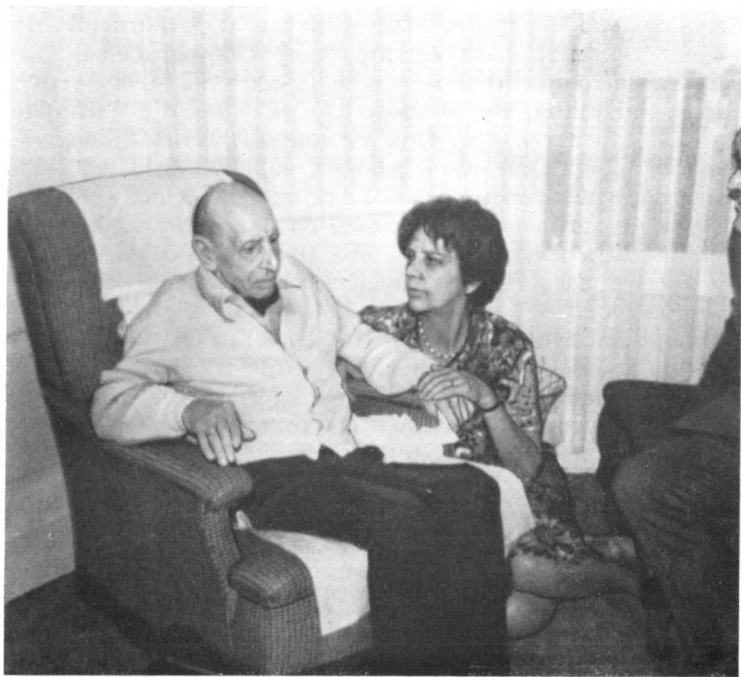
Меня он узнал, что-то вроде слабой улыбки скользнуло по лицу, ответил поцелуем на мой двукратный поцелуй. Я ему говорила о своей радости видеть его, о том, как мне повезло, что мы оба во Франции. Он молча, сосредоточенно смотрел на меня. Еще по пути с вокзала в машине Вера мне говорила, что Игорь Федорович знает о моем приезде и, при своей почти полной молчаливости, спросил: «А кто ее встретит?»

Роберт и Вера начали что-то рассказывать, оживленно улыбаясь. Боб выяснял родственные взаимосвязи с пригласившими меня Елачичами и еще что-то. У дяди опять стал отсутствующий взгляд. Несколько раз я к нему обращалась, держа его холодную ручку в своих руках. Он как-то теплел, но ничего не отвечал.

Зашел разговор о фотографиях. Тогда Роберт попросил медсестру Франсуаз сделать несколько снимков. Дядино кресло было низкое, я села на ковер рядом с ним. Фотографии получились хорошие.

Мы продолжали беседовать, иногда обращаясь к дяде. Он переводил на говорящего напряженный взгляд, молчал и опять уходил в себя. Подойдя к нему, Крафт поцеловал его, погладил по голове. Дядины губы дрогнули в полуулыбке. Роберт вышел, а мы с Верой посидели еще с полчаса у дяди. Подошла медсестра, и мы тоже ушли.

Приехав в гостиницу, я заполнила карточку, где были вопросы: откуда я приехала и где постоянное место жительства. Выпколенный персонал не позволил себе никаких любопытных рассматриваний, но боковым зрением я часто ловила на себе пристальные и любопытные взгляды. Видимо, советская женщина в отеле «Руаяль» — явление уникальное. (Ведь наши туристы и отдельные деловые люди, конечно, не останавливаются в этом, одном из самых шикарных курортных отелей Франции.)

И. Ф. и К. Ю. Стравинские. Эвиан, 1970 г.

Вера была со мной очень мила, провела в приготовленный для меня номер. Огромное окно-дверь на балкон с видом на Женевское озеро. На противоположном берегу Лозанна, левее Морж, Нион, видны разбросанные домики. Туда идет парходик, минут за двадцать можно добраться. Сожалею, что не могу — Швейцария, а у меня виза только французская.

За Игорем Федоровичем ухаживали в очередь три медсестры. Одна из них датчанка Рита, приехавшая с ними, две другие, швейцарки, приглашенные Дениз, приезжали из Женевы на своих машинах, дорога занимала час.

Перед ужином в столовой у Стравинских нам подали аперитив. Пришел официант Марсель — элегантный, изысканно светский, в белоснежном пиджаке, постоянно обслуживавший в отеле Стравинских. Красивый высокий мужчина лет тридцати пяти, он, все время весело улыбаясь, поговорил сначала о меню, а потом начал со мной светский разговор.

— Мадам говорит по-французски?

— Достаточно плохо, но тем не менее говорю.

— Что вы, мадам! У вас замечательное произношение, совсем французское.

— Ну, это вы делаете мне комплимент.

Потом стал задавать мне вопросы, вроде:

— Какие у вас гостиницы? Много ли их?

— Да, конечно, есть много новых и очень хороших.

— Да, но я слышал, что там приходится очень долго ждать, чтобы попасть в них.

— Я этого не знаю, так как живу в Ленинграде у себя дома.

— У вас в России есть такой замечательный клоун Попоф и прекрасные хоры, где танцуют: Пятницки, Березка.

В дальнейшем, подавая за столом, то есть ухаживая за сидящими, он всегда улыбался, блистая белоснежными зубами, сверкая глазами, вставляя остроты и шутки. Помощником ему служил прелестный мальчик, лет шестнадцати. У него была матово-смуглая кожа, мягкие тонкие черты лица и чудесные черные, удлиненной формы глаза. Это был итальянец, он хорошо говорил по-французски, приехал на летние заработки.

Ужинать пошли в ресторан. Отель «Руаяль» постройки девятисотых годов комфортабелен, удобно распланирован.

Внутренняя отделка комнат, салонов, холла, ресторана — все в стиле «модерн» начала века. Шахта небольшого старомодного лифта щедро украшена вычурными завитушками. Когда щелкает, приоткрываясь, его дверь, на лице лифтера немедленно возникает (правда,

без щелчка) механическая улыбка и сохраняется, пока ты не покинул лифт. После этого улыбка тут же исчезает.

В роскошный ресторан собирается публика отеля. Дядино кресло везет другая, только что сменившаяся, сестра Рита, — красивая молодая датчанка. На ней черное бархатное платье с большой сверкающей пряжкой; обнаженные руки, глаза, подведенные голубым, длинные светлые волосы, подхваченные сзади, распадаются по плечам. Ну совсем кинозвезда!

Игорь Федорович сидит отсутствующий. Ему дают скотч, суп, к которому он еле притрагивается. В ресторане много публики — пожилые и старые, толстые и скорбленные, изредка молодые. У дам прекрасно сделанные прически, у многих дорогие меховые палантины и жакетки, драгоценности. Все официанты в черных фраках. Юных нет. Тут, видимо, требуется зрелая квалификация и мастерство. У огромной входной двери, как дирижер оркестра, стоит метрдотель — распорядитель ужина. Он сам ничего не подает, иногда дает какие-то указания официантам, изредка подойдет к сидящим, подаст какой-то знак. Все, что происходит в этом зале и, в частности, вокруг нас — священнодействие. Четверо обращенных мужчин, улыбаясь, страшно почтительно и угодливо подливают вино, как только ты отхлебнул от бокала, подносят разные блюда, соусы, гарниры. Каждое твое движение руки за чем-нибудь встречает моментально угодливую реакцию официанта. Пулярка расчленяется и накладывается рядом на специальном столике на колесах. Это тоже какой-то священный акт. Вероятно, ученые так же раскрывают очередной найденный кумранский свиток.

Ужин идет к концу. Подают землянику с мороженым. На дядю больно смотреть. Он шепчет: «Хочу домой». Вера спокойно гладит его руку, греет в своей: «Мы скоро пойдем, посиди здесь с нами еще немного». Кто-то за соседним столиком на него смотрит. Рита увозит его из зала.

*И. Ф. Стравинский с сыном Федором.
Зимин, 1970 г.*

Вера Артуровна рассказывает, что Рита очень мила, дядя к ней привык, они ею очень дорожат, хорошо платят, привезли с собой, и она живет в этом же отеле. Рите скучно, она хочет вернуться, но Вера ее всячески удерживает и подарками, и большим жалованьем. Прощаясь, с ней целуются. После ужина сидим около часа у Веры в их апартаментах из четырех больших комнат. При каждой комнате своя ванная. Все в отеле их знают,

и персонал, обращаясь, прибавляет к традиционным мадам, месье — их фамилию.

19 июля. В это утро приехали Федя и Дениз и повезли меня в гости к Монблану, в Верхние Савои. Дорогой Федя рассказывал о местах, которые мы проезжали. Город Тонон, река Дранс, городки Аннемас, Боннвиль. Дорога вьется все выше, и вот они, Альпы! Совсем близко! Река Л'Арв, горная, стремительная, очень холодная, вытекает из ледника на склоне Монблана и впадает в Рону у самого ее истока из Женевского озера. Теперь белая гряда Альп — Монблана все время перед нами с правой стороны. Дорога идет вдоль горного края, то отдаляясь, то вплотную приближаясь к нему. Временами отвесные скалы высятся у самой дороги. Вдали виден водопад, низвергающийся с отвесной скалы. Вода летит по воздуху, распыляясь, и только ниже, падая на камни, растекается струями. В стороне остается Сен-Жерве, где кончается железная дорога Париж — Сен-Жерве. Высота Монблана почти пять тысяч метров. Недавно под ним прорыт тоннель от Шамони в Италию, длиной 12 километров. На машине 20 минут езды. Около Пасси дорога идет уже круто вверх серпантинном.

Асси. Много машин и туристов. Дома с деревянными вторыми этажами с сильно выступающими карнизами. Такие дома попадались и в других горных местностях. Крутые улочки и магазины везде с большими витринами из цельных стекол. В центре церковь очень современной архитектуры, выстроенная лет 15 назад по инициативе одного кюре, пожелавшего заменить старенькую церковь современной. Живопись, фрески, мозаику, витражи, скульптуру поручили очень крупным художникам, принадлежавшим к разным вероисповеданиям, вплоть до иудейского. Все это было очень смело и вызвало много разнотолков. Строили ее архитекторы Наварина и Мало, а в росписях и отделке принимали участие Матисс, Боннар, Леже, Люрса, Шагал и др. Внизу в крипте две мозаики Федора Стравинского. Мы с интересом осмотрели эту необычную церковь.

В Асси Монблан совсем близко. Ведь мы на высоте 1500 метров. Едем дальше по городу Асси, подъезжаем к санаторию Сансельмоз — туберкулезной лечебнице европейского значения. Здесь в 30-х годах находились на излечении все члены семьи Стравинских (кроме Федора): Екатерина Гавриловна, Мика, Светик, Милена, Игорь Федорович, у которого в 1939 году была тяжелая открытая форма туберкулеза, и Дениз.

Едем выше, потом пешком спускаемся в лощину, к живописному озеру, небольшому, но глубокому с изумрудной водой. Большие камни в озере и вокруг него, огромные сосны с корнями, как осьминоги, обволакивающими эти камни. Весь этот ландшафт создает немного мрачный, но выразительный колорит. Пора возвращаться. Впечатление от Асси двойственное — очаровательный город, но город санаториев и туберкулезных больных.

На обратном пути зашли в ресторанчик поужинать. Наступают сумерки. Монблан еще долго сверкает, тогда как тени начинают заволакивать подножие гряды. Белая вершина постепенно розовеет, затем понемногу тускнеет, но еще долго светится наверху. Дорогой стало уже совсем темно. Проезжаем те же городки, освещенные фонарями, с яркими, сияющими витринами, веселыми красочными рекламами. Дорога вьется, бежит вдоль темных скал и черноты деревьев. В 11 часов были в Эвиане. Прощаемся с Федей и Дениз, целуемся, что-то еще вспоминаем, зовем приехать друг к другу. Еще поцелуи. . . Прощание надолго? Может быть, навсегда. . . 20 июля. С утра дождь, озеро в тумане, не видно даже берегов. Приехала Китти с дочкой Светланой, и мы поднялись ко мне наверх. Китти очень милая, нежная, хорошенькая, она только что вернулась с дочкой с Корсики, загорелая и довольная проведенным отпуском. Двух с половиной годовалая Светлана, здоровенькая и живая. Разговаривали с часок по-французски. Потом пошли поздороваться с дядей и Верой. По-видимому, Игорю Федоровичу была приятна встреча с внучкой и правнучкой.

И. Ф. Стравинский с сыном Федором. Эвиан, 1970 г.

К двум часам Китти уже надо было быть на работе, и она уехала на своем выдавшем виды автомобиле в Женеву.

Это мой последний день в Эвиане. Назавтра я уезжаю в Париж. Днем Вера Артуровна подробно рассказывала о своих взаимоотношениях с детьми Игоря Федоровича, о младшей Милене. Ей с мужем очень трудно жилось во Франции, и весной 1947 года они переехали поближе к отцу в США. С ними прибыла и Мадюбо (Нина Свистальская), бывшая няня, с 1917 года воспитывавшая детей Стравинских. Отец выписал их в Калифорнию, Вера приискала им и помогла отделать небольшой дом. Милена зарабатывала шитьем, вышивкой для театра, пока ее муж Андре не устроился на службу. Говорили

и о сыновьях Игоря Федоровича. Стравинские покинули Голливуд из-за ставшего отвратительным воздуха — «смога», из-за обосновавшихся поблизости хиппи, поэтому же все близкие и интересные им знакомые и друзья тоже разъехались. Потом, в Нью-Йорке гораздо лучше врачи. У Игоря Федоровича уже тогда не было нормального кроветворения, и ему каждые три дня делали вливание крови. И здесь, в Эвиане, его возили два-три раза в неделю для этой процедуры в город Тонон, где находилась очень хорошая больница.

Дальше зашел разговор о жизни Стравинских в США. Апартаменты, снятые в Нью-Йоркской гостинице, очень дороги, расходов уйма. Вдруг Вера спросила меня:

— Как ты думаешь, где нам лучше поселиться насовсем? В августе мы уедем из Эвиана.

— Почему не во Франции?

— Жить падо, конечно, не в самом Париже, где очень людно и суматошно, а за городом не заполучишь врача. Там постоянные автомобильные пробки на дорогах, и врачи не хотят тратить часы на переезды за город. Видимо, мы поедем опять в Нью-Йорк, но это тоже нас не совсем устраивает.

Тут я передала Вере Артуровне свой разговор с Кареном Хачатуряном, как бы логично напросившийся на язык, хотя первоначально я и не собиралась о нем говорить. Мои слова, как и следовало предполагать, повисли безответно в воздухе.

Потом Вера спросила меня:

— Эта тема, которой тяжело касаться, но когда это случится... с Игорем... где похоронить его?

Мне стало не по себе, ведь дядя еще жив, но, паверно, так принято... Мгновенно появилась и ответная мысль. Я сказала:

— В России! Ведь он русский, его хотели пригласить павсегда переехать на родину. Если сейчас, ввиду его глубокой старости, это не удалось осуществить, то пусть он вернется в русскую землю. Для всей нашей русской советской культуры это будет колоссально важно.

— Ты думаешь? Мне это как-то никогда не приходило в голову.

— Я, когда вернусь домой, подниму об этом вопрос в Москве у Хренникова. У нас это смогут быстро решить.

— Да, поговори... Ты знаешь, хоть я и прожила 30 лет в США, но очень разочаровалась в Америке. Я не хочу, чтобы его там похоронили. Вот нынче, когда ему исполнилось 88 лет и мы получили несколько сот телеграмм и писем, только Голливуд не прислал ничего!.. Я думала, в Венеции... Там такое красивое поэтичное кладбище. Игорь так любил Венецию, столько его вещей впервые исполнялось в этом городе. Там похоронен Дягилев.

Я опять сказала про Россию и что, вернувшись, подниму этот вопрос. На этом печальный разговор о смерти закончился. Далее Вера Артуровна сказала:

— Голливуд мог бы дать улице, где жил Игорь 30 лет, его имя. Но им до этого нет дела.

— А кто купил ваш дом?

— Его купил, совсем задешево, какой-то случайный человек, который даже не отдает себе отчета, кто это Стравинский.

— А почему задешево?

— В Америке такие дома строят сроком на 30 лет. Этот дом уже технически состарился, амортизировался, к тому же внизу, под горкой, обосновался лагерь хиппи. Они курят марихуану, безобразничают, и в доме стало даже небезопасно, а мы так дорого за него заплатили — басейн, всевозможные усовершенствования на кухне и пр. За ужином в их апартаментах собрались вчетвером: Игорь Федорович, Вера Артуровна, Роберт и я. Мне хотелось побольше узнать обо всем, что касалось Игоря Федоровича и его творческого наследия. Говорили по-французски, Роберт с американским, я с русским акцентом. Если что-то было неясным, или хотелось точнее выразить свою мысль — с нами была «многоязычная» Вера, тут же переводившая. Дядя сидел с нами, но «отсутствовал» и только при заданном ему вопросе «возвращался» к нам и коротко, еле слышно отвечал. Общий разго-

вор шел как-то мимо него, и к этому Вера Артуровна и Роберт, видимо, уже привыкли. Роберт был оживлен, рассказывал о своей работе. (Как-то, зайдя в его комнату в отеле, я увидела, что вся она обложена листками рукописей, вырезками из прессы, журналами и пр. Ими были покрыты и столы, и вся огромная кровать, и Боб как бы плавал среди них.) Недавно английское издательство «Бузи и Хоукс» издало факсимильно рукописи «Весны священной». Крафт сейчас работает над подготовкой «Свадебки» для подобного же факсимильного издания. Он привез рукопись с собой и с восхищением показывал мне ее. Она написана в два цвета — черным и красным. Последним — французский текст и примечания. Мы внимательно рассматривали этот манускрипт. Роберт восхищался красотой написания рукописи. Нотный стан Игорь Федорович всегда пишет от руки, не употребляя покупной бумаги, так как ему приходится давать куски, или даже один такт на строчке. Изобретенное им приспособление для разлиновки было даже в свое время запатентовано. Все написано действительно очень точно, и вместе с тем не сухо-каллиграфично, а свободно и благородно.

— Как красиво! Это же Рембрандт! Как изумительно! Я вам пришлю непременно, когда выйдет.

— Вы даже свои «Диалоги» не могли мне прислать — четвертый, пятый и шестой тома, где же мне ждать это?

— Пришлю непременно.

— «Диалоги» моментально расходятся, — сказала Вера. — У меня самой нет всех «Диалогов» и «Браво Стравинский», приходят друзья и разбирают. (Обещанную книгу я так и не получила.)

После того, как Роберт восхищался рукописью «Свадебки», он встал, подошел к Игорю Федоровичу, погладил его по голове и поцеловал ее со словами:

— До чего же изумителен Стравинский!

Потом, желая его развеселить, сжал руки, как бы в рукопожатии автора к публике и, поднимая их справа и слева от головы, сказал:

— Вот как Стравинский делал, когда публика неистово его вызывала. Месье Стравинский, сделайте пам сейчас так!

Дядя едва слышно прошептал английские слова, которые мне перевела Вера, как «дайте чек». Вера и Роберт рассмеялись этой чисто американской шутке.

Крафт дал мне 5 листов пробных оттисков факсимильной «Свадебки» и две партитуры: «Заупокойные песнопения» и «Вариации памяти Олдоса Хаксли».

— Подпишите их, — обратился он к Игорю Федоровичу.

— Хорошо, — сказал дядя. Ему поудобней положили ноты, и он дрожащей рукой подписал их.

— Это вы передайте Блажкову, — сказал Роберт.

Разговор зашел о Шостаковиче. Я рассказала о знаменитом курганском враче, хирурге Илизарове, который вернул спорту Валерия Брумеля, в нескольких местах переломившего ногу, и теперь вылечившем Шостаковичу его больную руку, так что он теперь может играть. Я не сразу вспомнила фамилию Брумеля.

— Русский спортсмен, рекордсмен по прыжкам в высоту... ах да, Брумель!

Дядя тихо произнес:

— Брумель, это немецкая фамилия.

Роберт рассказывал о тысячах писем архива Игоря Федоровича, письмах многих знаменитых людей к нему, о десятках тысяч фотографий. Когда медсестра ненадолго увезла дядю в соседнюю комнату, разговор зашел о его плохом состоянии. Крафт убежденно доказывал, что у Стравинского хорошее сердце, что он совсем не так плох и что он все понимает. «Он не может работать, писать, это его удручает, даже злит. У него протест против всего и всех. Когда он лежал в больнице после операции, в мае 1969 года, как он был плох тогда, но только начал поправляться — занялся Бахом. Ему, возможно, не хотелось, чтобы последним был Реквием», — говорил Крафт. Разговор зашел о книгах, которые пишут о Стравинском. Крафт показал книгу Игоря Глебова (Асафьева), изданную в Ленинграде в 1929 году. Вся книга в помет-

ках, подчеркнутых фраз, восклицательных знаках. Надписи и ремарки сделаны на полях рукой Игоря Федоровича на русском языке. Поскольку Крафт работал над этим материалом, я не сочла удобным выписывать себе то, что прочла. Крафт хвалил книгу Вершининой «Ранние балеты Стравинского» («Наука», 1967) и говорил, что Стравинскому она очень понравилась.

Я рассказала Крафту, что в 1963 году, как я писала дяде, Игорь Блажков был в Устилуге. Он разыскал там стариков, которые помнили Стравинских и Белянкиных, работали у них. Блажков сделал много фотографий этих старичков, а также парка и дома, который уже совсем не похож на дом Стравинских, так как был капитально перестроен. В нем сейчас находится общежитие мелиоративной станции; посаженные вокруг деревья стали огромными.

21 июля. Сегодня днем я должна уезжать. Последние разговоры с Верой Артуровной об архивах Стравинского и их судьбе. Вот что я от нее услышала.

Все голливудские архивы, их 25 ящичков, находятся сейчас в Нью-Йорке в апартаментах, снятых Стравинскими. Там все его рукописи, бумаги, огромная его переписка со многими виднейшими деятелями. В 1968 году, когда Игорь Федорович уже болел, П. П. Сувчинский приехал в Голливуд, для встречи с ним и для выяснения судьбы архива. Он нашел архив в неразобранном виде, все было сложено «пель-мель»¹. Тогда он предложил организовать снятие фотокопий с рукописей и других материалов. Стравинский дал согласие, секретарь приводил в порядок архив. Приехали представители крупнейшей английской издательской фирмы «Бузи и Хоукс». Два месяца продолжалась эта работа. Фотокопии увезли в Лондон, где они и будут издаваться. П. П. Сувчинский составил программу и пишет вступление. «Бузи и Хоукс» организывает в Лондоне объединение по изучению и изданию творчества Стравинского. Русской частью

¹ Кое-как (франц.).

его будет заведовать Сувчинский; французской — известный ученый, сотрудник французской национальной библиотеки Лезюр; американской — Крафт.

Теперь Веру Артуровну интересует вопрос: кому передать (продать) архивы? Пять крупнейших библиотек, университетов Европы и Америки уже выражали желание приобрести их. Вопрос упирается в то, что это будет без права переиздания, так как это право получила фирма «Бузи и Хоукс». Вера имеет право «вето» — не печатать без ее разрешения. Такой контракт был составлен в Калифорнии. Издательство «Бузи и Хоукс» ничего не заплатило Стравинскому за фотокопирование архивов. Теперь нью-йоркский адвокат Стравинских поехал в Лондон, чтобы договориться об оплате того, что будет печататься.

Спустя некоторое время мы зашли к Игорю Федоровичу. Перед ним лежала книга Сименона. Вера Артуровна объяснила мне, что он очень любил этого писателя и уже неоднократно читал эту книгу. Сейчас читает очень медленно, по его это занимает. Я спросила, может ли Игорь Федорович подписать обращение к советским читателям для книги о его отце Федоре Стравинском. Эту короткую фразу мне заранее отпечатали еще в Париже, сделав на всякий случай четыре экземпляра. Я обратилась к дяде:

— Ты помнишь, я тебе писала, что выходит книга о твоём отце?

— Да, я это помню.

Я прочла ему фразу: «Радуюсь появлению этой книги».

— Ты не возражаешь подписать ее?

— Да, подпишу.

Под дядю подложили подушку, пододвинули к нему стол, сказали ему, что подписать надо по-русски, и он подписывал два раза — первая подпись вышла неудачно. Пришло время прощаться. Я приехала в Эвиан, чтобы

увидеться с Игорем Федоровичем, как я уже тогда понимала, в последний раз. Человек привыкает ко многому, если видит это повседневно, если увядание близкого происходит незаметно — постепенно. Но в такой короткий срок привыкнуть к этому было невозможно.

Этот отсутствующий дядин взгляд причинял мне все время острую боль. То, что он уже как бы не с нами, я ощущала всеми своими душевными фибрами. Ведь видела я его всего несколько дней, и первое впечатление было как шок. С большой грустью я целовала его и говорила:

— Я уже должна уезжать, я расскажу в России о нашей встрече, о тебе. Ведь тебя так любят и хотели, чтобы ты приехал к нам.

Он прошептал еле слышно:

— Я ведь был в Советской России.

— Но хотели, чтобы ты еще к нам приехал.

И опять так тихо, что я почти вплотную приблизила к нему свое ухо:

— Хорошенького понемножку.

Это были его последние слова, которые я услышала. Он ответил на мои поцелуи. Сознывая, что это уже прощание навсегда, с комом в горле я покинула его.

Еще полтора месяца прожив в Париже, я выехала домой. По пути, в Москве, позвонила К. Хачатуряну и рассказала ему о встрече с Игорем Федоровичем в Эвиане, передала беседу с Верой Артуровной. Мы договорились с Кареном Суреновичем, что он выяснит с руководящими организациями, что следует предпринять. Ведь нужно быть готовым, это может случиться скоро.

В конце августа Стравинские вернулись в Нью-Йорк. До встречи в Эвиане я продолжала писать Игорю Федоровичу, с 1967 года безответно. Теперь писала только Вере Артуровне, но и от нее ничего не получала. В конце 1970 года у нас в печати появилось сообщение: «продается архив Стравинского... 7600 нотных страниц и

17000 писем и документов. Ориентировочная цена архива — три с половиной миллиона долларов»¹. У нас, конечно, заинтересовались этим известием. Ленинградская публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина запрашивала адрес Веры Стравинской, для переговоров. Директор Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки выясняла возможности приобретения архива. Вопрос о продаже в дальнейшем заглох. Это известие крайне взволновало детей Игоря Федоровича, в частности, потому, что на продажу шли не только манускрипты, но и вся семейная личная переписка семьи Стравинских. Федор написал Вере Артуровне, как старший из детей, и выразил их отрицательное отношение к намеченной продаже. В результате — взаимоотношения были порваны.

Вера Артуровна осенью 1970 года приобрела новую квартиру на Пятой авеню в Нью-Йорке, и вся зима ушла на полное переоборудование и отделку. Об этом я узнала уже много позже. «Квартира просторная, выходит в парк и залита солнцем», — писала Вера Артуровна в июле 1971 года. В марте состояние Игоря Федоровича настолько ухудшилось, что его пришлось госпитализировать. В его отсутствие Вера Артуровна и Крафт переехали в новую квартиру, а 30 марта 1971 года из больницы привезли на Пятую авеню Стравинского. На новой квартире он прожил «четыре или пять дней, и вдруг у него опять сделался отек легких. Сделали все, что могли: кислород, днем и ночью смена докторов, но сердце не выдержало, и во вторник 6 апреля оно остановилось в 5²⁰ утра» (из письма Веры от 6 июля 1971 г.).

15 апреля Игоря Федоровича похоронили в Венеции на кладбище Сан-Микеле, в русской его части.

¹ «Известия», 1970, 13 декабря.

Содержание

<i>В. Смирнов.</i> Несколько штрихов к портрету И. Ф. Стравинского	5
К читателям	18
Стравинские в Ницце. 1925—1926 гг.	23
Приезд И. Ф. Стравинского в СССР. IX—X 1962 г.	83
Переписка со Стравинскими. 1962—1970 гг.	165
Последние месяцы жизни И. Ф. Стравинского. 1970—1971 гг.	209

Ксения Юрьевна Стравинская

О И. Ф. СТРАВИНСКОМ

И ЕГО БЛИЗКИХ

Редактор *В. В. Рубцова.* Художественный редактор *Р. С. Волхвер.*
Технический редактор *Г. С. Мичурина.* Корректор *Н. Е. Киселева*

ИБ № 1490

Сдано в набор 18.05.78. Подписано к печати 25.08.78. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага мелованная. Обыкновенная гарнитура. Печать высокая. Печ. л.
7,25. (10,15). Уч.-изд. л. 11,04. Тираж 50 000 экз. Изд. № 1613. Заказ
№ 3235. Цена 1 р. 90 к. Издательство «Музыка» Ленинградское отделение.
191011, Ленинград, Инженерная ул., 9. Ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова «Союз-
полиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленин-
град, 196126, Звенигородская, 11.